

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

№ 3 (69) май-июнь 2016 г.

**ШЕФ-РЕДАКТОР
Ал.А. ГРОМЫКО**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
СИМОНИЯ Н.А. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия), ФРАНКО МАРК (Италия),
ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.И. МИРОНЕНКО**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В., ГЛИНКИНА С.П.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
КРАСИКОВ А.А., КУДРОВ В.М., МАСЛЕННИКОВ А.А.,
НОСОВ М.Г., ПОТЁМКИНА О.Ю., РУБИНСКИЙ Ю.И.,
ФЁДОРОВ В.П., ХЕСИН Е.С., ШВЕЙЦЕР В.Я.

МОСКВА

INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

Contemporary
EUROPE
SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

GROMYKO AI. The Day Europe changed • **FYODOROV V.** Colonization of Europe: possible scenario • **RUBINSKIY Yu.** France at the crossroads • **VERNIKOV V.** To win the election but to lose power. *Surprises of “the Spanish party”* • **ROGINKO S.** Results of the UN Paris Climate Conference 2015 • **SHLYKOV P.** Turkey and the EU: the Ankara’s Policy on the eve of the immigration crisis • **VERSHININ A.** French Far Left at the turn of the century • **LOBANOV M., ZVEZDANOVIĆ-LOBANOVA E.** Relations of Serbia with Russia and the EU in national mass-media • **BAZHAN A., GUSEV K.** European Central Bank in conditions of financial crisis • **GOVOROVA N.** Poverty and inequality in European Union • **GULIAN L.** The real estate market of Norway: a threat of a Bubble • **BUTORINA O.** The origin of coinage • **SCHOLARLY LIFE** • **REVIEWS**

INHALT

GROMYKO AI. Leitartikel • **FYODOROV W.** Kolonialisierung Europas: ein mögliches Szenario • **RUBINSKIJ Yu.** Frankreich am Scheideweg • **WERNIKOV W.** Wahlen gewonnen – Macht verloren. Überraschungen der „spanischen Partie“ • **ROGINKO S.** Ergebnisse der Pariser Klimakonferenz der UNO 2015 • **SCHLYKOV P.** Die Türkei und die EU: Politik Ankaras vor der Migrationskrise • **WERSCHININ A.** Französische Linksräder an der Jahrhundertwende • **LOBANOV M., SVESDANOVIC-LOBANOVA E.** Beziehungen Serbiens mit Russland und der EU im Spiegel der nationalen Presse • **BAZHAN A., GUSEV K.** Die Europäische Zentralbank unter Bedingungen der Finanzkrise • **GOVOROVA N.** Armut und Ungleichheit in der Europäischen Union • **GULIAN L.** Immobilienmarkt in Norwegen: Gefahr der „Blase“ • **BUTORINA O.** Über die Herkunft der Münzen • **WISSENSCHAFTLICHES LEBEN** • **REZENSIONEN**

Учредитель и издатель: Институт Европы РАН

Свидетельство о регистрации в Министерстве по делам печати РФ

№ 77-1582 от 10 февраля 2000 г.

© Институт Европы РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Громыко Ал.А.</i> День, который изменил Европу.....	5
<i>Фёдоров В.П.</i> Колонизация Европы: вероятный сценарий	11
<i>Рубинский Ю.И.</i> Франция на перепутье	23
<i>Верников В.Л.</i> Выиграли выборы – проиграли власть. Сюрпризы “Испанской партии”	32

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Рогинко С.А.</i> Итоги Парижской Конференции ООН по климату 2015 года	42
<i>Шлыков П.В.</i> Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса	53
<i>Вершинин А.А.</i> Французские ультраправые на рубеже веков	66
<i>Лобанов М.М., Звезданович-Лобанова Е.</i> Отношения Сербии с Россией и ЕС в зеркале национальной прессы	79

СФЕРА ЭКОНОМИКИ

<i>Бажсан А.И., Гусев К.Н.</i> Европейский центральный банк в условиях финансового кризиса	93
<i>Говорова Н.В.</i> Бедность и неравенство в Европейском Союзе	104
<i>Гулян Л.Г.</i> Рынок жилья Норвегии: угроза “пузыря”	114

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Буторина О.В.</i> О происхождении монет	124
--	-----

Памяти друга. 80 лет исполнилось бы Николаю Петровичу Шмелёву.....	136
Скончался почётный доктор ИЕ РАН кардинал Каповилла	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Роль “Большой тройки” (Великобритания, Франция, Германия) во внешней политике ЕС	138
Европейский интеграционный процесс и гражданское общество (“Круглый стол”)	141
Европа: поиск решения миграционной проблемы	143
Ученый совет ИЕ РАН: последствия встречи папы и патриарха	145
Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики	147
Настоящее и будущее мировой валютной системы.....	149
80 лет – Алексею Давыдовичу Хайтуну.....	154

РЕЦЕНЗИИ

<i>Александров-Деркаченко П.П.</i> Сербия, которую они потеряли	155
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	160

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

* * *

О НАСУЩНОМ

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ ЕВРОПУ

«Шок и трепет» – так когда-то называлось военное вторжение США и Великобритании в Ирак, сотрясшее до основания международный порядок. Такое же название британские евроскептики могут дать операции по выводу своей страны из Европейского Союза («брекзит» - от англ. «Британия» и «выход»). Лондон и Брюссель в шоке. Трепет овладел Брюсселем перед лицом небывалого политического кризиса. Недавно выход Греции из еврозоны («грекзит»), но не из Евросоюза, считался недопустимым и опасным для всех 28-ми государств-членов ЕС. Теперь его самого решила покинуть вторая по величине экономика организации, член Совета Безопасности ООН, ядерная держава и близкий союзник США.

Судьба наносит по ЕС один удар за другим, словно проверяя его на прочность. Конституционный кризис 2005 года, «великая рецессия», усмирение Греции, украинская драма, миграционные цунами. Казалось, что хуже быть не может. Но Британия, все последние 40 лет носившая титул «неудобного партнёра» своих континентальных соседей, преподнесла очередной сюрприз исторических пропорций, выступив на этот раз в роли ассасина «европейской мечты». Отцы-основатели «объединённой Европы», прежде всего Жан Моннэ и Робер Шуман, наверняка, пребывают в недоумении по ту сторону бытия. Что касается духа генерала де Голля, то, наверное, его лик исказила горькая усмешка.

Именно он так не хотел в 1960-е годы пускать британского льва в «европейский загон», предчувствуя, что это принесёт серьёзные проблемы. Где-то рядом с ними разочарованно парят тени Эдварда Хита, Жоржа Помпиду и Вилли Брандта, при которых Британия с третьей попытки вступила в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1973 г. (вместе с Ирландией и Данией).

Есть и другие параллели с вторжением в Ирак: тогда, в марте 2003 года многие страны и специалисты предупреждали, что последствия будут удручающими. Но так же, как Дж. Буш-младший попался на удочку «созидательного разрушения» государств, так и теперь Дэвид Камерон заглотнул наживку евроскептицизма. Теперь, как и в 2003 году, звучали многократные предупреждения, что здравый смысл диктует смену курса, что риски слишком высоки. Но Камерон ещё раз решил сыграть в «русскую рулетку», на этот раз ставкой стала не Ливия, а фиш카 намного крупнее – Британия. В 2011 году Лондон и Париж, без должного согласования с партнёрами по ЕС и НАТО направили своих военных в Ливию помочь «демократической революции», как ширмой воспользовавшись санкцияй СБ ООН о воздушном пространстве, запрещённом для полётов. После того как государство рухнуло и страна погрузилась в хаос, помощники «революционеров» умыли руки и оставили Евросоюзу и ООН решать все последующие проблемы. Авантурой стал и референдум в Великобритании. Опять же Камерон фактически уходит от ответственности, заявив о сложении с себя полномочий. Да, он сделает

это не сразу, а к октябрю 2016 г., когда состоится ежегодная конференция Консервативной партии. Да, он поплатился своими постами премьера и лидера тори. Да, его супруга Саманта была в слезах, когда перед входом в Даунинг-стрит, 10, стояла рядом с мужем, объявлявшем о своей отставке. Но право задействовать статью 50 Лиссабонского договора о выходе страны-члена из организации, право на ведение последующих сложнейших переговоров с Брюсселем о «разводе» и параллельно управление кризисом в связи с намерением Шотландии выйти со второй попытки из состава Соединённого Королевства Камерон предоставляет своему преемнику.

На этом сходство двух драм не заканчивается. Стратегический просчёт премьер-министра усугубляет и то, что он играл в двойную игру, опять же как и Бушмладший в своё время. Последний для нападения на Ирак использовал предлог угрозы со стороны Саддама Хусейна, якобы обладавшего оружием массового уничтожения. Камерон, под благовидным предлогом модернизации Евросоюза, в действительности решал, прежде всего, свои внутриполитические проблемы — нейтрализовать влияние правых популистов в стане тори и прекратить переток консервативного избирателя к Партии независимости Соединённого Королевства.

На промежуточном этапе риск оказался оправданным — Камерон удержал власть на парламентских выборах в мае 2015 года и даже приумножил её. Но если стратегия ошибочна, рано или поздно наступает «судный день». Стоит посмотреть на Ирак сегодня — фактически несостоятельное государство. Значительную часть его территории Багдад не контролирует. Стоит посмотреть на Ливию — поле битвы радикальных и менее радикальных исламистов, но смысл от этого не меняется — опять-таки несостоятельное государство. В Британии Лондон теряет контроль и над ситуацией, и над территорией, в первую очередь шотландской. Такой результат стал следствием цепи событий, каждое из которых в отдельности было не критичным, но в сумме они приводят к радикальным последствиям.

Во-первых, Камерон перехитрил самого себя тем, что вначале играл на поле последовательных евроскептиков, потворствуя им в своей и других партиях, а позже стал уговаривать англичан остаться в ЕС. Многие жители страны почувствовали фальшивь, что только укрепило их в недоверии к политическому истеблишменту. Причём лидер консерваторов вряд ли ожидал так «споткнуться». Ведь только год назад он получил от избирателей ясный мандат сформировать однопартийное правительство, убедив большинство из них в том, что его кабинет вывел экономику страны из кризиса и повёл по пути восстановления.

Британские избиратели не в первый раз «подводят» своих лидеров. Уинстон Черчиль по праву почивал на лаврах одного из победителей фашистской Германии во Второй мировой войне, но на парламентских выборах летом 1945 года неожиданно проиграл лейбористам. Говорят, что он был сильно расстроен «неблагодарностью» британских подданных. Но, несмотря на своё поражение, Черчиль остался в истории великой фигурой британской истории XX века. У Энтони Блэра, а теперь и у Камерона это вряд ли получится, хотя каждый из них успешен, и значительных, добивался. У первого реальные достижения, в первую очередь, умиротворение Северной Ирландии, были перечёркнуты в сознании британцев войной в Ираке. Второй войдёт в историю как лидер, который, запутавшись в собственных аргументах и мотивах, допустил выход страны из ЕС и, возможно, положил тем самым начало её собственного распада.

Во-вторых, Камерон затеял слишком сложную комбинацию, которая не только не замаскировала его непоследовательность, а в конце концов только оттенила её. Задумка выглядела на первый взгляд изящно и в случае успеха могла позволить премьер-министру, как говорят англичане, «получить лучшее от обоих миров» (в данном случае – найти средний путь между критиками и почитателями европейской идеи). Но история распорядилась в соответствии с другой английской поговоркой – «нельзя есть пирог и одновременно сохранить его целым».

Задумка заключалась в том, чтобы Камерон оставался на позициях евроскептицизма, но не твердолобого и местечкового, а созидательного. Для этого было необходимо провести переговоры с ЕС о новых принципиальных уступках Британии со стороны Брюсселя, но опять же не только ради улучшения национального самочувствия, но во благо всего интеграционного объединения. Свою прогрессивную версию евроскептицизма Камерон обосновывал необходимостью сделать экономику ЕС более конкурентоспособной, избавить её от излишнего бюрократизма. Добившись своего в Брюсселе, Камерон должен был вернуться в Лондон триумфатором и без труда убедить британских подданных остаться в Евросоюзе.

ЕС под давлением в первую очередь Берлина действительно пошёл на ряд уступок строптивым островам по ту сторону Английского канала. Так, британское государство получило право сократить детские пособия тем гражданам стран-членов ЕС, которые находятся на его территории, но их несовершеннолетние отпрыски живут в других странах союза. Потенциально больше прав получал британский парламент при оценке новых законов ЕС. Страна ограждала себя от возможной финансовой дискrimинации со стороны участников еврозоны. Эти и другие уступки – реальные или символические – были значительными, но не тянули на статус принципиальных.

Можно провести ещё одну параллель с событиями 2003 года. Тогда Тони Блэр развил невероятную активность в поездках по всему миру, чтобы убедить иностранных партнёров в правоте Лондона и Вашингтона в их иракской стратегии. Блэру было необходимо склонить большинство членов Совета Безопасности ООН к поддержке ангlosаксонской позиции. Это ему не удалось. Камерон в 2015-16 гг. провёл множество встреч и переговоров с европейскими партнёрами и, казалось бы, заручился их поддержкой. Но склонить на свою сторону большинство британцев у него не получилось. В конце концов, как и Блэру, стратегический просчёт стоил Камерону карьеры.

Уже сам факт проведения референдума является для Британии чрезвычайным. До сих пор правительство допускало прямое волеизъявление народа только дважды – в 2011 г. по вопросу об изменении системы голосования на парламентских выборах и в 1975 г. о членстве в ЕЭС. В последнем случае за продолжение участия страны в региональной интеграции высказалось 67% проголосовавших; на этот раз – лишь 48%. Эти цифры на примере британского избирателя показывают, насколько снизилась привлекательность ЕС для европейцев.

Закомплексованность Соединённого Королевства по поводу своих взаимоотношений с Евросоюзом в очередной раз в истории страны разделило её на противостоящие лагеря. Разделительные линии пролегли между партиями, и внутри них, между регионами и между поколениями. Особенно явный раскол произошёл в Консервативной партии и даже в правительстве, несколько членов которого в пику премьеру поддержали кампанию евроскептиков. Шотландия в своём европе-

тизмизме стала прямой противоположностью Англии. Северная Ирландия, хотя и не с таким отрывом, также противопоставила себя последней. Резкий контраст проявился и в том, что настроенный космополитично Лондон оказался погружен в «английское море» евроскепсиса. Молодёжь подавляющим большинством проголосовала за сохранение членства в ЕС, а основной категорией «за выход» стали пожилые белые британцы.

Наибольшую потенциальную опасность для страны результаты референдума представляют с точки зрения её территориальной целостности. Решение о выходе из ЕС «запускает программу» по проведению повторного референдума в Шотландии о независимости. Не исключён в будущем и референдум в Ольстере о воссоединении с Ирландской Республикой. В первом случае государство больше не сможет называться Великобританией, каковой оно стало после унионии Англии и Шотландии в 1707 г. Во втором случае в прошлое уйдёт название «Соединённое Королевство», приобретённое в 1800 г. после унионии Великобритании и Ирландии. Тогда сохранится лишь единственный вариант – Британия (Англия и Уэльс).

К отрицательному исходу референдума привёл целый комплекс причин. Вина Камерона, как и эффективность кампании евроскептиков, бесспорна, но случившееся нельзя назвать недоразумением и случайностью. Уходящий премьер своим просчётом невольно обнажил жёсткую реальность – европейский интеграционный проект накопил такую сумму структурных дефектов, которые грозят отбросить его на десятилетия назад, по крайней мере, в период до единого рынка (последний был создан в соответствии с Общеевропейским актом 1986 года).

Возможный распад страны с отколом Шотландии к этому прямого отношения не имеет. Эта опасность в основном вызвана внутренними причинами, как политическими, так и социально-экономическими. Но главной мотивацией тех, кто проголосовал за «брекзит», всё же были недовольство и разочарование положением дел в ЕС. Причём во многом это недовольство сторонних наблюдателей, а не напрямую «пострадавших». Британия не входит в еврозону, а следовательно напрямую не была затронута кризисом в этой сфере европейского интеграционного проекта. Не является она и частью Шенгенской зоны, а значит, самостоятельно регулирует внешние миграционные потоки.

Главным источником подпитки евроскептицизма в стране стал принцип свободного передвижения на пространствах Евросоюза, и здесь Лондон обязан подчиняться общим правилам. То есть в отличие от греков, итальянцев, немцев, австрийцев, шведов и других наций, напуганных неконтролируемым наплывом беженцев и экономических мигрантов из третих стран, британцы недовольны правом свободного въезда на острова граждан стран-членов ЕС. И это о многом говорит. То, что они не делают большого различия между этими двумя категориями приезжих, свидетельствует о своеобразном мировоззрении жителей Туманного Альбиона. В своём худшем воплощении оно ведёт к достаточно распространённой в стране ксенофобии.

Островной менталитет, скепсис в отношении иностранцев, до сих пор не всеми пережитая травма потери империи внесли свою лепту в результаты референдума. В мировоззрении многих британцев (в основном англичан) парадоксальным образом уживаются и давно ставший иллюзорным образ великой державы (комплекс величия и высокомерия), и прямо противоположный ему образ «маленькой Англии» (комплекс неполноты и «осаждённой крепости»). Но оба эти об-

раза ведут к одному результату – нарастанию изоляционизма страны, сознательному или невольному.

Для политического истеблишмента ЕС «брекзит» является истинным кошмаром. Не исключено, что референдум стал окончательным вердиктом по вопросу о том, что проект европейской интеграции достиг на сегодня пределов своего количественного и качественного расширения на обозримую перспективу. Но не всё так однозначно.

Есть и «светлая сторона» – ЕС вздохнёт свободнее без упрямства Лондона по поводу углубления федеративных начал в развитии объединения. Именно Британия несколько десятилетий была главным критиком расширения Евросоюза вглубь, одновременно лоббируя его количественный рост. Открываются перспективы ускорения движения ЕС в многоскоростном режиме, когда ряд стран могут продвинуться заметно дальше в политической интеграции, например, в сфере общей внешней политики и политики безопасности, в сфере бюджетного союза. Создание Соединённых Штатов Европы – такая же вредная для этого проекта установка, как и возвращение к региональному объединению сугубо межгосударственного характера. Чтобы поддержать устойчивый баланс между этими двумя «опорами», ЕС необходимо в новой реальности эффективно распределить ответственность и бремя лидерства на своих просторах.

И здесь встает вопрос не только о макроэкономических диспаритетах внутри ЕС, но и о политических. Изначальным «мотором» европейской интеграции служил тандем Франции и Германии при поддержке Италии. Позже к ним присоединилась в качестве члена «большой тройки» Британия, но не столько как единомышленник, сколько как третья «вершина треугольника», которая по ходу событий сближалась то с Парижем, то с Берлином. В последние годы, в основном по экономическим соображениям, в лидеры ЕС выдвинулась Германия. В обиход вошла фраза (скорее лестная, чем критическая), что Германия стала слишком велика для Европы, но всё ещё мала для глобальной роли. С уходом в прошлое «деголлевской» Франции и с нарастанием еврокептических настроений в Британии на Берлин стали возлагать всё большие надежды как на политического лидера интеграционного объединения.

Но во многом ФРГ оказалась во власти той же формулы, что и Евросоюз в целом – экономический гигант, но политический карлик. С одной стороны, Германия сумела обратить к своей выгоде идею «пула суверенитетов» и единой валюты. С другой – в отличие от Лондона и Парижа она не сумела (или не захотела) «отвоевать» для себя автономию в проведении внешней политики не только в рамках ЕС, но за его пределами. Суверенитет Германии так и остался под «двумя замками» - «пула суверенитетов» и элементов внешнего управления. В результате она сохранила статус «неуверенного в себе лидера», у которого, тем более, нет желания брать на себя ещё большую ответственность.

Следовательно, с выходом Британии из ЕС высвобождается потенциал для наращивания роли в ЕС других крупных стран, в первую очередь Франции, Италии и Польши. Но вряд ли какая-либо из них в данный момент на это способна. Во Франции отрицательные рейтинги президента бьют рекорды. Итальянская экономика находится в плохом состоянии и Маттео Ренци поглощён проведением конституционных реформ, в том числе рискованной для него реформы верхней палаты парламента. Варшава с новым правым правительством и президентом ис-

портила свои отношения с ЕС из-за действий, которые в Брюсселе расценивают как авторитарные и недемократические.

Существует ли после «брекзита» непосредственная опасность «эффекта домино»? Представляется, что вряд ли. В остальных 27 странах-членах Евросоюза пока ни одна правящая политическая сила не ставит перед собой задачу провести подобный референдум, тем более, не стоит на платформе выхода из организации (своего рода внешнего сепаратизма). Не просматривается и ситуация прихода к власти в ближайшее время где либо политических партий с такой программой. В ЕС их много, но в отличие от тори они находятся во втором или третьем эшелоне борьбы за власть. Но, бесспорно, что успех британских евроскептиков придаст новый импульс таким силам.

Влияние «брекзита» на ситуацию с «внутренним сепаратизмом» в ЕС также неоднозначна. Каталонцы, баски, фланандцы, шотландцы и другие сообщества с сильной тягой к независимости принадлежат к лагерю убеждённых еврооптимистов. Их цели работают на умножение в будущем членов ЕС, но не на раскол и выход из него. В целом, после всплеска центробежных процессов в виде «брекзита», может произойти определённая консолидация внутри ЕС, влекомого чувством самосохранения и осознанием острой необходимости предотвратить дальнейшее ослабление организации.

Наконец, важнейшее значение «брекзита» в том, что он стал одним из отражений «глубинных течений», определяющих ход событий далеко не только на нашем континенте. Феномен Д. Трампа в США, внешний и внутренний сепаратизм в Европе, подъём правого и левого популизма, структурные изменения партийно-политических систем во многих западных странах – это в той или иной степени симптомы новой социальной поляризации.

Социальные диспаритеты в большинстве развитых стран росли последние десятилетия. Мировой экономический кризис ускорил этот процесс. Прогрессирует размывание среднего класса, его дифференциация на более богатые и бедные слои. И всё чаще социальные протесты, голосование за критиков политического истеблишмента можно охарактеризовать как «восстание среднего класса». В определённом смысле возрождается классовый характер политической борьбы.

Европу и Евросоюз впереди ждёт немало интересных и неординарных событий, которые продолжат коренным образом менять традиционные и устоявшиеся представления о жизни в Старом Свете.

Ал.А. Громыко.

УДК 325.3

Валентин ФЁДОРОВ

КОЛОНИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ: ВЕРОЯТНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Аннотация. В статье В.П. Фёдорова рассматривается сценарий превращения Евросоюза в регион, теряющий влияние на остальной мир. Это составляет важнейшее отличие Европы будущей от Европы нынешней. Теснение Европы происходит с разных сторон. Во-первых, из-за океана, вследствие чего Европа стала подчинённой США. Во-вторых, международная миграция постепенно подрывает саму основу существования государства, какой она исторически сложилась.

Ключевые слова: Европа, Россия, США, Греция, колонизация, миграция, неравноправие, противоречия, интеграция.

В мировой летописи были грандиозные факты – это падение Древнего Рима, Константинополя, щемящий душу распад Советского Союза и другие вехи истории. Сейчас на наших глазах происходит крушение Европы, и остановить этот процесс не представляется возможным.

Ещё в 70-х годах прошлого века на вывесках в европейских продовольственных магазинах можно было прочитать: “Колониальные товары”. Имелись в виду привезённые из-за границы такие продукты, как кофе, бананы и другая экзотика. Сейчас подобных вывесок больше нет. Ирония истории состоит в том, что интеграционная Европа вернулась в колониальные времена, но не в качестве повелителя, а в качестве страдающего субъекта. *Alia Tempora* – другие времена. Положение Европы в международных отношениях хуже, чем когда-либо, если исключить мировые войны, а в перспективе и оно может сравняться с ними или даже превзойти их. Метод прогнозирования по опасностям даёт неблагоприятные для Европы результаты.

Мировая статистика фиксирует снижение доли Европы в мировом хозяйстве в долговременном плане. Развиваясь сначала по восходящей траектории, Европа затем стала сдавать позиции и, как показывают прогнозы, она не сможет остановить эту тенденцию в обозримой перспективе. Потеря динамики уменьшает возможности европейского влияния на остальной мир, что составляет важнейшее отличие Европы будущей от Европы нынешней.

Теснение Европы происходит с двух совершенно разных сторон.

© **Фёдоров Валентин Петрович** – чл.-корр. РАН, заместитель директора Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** vpfyodorov@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – грант РГНФ № 15-03-00095а.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320161122>

Неравноправное партнёрство

Во-первых, из-за океана. Во 2-й половине XX века с переходом в XXI век Европа стала подчинённой Соединённых Штатов Америки, которые были созданы миграцией из Старого Света и сами первоначально испытывали колониальную зависимость. Можно сказать, что доктрина “Америка для американцев” дополнилась другой идеей – “Европа для американцев” (имеются в виду США), и она была реализована. Колыбель великой цивилизации, родина Ренессанса, мастерская мира, сокровищница других непревзойдённых достижений, Европа следует теперь заданному извне курсу. Символичен такой пример. В прошлом Кёльнский собор был самым высоким зданием в мире. Сейчас он уступает другим зданиям за рубежом. Взятые вместе и каждая европейская страна по отдельности ориентируются на Вашингтон, причём такая сервильность доходит порой до неприличия.

Вице-президент США Джо Байден, выступая в 2014 г. в Гарвардском университете, перед “своими”, не только не счёл нужным хоть как-то камуфлировать этот факт, но сделал на нём ударение. Да, заявил он, европейские страны не хотели присоединяться к антироссийским санкциям в связи с украинскими событиями, но США настояли и добились своего. Причём их союзники были вынуждены действовать вопреки собственным интересам. Под удар были поставлены результаты многолетних усилий по налаживанию и развитию экономических и культурных отношений с Россией.

Почему это происходит? Потому что Соединённым Штатам выгоден миф о российской агрессивности и вытекающей отсюда опасности для западного мира, он помогает им в реализации своего великодержавного курса в международных делах и стремлении ослабить Россию. Вассальное положение Европы не способствует созданию атмосферы доверия на континенте. Таким образом, с Европой произошла кардинальная метаморфоза с печальным итогом (потеря своего лица), и здесь вряд ли возможен обратный путь.

В начале 1990-х годов в российской общественной жизни появилось выражение “Вашингтонский обком”, под которым понималось выполнение пожеланий и советов из-за океана. Если в отношении России “обком” перестал функционировать ввиду полной бесперспективности, то этот афоризм по-прежнему применим к странам ЕС.

Создание зоны свободной торговли между США и Евросоюзом, которое стоит сейчас на повестке дня, имеет свою подоплётку, которая скрыта за непростыми переговорами о конкретных экспортно-импортных мерах.

Что касается США, то они хотели бы прочнее привязать к себе Евросоюз и тем самым ограничить, насколько это возможно, размеры коммерческого общения Европы с другими её партнёрами. При всех тесных трансатлантических связях Соединённые Штаты точит червь сомнения насчёт надёжности Европы как стратегического союзника. Образование зоны сокращает физические возможности европейских стран отклоняться от Америки, торговля с которой к тому же даёт свои выгоды. Как заявил бывший президент Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу, предстоящее трансатлантическое соглашение о торговом и инвестиционном партнёрстве является собой самую недорогую программу по поддержке коньюнктуры, какую только можно себе представить. При сопоставлении экономических потенциалов перевес в пользу США очевиден. По данным Евростата, валовый внутренний продукт США, рассчитанный по паритету покупательной способности, превышал германский показатель более чем в четыре раза, французский – более чем в

шесть раз и т.д. Он лишь немного уступал суммарному ВВП всех 28 стран Евросоюза (население 508 млн человек). Если взять НАТО, то США покрывают 72% всех расходов альянса [The Economist, May 2016].

Для непослушных в Европе у США есть разные меры воздействия. Вот что свидетельствует Милован Дрецун, известный в Сербии деятель, бывший депутат Скупщины, имея в виду бомбардировки Белграда в 1999 г. “И ещё – у нас надломлена мораль, у нас, у сербов. Мы теперь не можем так активно сопротивляться американскому влиянию, американскому вторжению в нашу жизнь” [Международная жизнь, 2014: 42].

Евросоюз, со своей стороны, боится что Соединённые Штаты бросят его на произвол судьбы из-за их глобальных интересов и заметного усиления внимания к другим регионам. Интеграционный альянс меньше всего желает остаться в Европе один на один с Россией, которая в его глазах является синонимом непредсказуемости. Украинские события в 2014 г. лишь усилили в той части Европы такого рода опасения.

Можно напомнить также, что, развивая свою глобальную переориентацию, США создали транстихоокеанское партнёрство, куда вошли многие страны этого региона. На очереди ратификация соглашения. Цель достаточно прозрачна – поставить под контроль как можно больше мировой экономической географии.

Потеря значительной части суверенитета членов ЕС в пользу США – факт очевидный и полудобровольно осуществлённый, он воспринимается в мире как объективная реальность. В обозримом будущем он не подлежит изменению, и скорее всего будет закреплён в силу различных причин. Послушание в мировой политике не лучшая линия поведения, но именно оно характеризует трансатлантические связи и настолько въелось в плоть и кровь населения по обе стороны, что “рекомендации” США берутся к исполнению без большого сопротивления. Возникающие иногда шероховатости быстро улаживаются с соблюдением этикета или без него. Приуждение к участию в натовских авантюрах, тайное прослушивание разговоров деятелей “дружественных стран” (кстати, взаимное), научно-промышленный шпионаж, форсирование экономических санкций, пренебрежительные высказывания по поводу младших европейских партнёров, вплоть до непечатных – лишь часть общей картины. Нельзя сказать, что начавшееся падение Европы не осталось без последствий для психологии её жителей. “Американцы обращаются с нами, европейцами, всё ещё как с вассалами” – это прямая речь руководителя парижской “Школы против экономических войн” (*École de guerre Économique*) Кристиана Харбулота, с сожалением отказывающего Франции в государственной самостоятельности ввиду её зависимости от США [Die Zeit, 2015, № 27].

Равнение на США демонстрирует страна номер один в Евросоюзе, это ФРГ. Став после 1945 г. на трансатлантические позиции, она получила выигрыш в виде присоединения к ней ГДР и введения единой валюты и в меру своих немалых возможностей наводит порядок в интеграционном союзе, хотя далеко не всегда ей это удается.

“Европейская интеграция стала настолько сложной, что её смысл больше непонятен”, – считает Ди Фабио, профессор Боннского университета, ранее работавший судьёй в Федеральном Конституционном суде. Так заявляет не только он. Тем не менее интеграцию никто не отменял. Она является составной частью европейской действительности со всеми её достижениями и превратностями.

В любом движении должен быть лидер. В Евросоюзе эти функции взяла на себя Германия с согласия стран-партнёров. Однако здесь не всё так просто. В этом распределении прав и обязанностей есть подводные камни. Как известно, ближайшие

союзники Германии, а именно Франция и Великобритания, не были горячими сторонниками её объединения, руководствуясь формулой “две Германии лучше, чем одна”. Тем не менее они не смогли остановить начавшийся процесс слияния. Помня о двух мировых войнах и стремясь обезопасить Европу от возможных недружественных действий объединённой страны, Ф. Миттеран выдвинул условие – отказ от марки и введение единой валюты, евро. При таком подходе исключалась всякая возможность жёсткой конфронтации, не говоря уже о силовых действиях со стороны усилившейся Германии. Не будет же Берлин вредить самому себе и создавать пожар на общей территории. Эта часть ожиданий впоследствии оправдалась. ФРГ заботилась об общей валюте, как она это понимала, сознавая её уникальную роль в европейском контексте.

Вместе с тем евро способствовал экономическому преобладанию ФРГ, поскольку он устранил перегородки между странами. Обладая мощным экономическим потенциалом, ФРГ реализует свои преимущества через внешнюю торговлю, через экспорт. В структуре последнего значительное место занимают оборудование, машины, химические товары, спрос на которые всегда высок. Их характеризуют хорошее качество плюс разумная цена. В результате страны-партнёры оказались в сложном положении. С одной стороны, они позитивно настроены по отношению к ФРГ и видят в ней опору при разрешении разного рода кризисов в альянсе. Это является существенным отличием от прошлых времён, когда усиление Германии несло с собой страх и опасности. С другой стороны, экспортная экспансия, выражающаяся в существенном превышении экспорта над импортом, оставляет слишком мало места для партнёров, которых немцы теснят на собственных рынках и которым трудно проникнуть на немецкие рынки по разным причинам: из-за структуры экспортата, качества и цены.

Внешняя торговля – важный канал обогащения ФРГ. Получается, что чем сильнее ФРГ, тем относительно слабее её окружение. Чтобы как-то воспрепятствовать такому ходу вещей, члены Евросоюза, по примеру Миттерана, который вряд ли предвидел коварство евро, установили предел для экспортного засилья – 6,5%. Он рассчитывается как размер превышения экспорта над импортом в валовом продукте. Этот показатель можно получить путём уменьшения экспорта, либо путём увеличения импорта. Время покажет, будет ли выполняться данная установка и насколько она приемлема для ФРГ.

А пока доверие к США со стороны Германии, похоже, сыграло с ней недобрую шутку. Дело в том, что значительная часть золотого запаса ФРГ находится в США, что в своё время было сделано по соображениям надёжности хранения. Но, как оказалось, вернуть этот драгоценный металл их хозяину не получается из-за отказа американских властей, которые даже не разрешают провести аудит количества и качества хранимого золота. Представители встревоженной общественности ФРГ задают неудобные для руководства страны вопросы, но оно ограничивается успокаивающими заявлениями. Чего Берлин смог добиться, так это разрешения верного союзника на вывоз небольшой части запаса. Эксперты допускают, что слитки были так или иначе реализованы в американских экономических интересах, и ФРГ может распрощаться с оставшимися резервами. Речь идёт о большой политике, и здесь уже ФРГ должна учитывать мотивы США, а именно: не обострять вопрос, чтобы не спровоцировать другие страны, так же сдавшие США своё золото на ответственное хранение.

Принято считать, что западные страны находятся в одной лодке. Это не так. США и Европа сидят в разных лодках, если брать военный аспект их геостратеги-

ческого положения. В случае крупномасштабной гипотетической авантюры прежде и больше всего пострадает именно Европа, которая сыграет роль пешки в американских планах. Отсюда США, которые, что называется, надеются отсидеться за океаном, представляют реальную опасность для Европы¹. Конечно, Европа не однородна. Страны различаются по разным показателям, объективным и субъективным. Иногда бывает диссонанс с США в подходе к некоторым вопросам. Но в том-то и дело, что при всех различиях европейским странам присуща общая черта – американский приоритет.

Судьбоносным выбором Германии со знаком минус является то, что она крепко-накрепко связала себя с Западом, и прежде всего с США. Тем самым она отказалась от права иметь собственный решающий голос в международных отношениях и должна подстраиваться к политике заокеанской державы. Можно принять на веру аргумент о том, что после окончания Второй мировой войны и краха фашистского режима немцы потянулись к демократии, и поэтому советский авторитарный стиль был для них неприемлем. Приоритет отдавался свободе, а не германскому единству. Целью было объединение западных сил и отторжение ГДР от сферы влияния Советского Союза. Сначала свобода (*Freiheit*), потом единство (*Einheit*).

Положение можно было исправить в 1990–1991 гг., когда произошло объединение Германии и последовал всего через год с небольшим распад СССР. Россия стала демократическим государством, а потому терял силу упомянутый прежний аргумент о ненасытной немецкой любви к демократии и неприятии жёсткого советского строя. Но ФРГ, став суверенной державой, не воспользовалась открывшейся на некоторое время возможностью реального стратегического партнёрства с РФ. Она продолжила прежнюю линию на союз с США и его всестороннее укрепление, причём последнее слово принадлежит там не ей. Если бы ФРГ была ныне действительно самостоятельным государством, в дружбе с новой Россией или без неё, ситуация в Европе выглядела бы совершенно иначе. Блок НАТО был бы ослаблен или вообще распущен, не потребовались бы европейская ПРО и другие военные приготовления.

Просчёты кардинального значения ставят вопрос об ответственности их авторов, будь то страны, политические партии, отдельные деятели. Когда дело уходит в историю, то уже ничего не поделаешь, но когда речь идёт о наших днях, то эти авторы, опять же в трёх ипостасях – страны, партии, деятели, должны взять на себя историческую вину. Мы же видим обратное – немалый потенциал объединённой Германии во многом используется не в интересах сотрудничества с Россией. “Германия должна научиться стоять на собственных ногах во внешней политике”, – считает депутат бундестага Тобиас Цех, и с ним можно согласиться [Welt Trends, № 113, 2016].

Антисистемная сила

Во-вторых, чем дальше, тем больше иммиграция из-за рубежа подрывает саму основу существования государства, какой она исторически сложилась. Штурм Европы выходцами из развивающегося мира не может закончиться неудачей: слишком много желающих и страждущих овладеть чужими благами цивилизации при

¹ Как стало известно в марте 2015 г. из уст самого В.В. Путина, рассказавшего в телефильме “Крым. Путь на Родину” о важных перипетиях борьбы за полуостров, он мог привести в боевую готовность российские ядерные силы.

слабой эффективности контроля над массовым переселением. Причём, если в случае с Соединёнными Штатами и Европой речь идёт о разборке “среди друзей”, о субординации, то иммиграция в Европу несёт в себе разрушительное начало. Не все, но многие из вновь прибывших, легальных и нелегальных, настроены враждебно по отношению ко “второй родине” и действуют соответственно.

Драматические события 2014–2015 гг., когда в Европу хлынули многомиллионные массы беженцев и переселенцев, и ситуация на какое-то время вышла из-под контроля, поставили европейских политиков перед необходимостью принятия срочных адекватных мер. По оценке некоторых экспертов, не все из этих деятелей оказались на высоте и в том числе канцлер Меркель. Она проявила излишне либеральный подход, заявив “мы справимся с этим” (*wir schaffen das*) и разрешив мигрантам из объятой внутренней войной Сирии беспрепятственный въезд в Германию. Этим воспользовались мигранты из других проблемных стран, рассчитывая на благосклонность немецких властей. Неиссякающий приток страдальцев плюс присоединившихся экономических мигрантов и дельцов с их криминальным бизнесом превысил все имеющиеся возможности по их сколько-нибудь удовлетворительному приёму и размещению и вызвал критику Меркель как внутри страны, так и за рубежом.

В сложившихся обстоятельствах ЕС раскололся на тех, кто призывал к жёстким мерам и даже строил пограничные стены, и тех, кто, несмотря ни на что, проявлял “гуманизм”. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, решительный сторонник жёсткого подхода, обвинил ФРГ в создании невыносимой ситуации. Пытаясь как-то исправить положение, Меркель прибыла в Турцию, чтобы убедить премьера Реджепа Тайипа Эрдогана ограничить у себя потоки людей, которые устремились в Европу и прежде всего в Германию. Взамен она пообещала внимательно отнестись к ходатайству Турции по ряду вопросов, в частности, визовому, которые давно находятся на повестке дня. Через некоторое время, в феврале 2016 г., она вновь отправилась в Турцию, откуда вернулась без большого успеха. В конце концов в марте 2016 г. после неоднократных переговоров между ЕС и Турцией было выработано соглашение о совместном преодолении критической ситуации. В нём Турции отводилась ключевая роль, и многие эксперты сомневаются, что оно будет выполняться надлежащим образом. В апреле того же года Меркель опять посетила Турцию и на этот раз расположенный там лагерь беженцев.

В непростую картину германо-турецких отношений добавился новый штрих. В июне 2016 г. бундестаг принял почти единогласно резолюцию о признании геноцидом массовое истребление армян в Османской империи. В ответ Анкара заявила, что такой акт не останется без последствий.

Осознание феномена современной международной миграции не пришло сразу в полном объёме. Сначала гастарбайтеров рассматривали как временную рабочую силу, которая “немножко поработает” на новом месте и вернётся домой, при этом всем будет хорошо. Первая партия “гостей” прибыла в ФРГ из Италии в январе 1956 г. сроком на один год. Затем оказалось, что приехавшие по востребованнию несут в себе социальное измерение: они должны не только что-то производить, убирать, красить, но и вправе рассчитывать на большее, а именно: на свои гражданские права, включая семейную жизнь, бытовое обустройство, участие в выборах, обучение, управление. Как оказалось, приехали не просто рабочие руки, а люди со своими проблемами. И лишь сейчас обозначилась колossalная (мягче не скажешь) антисистемная сила миграционного фактора, которая не только не сдаст свои позиции, но постепенно будет расширять их. Так, в Германии, ведущей стране Евросо-

юза, уже сейчас 20% населения имеют в своей биографии миграционную составляющую, а численность желающих и пытающихся проникнуть в страны ЕС насчитывает миллионы и миллионы человек.

В обществе накапливается параллельный потенциал недовольства, который опаснее традиционного “социального динамита” по той причине, что нашедшие прибежище иностранцы стремятся изменить страну до неузнаваемости и учредить свои порядки. Власти ЕС и отдельных стран перепробовали многие меры по сдерживанию иммиграционного фактора, но они не дали желаемого результата¹. Бывшие колонии и зависимые территории наносят ответный удар, с которым Европе не удастся справиться. Африка и Азия берут реванш за прошлое. Можно выразиться и иначе – Европу постигло историческое возмездие. Происходит завоевание её изнутри.

Примечательны рассуждения некоторых западных политиков и экспертов. Так, лидер немецких социал-демократов Зигмар Габриэль указывает на то, что “больше беженцев означает больше конфликтов, к этому мы должны быть готовы” [Die Zeit, 2015, № 35]. Другой автор, Дирк Курбьювайт, считает неизбежным, что Германия станет более пёстрой, и призывает сознательно оформлять этот процесс, чтобы не допустить его хаотичности. С этой целью он предлагает взять на вооружение концепт всех цветов радуги (Rainbow Nation, Regenbogennation), позаимствовав его у Южной Африки. Тем самым, по его мнению, немцы создали бы современное государство и современную нацию [Der Spiegel, 2015, № 35.]. Однако это возникающее многообразие создаёт, скорее, реальную опасность для государства и нации, а не основу для бесконфликтности.

Зародился и действует разрушительный ход истории, содержание которого состоит в превращении мононациональных государств в многонациональные. Причины такой метаморфозы различны: религиозные, культурные, социально-экономические. В Европе это проявляется особенно отчётливо. Происходящие время от времени уличные беспорядки выступают как сигналы будущих потрясений, а их участники – как буревестники революции, если прибегнуть к известному выражению. Всё имеет обратную сторону. Даже подаренный букет цветов засыхает, и от него приходится избавляться².

Столкновение цивилизаций, чем дальше, тем сильнее, происходит не только на межгосударственном уровне. Его география расширяется путём переноса вражды внутрь стран-реципиентов, на их национальные площадки из стран-поставщиков взрывного источника.

Не будем преувеличивать и называть происходящее лавинообразным процессом, хотя, если иметь в виду не скорость, а суть, то сравнение с лавиной может всё-

¹ Согласно Дублинским соглашениям, прибывающие на территорию Евросоюза иностранные беженцы должны обращаться с просьбой о предоставлении убежища к той стране ЕС, куда они проникли первоначально. Ввиду несогласия ряда стран с таким порядком в ЕС обсуждается предложение о введении квот на приём иностранцев, что опять-таки вызывает спор среди стран альянса. Однако общая картина от этого не меняется – численность иностранцев в Евросоюзе растёт.

² В послевоенной хронике ФРГ имеется одна примечательная фотография, сделанная 10 сентября 1964 г. На ней представители союзов предпринимателей и профсоюзов приветствуют на вокзале в Кёльне некоего Армандо Родригеса из Португалии, ставшего миллионным гастарбайтером, и вручают ему цветы и двухместный мопед. Сейчас эта картинка вызывает смущение у многих жителей ФРГ.

таки пригодиться – антисистемное движение попутно вбирает в себя часть титульного населения. Эти граждане не заблудшие души, не единичные перевертыши, а сознательно вставшие на путь протеста немцы, французы и другие жители Старого Света.

Этот протестный союз, увеличивающийся в своих масштабах, раскалывает общество, поляризует его. Поскольку демократическими средствами не представляет возможным преодолеть упомянутый союз, то в ответ активируются радикальные националистические силы при значительной поддержке местного населения. Обе стороны будут биться до победного конца, ситуация общего выигрыша не получится. В обществе снижается ощущение личной безопасности, это затрагивает всех и каждого, и в таких условиях коренное население скорее поддержит недемократические, правые блоки, включая ультра, ставящие на повестку дня безопасность, а не демократов с их порой безбрежным либерализмом.

Обе стороны борются “за народ”, но имеют разные приоритеты. Современное великое переселение народов прорвёт любые плотины и со временем поставит вопрос об идентичности титульной нации как таковой. Отстаивать родные бастоны с переменным успехом смогут не демократы, абсолютизирующие права человека, гражданское общество и сомнительные духовные ценности, а правооенные отряды защитников наследия отцов и дедов, причём свои действия они будут осуществлять не столько согласно букве конституции, сколько используя конституционные изъятия. Демократия покажет своё бессилие перед вызовом пришельцев и их адептов. Она похвальна при “хорошей погоде”, но несостоительна при чрезвычайных обстоятельствах.

Опасность отчуждения почувствовали швейцарцы, и на референдуме в феврале 2014 г. сторонники “прямой демократии” проголосовали против облегчённого допуска к себе граждан из стран Евросоюза (для иных европейцев квоты были установлены раньше). Перевес в голосах был минимальный. Евросоюз тотчас же выразил недовольство по поводу ущемления прав человека и пообещал подумать об ответных мерах.

Тем временем в самом Евросоюзе множатся голоса о пересмотре Шенгенской системы, считавшейся наряду с созданием евро грандиозным успехом интеграционного процесса. Интересно получается. Если вначале страны видели решение миграционной проблемы в совместных действиях, в коллективном подходе, то ввиду неудач выход ищут в изоляционизме, возвращении к старым добрым временам, то есть готовы сделать шаг назад с точки зрения общеисторического прогресса. Но и в этом случае успеха им никто и ничто не гарантирует. Европейская мечта исчезает – пишет английский журнал “Экономист” [The Economist, 2016: 22].

Демократические устои в том виде, в каком они существуют сегодня, создавались благодаря объективным законам развития – закону повышения производительности труда, закону возвышения человеческих потребностей и др. Они действуют и ныне. Но сейчас формируются основы для верховенства иррационального, силового императива, а именно: “кто кого”. Здесь законы развития, как на войне, отступают на второй план. В мире нарастают не тридцать три несчастья, вспомним поговорку, а два, которые изменят мир: это схватка неоднородных в национальном и религиозном отношении государств и переход от демократии к авторитарным методам управления, что, однако, не спасёт Европу от исторического поражения. Вертикаль не может устоять при рыхлой горизонтали.

Внутриинтеграционные противоречия

Ослабление традиционных связей с Россией ввиду украинских событий ведёт к потере Европой важного элемента устойчивости во внутренних делах и надёжности в международных отношениях. Она так до конца и не осознала значение для себя стабилизирующей роли России на континенте и уже ничем не сможет компенсировать указанное историческое упущение.

Таковы в общих чертах внешние условия, частично переходящие во внутренние условия существования современной Европы. Её происхождение предопределено, причём время не является её союзником. Некоторое утешение регион находит в интеграции, хотя это никак не предотвращает развитие ситуации по далеко не лучшему сценарию. Более того, потрясения поджидают Европу и в деле интеграции, что видно на примере ряда стран, годы пребывания которых в Евросоюзе не пошли им на пользу.

Представляется весьма интересным соотношение между разными типами кризисов в современных условиях. Структурные срывы стали чаще, чем прежде, посещать национальную экономику, потеснив классические спады, то есть кризисы перепроизводства. Образно выражаясь, можно сказать, что циклические, Марксовы кризисы хозяйству ещё заработать, заслужить надо, поскольку их опережают структурные разломы. Худо-бедно, но экономическая наука выработала некое противоядие в борьбе с кризисами перепроизводства в виде различного регулирования спроса в разных фазах цикла, тогда как структурные спады ниже нуля всегда являются собой *terram incognitam*. Даже осознав их причину в каждом конкретном случае, что само по себе можно назвать достижением, власти стоят перед трудным выбором рычагов воздействия на образовавшийся структурный дисбаланс.

Циклические и структурные кризисы в западном мире показали недостаточность национальных мер для их преодоления. Как стало ясно, во избежание непредвиденных последствий требуется многосторонняя координация антикризисных усилий, а иногда и помочь терпящим бедствие странам. Так было не всегда. Во время Великой депрессии каждая страна спасалась, как могла, не рассчитывая особенно на чью-то поддержку. Попытки отгородиться от мирового экономического пожара, воздвигнув своего рода брандмауэр, т.е. с помощью пошлин, лишь усугубили тогда положение.

Отрицательный опыт национального экономического эгоизма был учтён в европейском интеграционном процессе. Теперь каждый член сообщества может расчитывать на действие при возникновении трудностей в своём народном хозяйстве, правда, при выполнении определённых условий. Они довольно многочисленны и часто очень болезненны. О благотворительности здесь не может быть и речи. Из-за тесного переплетения хозяйств и их отраслей проблемы могут легко переноситься из страны в страну. “Валютный союз сужает пространство для отдельно взятых правительств до состояния неспособности действовать, это характерное для Европы упразднение демократии через чёрный выход”, – отмечает Сара Вагенкнехт, деятель Левых в ФРГ [WirtschaftsWoche, 2015, № 36: 98]. Как бы то ни было, в 2012 г. Евросоюзу была присуждена Нобелевская премия мира, кстати, оспариваемая ныне в судебном порядке.

В отличие от реального производства, где каждый процент роста даётся с напряжением, кредитная денежная масса имеет свойство самовозрастать до пагубных размеров. Подобный кризис как раз и произошёл летом 2015 г., потрясший Грецию и её отношения со странами Евросоюза, где главным контрапартнёром вы-

ступала Германия. Греция оказалась в состоянии неплатёжеспособности и стояла на грани дефолта. Экономические события вышли из-под управления, приняли угрожающий характер и с трудом были на время обезврежены опять-таки за счёт новых займов.

В переговорном процессе курсировали два документа с противоположным содержанием: один – за сохранение членства Эллады в Евросоюзе, другой – за выход её из интеграционного альянса. В конце концов А. Меркель склонилась к первому варианту, заставив греческого премьера А. Ципраса принять драконовские условия. Что, однако, характерно, кредиты, проценты, сроки, реструктуризация – именно финансовый лексикон использовался в обсуждении сложившейся тогда критической ситуации. Реальное производство оставалось на втором плане, хотя от него зависит благополучие страны. Дело в том, что члены ЕС совсем не заинтересованы в появлении конкурента, каким в перспективе могла бы стать Греция, ведь куда проще дать взаймы денег, но не отдать рынок. А пока, по словам известного греческого писателя Никоса Диму, всё в эту страну импортируется, даже лимоны [Der Spiegel, 2015, № 28].

В свою очередь, небезынтересно проследить линию поведения Греции. А. Ципрас давал понять, что он не остановится ни перед чем, если члены ЕС не пойдут ему навстречу, вплоть до выхода страны из еврозоны. Кроме того, он нанёс два демонстративных визита в Москву. Этот шантаж вызвал некоторое смятение в рядах ЕС. Однако в конечном итоге греческий лидер уступил, заодно сдав итоги референдума, который отверг требования ЕС. Его решимость оказалась тогда блефом, на который Брюссель не поддался. На внеочередных парламентских выборах 20 сентября 2015 г. Ципрас победил и таким образом снова получил шанс вывести страну из глубокого экономического кризиса.

В отличие от производства, где действует принцип “чем больше, тем лучше”, во внешней торговле он часто неприменим. Причина состоит в том, что товарооборот в любом случае состоит из двух частей, экспорта и импорта, и постоянный перекос в пользу экспорта, накапливаясь, становится тормозом его роста. Поэтому объявленная в Европейском Союзе цель сплочения содержит в себе известное отрицание. Немецкие товары находят широкий сбыт на мировом рынке, создавая положительное сальдо. Помимо поддержки конъюнктуры во время экономических спадов, данное обстоятельство способствует подъёму страны. Но это происходит за счёт относительного обеднения партнёров, поскольку они покупают больше, чем могут продать.

Можно с большой вероятностью предположить, что положительные импульсы от интеграции в основном исчерпаны, позитив выбран так, что на ней далеко не уедешь. По крайней мере, постепенного сплочения не наблюдается, да оно и нежелательно для некоторых участников Евросоюза, поскольку от него выигрывают страны с сильной экономикой. Вернуться назад нельзя, а двигаться вперёд рискованно. Как считает федеральный президент Австрии Хайнц Фишер, одна из проблем состоит в том, что после десятилетий своего существования Евросоюз не сумел определить “структурную цель”, то есть окончательный план построения альянса [Europäische Rundschau, 2015]. В свою очередь, министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер придерживается мнения, что за пределами Евросоюза о нём думают лучше, чем внутри него [Der Spiegel, 2015, № 18].

Неопределённость намерений стран Евросоюза отчётливо видна на примере бюджета интеграции, этого важнейшего инструмента политики. Нынешний порядок его формирования вызывает споры внутри сообщества. Предлагается перейти к другой схеме, а именно определить собственные источники, которые создавали бы

независимость от решений отдельных членов ЕС о размерах этих взносов. В частности, имеется в виду введение такого показателя, как обязательный процент отчисления в бюджет от налоговых поступлений в каждой стране. Однако договориться участники никак не могут: велики опасения, что наднациональные органы получат слишком большие полномочия. Не имеет шансов на реализацию и другая инициатива, проявленная французской стороной. Предлагается создать европейское министерство финансов со своим бюджетом, налогами, кредитным обеспечением, а контроль над ним взял бы на себя европейский парламент. Тем самым, как считается, можно было бы своевременно и в полном объёме реагировать на возникающие кризисы, не допуская временного лага. Это предложение стало лёгкой добычей критиков, которые не без оснований усмотрели в нём пагубный централизм и пороки перераспределения [WirtschaftsWoche, 2015, № 37: 8].

Памятные события 2015 г. послужили катализатором колонизации Европы. Они дополнили процесс, который до той поры протекал в более или менее регулируемом формате и не требовал чрезвычайных мер. “Вначале Европы не было” – так начинается фундаментальный труд известного английского историка Н. Дэвиса [Дэвис Н., 2006]. О скором конце Старого Света говорить ещё преждевременно – не истёк необходимый срок, но вернуть всё назад тоже не удастся. Географически Европа не изменится, а вот её внутренняя конструкция претерпит кардинальные преобразования.

Европе много раз прочили незавидную судьбу, но эти предсказания не оправдались всесело. Силы выживания превосходили грозившие ей реальные угрозы. Сейчас в действие вступили факторы, которые невозможно преодолеть и которые содержат в себе такой деструктивный потенциал, какого Европа ещё не знала.

* * *

Нередко бывает так, что новые обстоятельства заставляют пересмотреть оценку прошлого. Отношения России с Западом как раз такой случай. Подтвердился ещё раз тот факт, что хорошие отношения между ними могут сохраниться лишь при односторонних уступках со стороны России, а немного раньше на беспрецедентные уступки пошёл Советский Союз. Слова “хорошие отношения” применительно к тому периоду можно брать в кавычки, так как они не отражают существовавшей тогда действительности. Целью западной политики было не поддержание и развитие равноправного сотрудничества с нашей страной, а низведение её в ранг по-случному второстепенного партнёра, окорачивание её. Делалось всё для того, чтобы она привыкла к этой роли. Не получилось. Поэтому неприемлемо возвращение к так называемым добрым временам, когда были отданы “просто так” накопленные за десятилетия политические и военные активы, когда практиковались встречи без галстуков, простодушно воспринимавшиеся нашими деятелями как установление равноправия. Всякая ностальгия здесь неуместна.

На фоне европейской турбулентности для России важно сохранять стабильность своей внутренней структуры. Здесь нет ничего принципиально нового. Страна имеет колоссальный запас прочности в виде природных ресурсов, который выправит ошибки политики, если они будут допущены. Такое уже происходило в нашей истории. На этом запасе можно жить очень долго. Осознаны задачи, требующие своего выполнения. Это ликвидация перевеса в пользу сырьевых отраслей, повышение производительности труда, создание разветвлённой производственной

инфраструктуры, дорогостоящее освоение Арктики и другие. Но есть один фактор, который с трудом поддаётся воздействию в желательном направлении, а то и вообще не приемлет регулирование, хотя от него зависит судьба страны. Речь идёт о демографии.

Возможное уменьшение численности населения в долговременном плане перечёркивает все прочие достижения и ставит вопрос о существовании нации и государства. К чему все старания, если страна теряет население. Характерной особенностью России в международном сопоставлении являются существенные различия между двумя главными показателями любой страны: по численности населения – 2,1% и по территории – 12,7%¹. Каждая доля процента снижения первого показателя расшатывает взаимосвязь регионов и увеличивает их отчуждение. Одновременно расхождение в этой арифметике может дать повод для агрессивных geopolитических утверждений о нехватке жизненного пространства в тех или иных частях мира и о его переизбытке в России. Реальная забота о пополнении народа может вывести страну на правильный путь развития и эффективно структурировать экономику, что предполагает ликвидацию запущенности системы здравоохранения, отказ от сомнительных экспериментов в области образования, прекращение разгрома науки. Следует выполнять положения Конституции Российской Федерации, которая объявляется социальным государством (статья 7), и перечисленный там свод государственных обязательств в этой сфере.

Список литературы

- Дэвис Н. (2006) История Европы. – М.
Международная жизнь, (2014), № 4.
Россия и страны–члены Европейского Союза: Статистический сборник. 2013. (2013) – М.: Росстат.

References

- Der Spiegel, (2015), № 18, № 28, № 35.
Die Zeit, (2015), № 27, № 35.
Djevis N. (2006) Istorija Evropy. – M.
Europäische Rundschau, (2015), № 3.
Mezhdunarodnaja zhizn', (2014), № 4.
Rossija i strany-chleny Evropejskogo Sojuza: Statisticheskij sbornik. 2013. (2013) – M.: Rosstat.
The Economist, January 23rd (2016), May 7th (2016), p. 20.
Welt Trends, № 113, (2016).
WirtschaftsWoche, (2015), № 36, № 37.

Colonization of Europe: likely scenario

Author. Fyodorov V.P. Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Europe. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** vp.fyodorov@mail.ru.

Abstract. The article considers the scenario of transformation of the EU into the entity, that loses influence in the rest of the world. This makes the most important difference between present and future Europe. The pressure on Europe increases on all sides. Firstly, from outside to a point when Europe has become clearly subordinated to the United States. Secondly, international migration gradually undermines the existence of the nation as we know it historically.

Key words: Europe, Russia, the US, Greece, colonization, migration, inequality, conflict, integration.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320161122>

---

¹ Для Евросоюза соответственно 7,2% и 3,2% [Россия и страны–члены Европейского Союза, 2013: 17].

УДК 323.233

Юрий РУБИНСКИЙ

ФРАНЦИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Аннотация. Решительные меры по усилению внутренней и внешней безопасности после террористических атак в Париже привели к повышению рейтинга президента Франсуа Олланда, но ненадолго. Баланс политических сил, временный после региональных выборов, делает перспективы президентской кампании 2017 г. непредсказуемыми.

Ключевые слова: теракты, джихадисты, безопасность, президент, регионы, выборы, партии, система.

В современную историю Франции 2015 г. войдёт под знаком трагических событий, открывших и завершивших его. 7 и 9 января трое исламистских террористов расстреляли 17 человек – журналистов сатирического еженедельника “Шарли Эбдо”, объявив это местью за карикатуры на пророка Мухаммеда, и покупателей в кошерном супермаркете. 13 ноября жертвами другой группы джихадистов-смертников стали 130 мирных граждан: посетители стадиона, концертного зала, ресторанов и кафе. Ответственность за эти преступления взяла на себя террористическая организация “Исламское государство” (запрещённая в РФ).

В ответ 11 января на улицы французских городов вышли 3,7 млн человек, в том числе 1,5 млн на “республиканский марш” в Париже под лозунгом защиты демократии от исламистского терроризма. Наряду с французской политической элитой – президентом, премьер-министром, председателями обеих палат парламента, руководителями политических партий – в марше приняли участие специально прибывшие главы государств и правительств 45 стран. Помимо лидеров Германии, Великобритании, Италии, Испании, были и первые лица государств, где традиционной религией является ислам: Турции, Иордании, Нигерии, а также Израиля и Палестинской автономии. РФ представлял министр иностранных дел Сергей Лавров.

На экстренном совместном заседании обеих палат парламента (конгресса) в Версале после бойни 13 ноября президент Франсуа Олланд объявил, что Франция находится в состоянии войны с исламистским терроризмом. В стране введено чрезвычайное положение, в рамках которого расширены полномочия властей для принятия превентивных мер в отношении лиц, подозреваемых в связях с международными террористическими сетями. Увеличены штаты правоохранительных органов, полиции, жандармерии, спецназа. Все эти меры должны получить правовую базу путём частичной ревизии действующей Конституции 1958 года.

© Рубинский Юрий Ильич – д.и.н., руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, профессор НИУ – ВШЭ. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. E-mail: yuri.rubinski@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320162331>

За рубежом французские BBC и BMC активизировали участие в боевых действиях против “Исламского государства” на Ближнем Востоке и в Африке. Президент провел демарши перед лидерами ведущих держав с целью координации действий международной коалиции во главе с США и России, Ирана, Ирака.

Новая точка отсчёта

Эти события вызвали в стране подъём патриотических чувств – увеличилось число заявлений на контрактную службу в армии, возрос спрос на трёхцветные флаги. В Версале депутаты и сенаторы большинства и оппозиции встретили призыв главы государства к национальному единству на основе республиканских ценностей овацией и пением “Марсельезы”. Французские СМИ отмечали, что стилистика президента явно напоминала риторику Джорджа Буша-младшего после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, а принятые меры – “Патриотический акт”, одобренный тогда конгрессом США.

Естественный рефлекс сплочения граждан вокруг легитимного носителя верховной власти в минуты опасности вызвал скачок рейтинга президента: если ранее он неуклонно падал, опустившись до беспрецедентно низких в истории Пятой республики 17–18%, то после ноябрьских событий удовлетворение деятельностью президента выражали 35% респондентов населения.

Повысился и рейтинг премьер-министра Мануэля Вальса. Имидж президента бесспорно украсило также проведение в Париже 30 ноября – 10 декабря форума ООН по вопросам потепления климата, в котором приняли участие 195 стран, в том числе 138 на уровне глав государств и правительств. С учётом всех этих факторов Ф. Олланд явно взял курс на участие в президентских выборах 2017 г., которое ранее ставил в зависимость от снижения уровня безработицы. 18 января 2016 г. он предложил широкий план стимулирования занятости, приравняв его значение к борьбе с терроризмом.

Однако такая эйфория имела вполне определённые пределы – уже в январе-феврале 2016 г. рейтинги президента и премьер-министра вернулись к прежнему уровню до терактов (18 и 25%).

Попытка Ф. Олланда использовать лозунг национального единства перед лицом международного терроризма для расширения своей политической базы не увенчалась успехом – она не принесла ему ощутимой поддержки со стороны правой оппозиции, но зато углубила разлад в левом лагере. Это показала полемика вокруг ревизии Конституции с включением в неё статей о чрезвычайном положении и лишении французского гражданства лиц, осуждённых за терроризм. Прошедший в нижней палате – национальном собрании проект был заблокирован правым большинством Сената. Широкое движение протеста, особенно среди молодёжи, вызвало и проект реформы трудового законодательства. Результатом стал раскол в самом правительстве – демонстративную отставку министра юстиции Кристианы Тобира, представлявшего левое крыло большинства, что ускорило реорганизацию кабинета в целом, уход в отставку министра иностранных дел Лордия Фабиуса, ставшего председателем Конституционного суда. Его сменил бывший премьер Жан-Марк Эйро.

Показателем реального расклада партийно-политических сил стали итоги региональных выборов, состоявшихся 6 и 13 декабря 2015 г. – всего через месяц после ноябрьских терактов.

Советы регионов, число которых сокращено недавней реформой органов местного самоуправления вдвое – с 22 до 13 (кроме заморских департаментов и территорий), располагают довольно ограниченными полномочиями. Они занимаются дорожной инфраструктурой, курируют лицеи, профобразование, координируют

экономические проекты входящих в них департаментов и коммун, уступая им в объёме собственных финансовых ресурсов. Поэтому явка избирателей в ходе их обновления остаётся низкой – в первом туре она составила 49,9%.

Тем не менее региональные выборы являются заметной вехой в общественной жизни страны. Избиратели не только решают на них локальные вопросы, но и посылают сигналы правительству и президенту об оценке их деятельности. Мэры, члены и председатели муниципальных, департаментских, региональных советов служат кадровым резервом и проводниками влияния политических партий на всех уровнях.

Победа левых сил, прежде всего социалистов на президентских и парламентских выборах 2012 г. была подготовлена постепенным завоеванием контроля над большинством местных органов власти. Однако в 2013–2015 гг. большая часть этих завоеваний была утрачена – проиграв муниципальные, затем департаментские выборы, как и выборы в Европарламент, социалисты лишились 115 мэрий крупных и средних городов, большинства в трети контролировавшихся ими ранее департаментских советов.

Результаты выборов в регионах

Результаты региональных выборов подтвердили эту тенденцию. На них, как и на всех других, кроме европейских, применяется один из вариантов мажоритарного голосования в два тура по партийным спискам. В первом для победы необходимо абсолютное большинство набранных голосов. Если его не добился никто, то партии, чьи списки получили свыше 10%, проходят во второй тур, где достаточно относительного большинства. Места в совете распределяются пропорционально числу полученных голосов, причем победитель получает не только место председателя, но и дополнительные 25% мандатов, что обеспечивает ему прочное большинство.

В первом туре 6 декабря 2015 г. списки кандидатов от соцпартии получили 5 млн голосов (23,1%) – на 700 тыс. меньше, чем на предыдущих региональных выборах 2010 года (29,6%). Чувствительные потери понесли и другие левые партии: экологи, Левый фронт, коммунисты, радикалы – они получили немногим более 1,8 млн вместо 2,5 млн шестью годами ранее. Основные конкуренты социалистов – оппозиционные республиканцы во главе с бывшим президентом Николя Саркози привлекли 5,8 млн избирателей (28,6%) – на 800 тыс. больше, чем на выборах 2010 г. Близкие к ним центристы также улучшили свои результаты. Однако главным победителем оказался Национальный фронт, кандидатов которого поддержали 6 млн избирателей (27,7%) – в 2,5 раза больше, чем в 2010 году (2,2 миллиона – 11,4%)¹. Этим Национальный фронт подтвердил, что является ведущей по числу собранных голосов партией страны, которой впервые стал на европейских выборах 2013 года.

Успех НФ повысил накал борьбы между двумя турами: социалисты призвали преградить НФ дорогу к власти любой ценой, выразив готовность снять списки своих кандидатов там, где они оказались на третьем месте после республиканцев. Это действительно произошло на Северо-Востоке и Юго-Востоке страны, где фронтисты во главе с их лидером Марин Ле Пен и её племянницей Марион Марешаль Ле Пен имели реальные шансы на победу.

Однако Саркози отверг это предложение, ссылаясь на то, что любая сделка с правящей соцпартией возложит на умеренную правую оппозицию ответственность за неудачи власти и только сыграет на руку ультраправым.

Во втором туре 13 декабря, в котором активность избирателей заметно повысилась, социалисты и другие левые партии получили 40,7% голосов, все правые – в

¹ Официальные данные МВД Франции. – <http://www.interieur.gouv.fr/>

общей сложности 56,79%. Однако правый лагерь оказался расколотым пополам: республиканцы и центристы собрали 29,29%, НФ – 27,5%. Тем не менее фронтлистам не удалось, как и на департаментских выборах в марте 2015 г., получить большинство и председательство ни в одном регионе¹. В итоге республиканцам достались семь регионов, социалистам – пять, а на Корсике победили местные националисты.

Социалисты сохранили традиционные зоны влияния левых партий на Юго-Западе (Акитэн, Лимузен, Пуату-Шарант, Миди-Пиренэ), в центре (Бургонь, Франш-Конте) и в Бретани. В свою очередь, республиканцы одержали политически важную победу в столичном регионе Иль-де-Франс, где 17 лет председателем совета был социалист Жан-Поль Юшон, которого теперь сменила бывший министр высшего образования Валери Пекресс. Им достались также регионы Севера (Нормандия), Востока (Эльзас, Шампань, Арденны, Лоррэн), оба региона Севера-Востока и Юго-Востока, где снятие социалистами своих списков позволило предотвратить неминуемую, казалось, победу Национального фронта². Но и НФ не оказался в накладе, подтвердив свое первенство среди политических партий по числу полученных голосов и расширил представительство в региональных советах втрое – с 118 до 358.

Тенденция к смещению оси политической жизни вправо и появление на крайнем фланге радикальных партий национал-популистского толка, выступающих под флагом антиглобализма и евросkeptицизма, свойственна большинству стран ЕС в последние годы (кроме южной периферии, где протестные настроения принимают форму левацкого социал-популизма). Питательной почвой для них служит сочетание экономических проблем (низких темпов роста ВВП после кризиса 2008–2009 г., безработицы, углубления социального неравенства) с наплывом мигрантов из стран иного культурно-цивилизационного профиля, прежде всего мусульманских. Мощная волна беженцев, хлынувшая в ЕС в 2015 г., явно усилила ксенофобские настроения.

Во Франции главным полюсом притяжения для них стал Национальный фронт, который создал общую фракцию в Европарламенте с близкими ему партиями Бельгии, Нидерландов, Австрии, Финляндии, Дании, Швеции. К ней тяготеют аналогичные популистские движения в ФРГ, Великобритании, Швейцарии, Греции. В ряде стран Восточной Европы (Венгрии и Польше) они либо пришли к власти, либо близки к ней.

Между тем политическая жизнь Франции определяется ныне перспективой президентских и парламентских выборов мая-июня 2017 г., подготовка к которым уже идёт полным ходом. В первом туре для избрания главы государства требуется абсолютное большинство, во второй проходят два кандидата, опередившие остальных в первом. Поскольку на протяжении истории Пятой республики ни один кандидат в первом туре не набирал больше 50% голосов, необходимым условием победы во втором становилось привлечение голосов близких по профилю партий в соответствующих лагерях в обмен на учёт их интересов победителем.

При этом принято считать, что избиратель в первом туре голосует сердцем – за кандидата, которого предпочитает, а во втором, умом, против того, чьего избрания он не желает больше. Поэтому лучшие шансы на победу имеют кандидаты умеренных партий, способных привлечь в своём лагере максимум голосов как слева, так и справа. За последние полвека на политическом поле Франции кристаллизовались два полюса – неоголлисты в сочетании с либерал-центристами, воплощением которых ныне служат республиканцы, и социалисты с примыкающими к ним экологами, коммунистами, Левым фронтом, которые регулярно чередовались у власти.

¹ Официальные данные МВД Франции. – <http://www.interieur.gouv.fr/>

² Les trois visages du vote FN. “Le Monde Diplomatique”, Decembre.

От bipolarности к трём полюсам

Однако прорыв Национального фронта в число ведущих игроков превратил биполярную систему в трехполюсную, поскольку три главных игрока поделили между собой три четверти избирателей на сравнимые доли. Поэтому президентское и парламентское большинство может формироваться теперь только за счёт одного из них, который обречен на роль младшего партнёра того или иного из остальных и в конечном счете маргинализацию.

Именно такая судьба постигла в своё время французскую компартию. Она тоже была, как сегодня Национальный фронт, первой по числу собираемых на выборах голосов политической силой страны. В 1946 г. за коммунистов голосовали 28% избирателей, в 1956 г. – всё ещё 25% и даже в 1969 г. на президентских выборах коммунист Жак Дюклю получил 22%, а социалист Гастон Деффер втрое меньше. Хотя идеально они кажутся антиподами, политически обе крайние партии выражают прежде всего протест наиболее уязвимых в социальном плане слоёв – рабочего класса, служащих, традиционной мелкой буржуазии, сильнее всего страдающих от последствий очередной научно-технической революции, глобализации, европейской интеграции. У обеих этот протест выливается в национал-протекционизм, антиамериканизм, еврофобию. Не случайно зоны наибольшего влияния ФКП в прошлом и НФ сегодня практически совпадают. Однако ФКП так и не смогла конвертировать свои успехи на выборах в реальное участие в принятии политических решений, оставаясь с началом холодной войны нагло запертой в политическом гетто. Первая же попытка выйти из него путем союза левых сил с социалистами оказалась последней, закончившись политическим самоубийством.

Подобная ситуация не раз возникала в других европейских странах, в том числе на родине двухпартийной системы – в Великобритании, где либералы, противостоявшие некогда консерваторам, уступили вначале лейбористам, затем образовали промежуточную либерал-лейбористскую партию, а теперь дело идёт уже к многопартийной системе с участием региональных партий. Та же тенденция налицо в Нидерландах, Финляндии, Дании, а в Германии большая коалиция ХДС – ХСС с СДПГ стоит ныне у власти.

Однако во Франции при существующем раскладе сил такой вариант требует отказа от мажоритарной системы выборов в пользу пропорциональной, что открывает дверь в парламент перед антисистемной силой, идеология которой не укладывается в рамки “республиканских ценностей”. Подобное решение уже пробовал применить президент-социалист Ф. Миттеран на парламентских выборах 1986 г., когда депутаты НФ впервые прошли в Национальное собрание. Однако теперь удельный вес НФ вырос по сравнению с тем периодом втрое, что делает подобный маневр весьма рискованным. “Система выыхаеся”, – делает вывод профессор парижского Института политических наук Паскаль Перино¹.

Стирание идеально-политических граней между двумя системообразующими партиями ведёт к эрозии избирателя обеих, кризису биполярной системы и открывает путь к власти перед радикальными национал- популистами, как это произошло в Австрии. Дело не только в парламентской арифметике. Стремительный рост влияния НФ вызван глубинными процессами во французском обществе, о чём говорит состав избирателей фронтлистов в двух регионах, где лидеры добились на региональных выборах в 2015 г. наибольшего успеха – на Северо-Востоке (Нор – Па-де-Кале – Пикарди) и Юго-Востоке (Прованс – Альп – Кот д’Азур). На протяжении десяти-

¹ “Le Monde”, 22 Decembre 2015.

летий именно они являлись оплотом левых партий социалистов и коммунистов. На индустриальном Севере за них голосовали рабочие крупных предприятий, на аграрном Юге – крестьяне и городские середняки. Федерации департаментов Нор – Па-де-Кале и Буш-дю-Рон играли решающую роль на съездах соцпартий, мэр Лилля Пьер Моруа был премьер-министром, мэр Марселя Гастон Деффер – министром внутренних дел первого левого правительства Пятой республики после избрания Ф. Миттерана президентом в 1981 году.

Однако глобализация и научно-техническая революция нанесли сокрушительный удар по традиционным отраслям промышленности, доминировавшим на Северо-Востоке – угледобыче, металлургии, текстилю, а расширение ЕС на средиземноморские страны поставило в трудное положение сельское хозяйство Юго-Востока (виноградарство, овощеводство). Поскольку левые партии к этому времени периодически приходили к власти, протестный электорат качнулся от них на противоположный фланг.

Этому способствовали и последствия деколонизации. После завоевания независимости Алжиром в ходе кровопролитной войны в метрополию репатрировались 1,2 миллиона французов – т.н. “черногорых”, живших там много поколений. Они осели главным образом на Юге, куда одновременно шёл поток трудовых мигрантов-арабов из стран Maghrib, что вело к росту ксенофобии среди коренного населения региона, игравшей на руку Национальному фронту.

Эволюция Национального фронта

НФ был создан в 1972 г. Жан-Мари Ле Пеном, который воевал в Алжире и начал политическую карьеру избранием в 1956 г. депутатом от Союза в защиту торговцев и ремесленников во главе с Пьером Пужадом. Их недовольство ростом налогов и конкуренцией супермаркетов приобрело националистический характер, вылившись в поддержку “ультра”–противников предоставления Алжиру права на самоопределение и требования протекционистской защиты французского рынка от иностранных товаров. Добившись 2,8 млн голосов (12,6%) на парламентских выборах 1956 года, движение Пужада довольно быстро пришло в упадок и исчезло с политической авансцены.

На президентских выборах 1965 г., где главными кандидатами были де Голль и Миттеран, Жан-Мари Ле Пен поддерживал против них кандидатуру Жан-Луи Виньянкура, бывшего адвоката на процессе маршала Петэна – главы марионеточного правительства Виши при германской оккупации Франции. Многие аспекты реакционной идеологии вишистского режима – разрыв с демократическим наследием революции 1789 г., культ Жанны д’Арк, ксенофобия, антисемитизм легли в основу пропагандистского багажа НФ. Центральное место в его программах заняло ужесточение иммиграционной политики, прежде всего предоставление коренным французам “национального преимущества” при приёме на работу, доступе к дешевому жилью и социальным гарантиям. По мере того как снижались темпы роста французской экономики и обострялась проблема занятости, эти лозунги находили всё более широкий отклик.

Апогеем успехов НФ под руководством его основателя явились президентские выборы 2002 г., когда Ж.-М. Ле Пен обошёл в первом туре лидера соцпартии, премьер-министра Лионеля Жоспена, чему решающим образом способствовало распыление левого лагеря между девятью кандидатами. Перспектива прихода ультраправых к власти вызвала мощные демонстрации протеста в стране, на которые вышли 1,3 млн человек, в том числе 400 тысяч в Париже. Социалисты были вынуждены

поддержать во втором туре уходящего президента-неоголлиста Жака Ширака, который получил подавляющее большинство – 82,49% против 17,79% за Ле Пена.¹

Однако сам Ж.-М. Ле Пен был доволен этим результатом – он отнюдь не считал власть для себя самоцелью и вполне удовлетворялся выгодной, в том числе материально, ролью “народного трибуна”, говорящего вслух то, о чём другие представители элит предпочитают молчать. Отсюда его скандальные заявления о том, что геноцид был всего лишь “деталью” истории Второй мировой войны, оправдание коллаборационистского режима Виши, ксенофобские выпады против арабов-мусульман, за которые он неоднократно попадал под суд и лишался депутатского мандата в Европарламенте. В таких условиях НФ оставался изгоем на политическом поле, поскольку предвыборные сделки с ним для представителей системных партий были сопряжены с неприемлемыми репутационными издержками.

Положение изменилось после съезда НФ в январе 2011 г., когда Ж.-М. Ле Пен уступил пост председателя своей дочери, которая взяла курс на изменение имиджа партии и включила её в борьбу за реальную власть не извне, а изнутри существующей системы. Новый лидер, энергичная и амбициозная Марин Ле Пен, стремится положить конец “демонизации” образа НФ, придать ей облик обычной демократической партии, готовой в рамках действующей Конституции к взаимодействию со всеми остальными на равноправной основе. Она дистанцировалась от наиболее одиозных заявлений своего отца: осудила геноцид евреев, смягчила традиционное для католиков негативное отношение к абортам, сексуальным меньшинствам.

Вместе с тем с учётом эволюции структуры электората НФ в экономическую платформу НФ вошли социальные требования, позаимствованные из арсенала Левого фронта, компартии, экологов: повышение минимальной зарплаты, снижение возраста выхода на пенсию, налоговые санкции за бегство капиталов, национализация банков и т.д.

Тем не менее основное содержание пропагандистского багажа НФ, прежде всего в отношении иммиграции, обеспечения безопасности, борьбы с преступностью и терроризмом, сохранилось, а евроскептицизм на фоне долгового кризиса и волны беженцев из стран Ближнего Востока ещё больше усилился (требования восстановить контроль на национальных границах, выйти из Шенгенского соглашения и еврозоны).

Укрепилась и организационная структура партии – контроль над её аппаратом сосредоточился в руках председателя, любые посягательства на авторитет которого влекли за собой жёсткие санкции, в т.ч. в отношении самых видных деятелей НФ (Б. Мерре, Б. Гольниш). Такая же судьба постигла даже самого основателя НФ, 87-летнего Жан-Мари Ле Пена, когда он бросил вызов собственной дочери, опубликовав в ультраправом еженедельнике “Ривароль” интервью, в котором повторял все свои прежние скандальные тезисы. В ответ решением политбюро НФ патриарх был снят с поста почётного председателя и исключён из партии. Хотя этот семейный скандал повлёк за собой определённые издержки – отец-основатель пригрозил подать в суд и создать конкурирующую группировку, он принёс новому лидеру НФ выгоды, продемонстрировав смену поколений, явно затянувшуюся в других партиях.

Перспектива 2017 года

С учётом итогов местных выборов 2013–2015 гг. самым вероятным сценарием будущих президентских выборов в мае 2017 г. является опережение лидером НФ

¹ Официальные данные МВД Франции. – <http://www.interieur.gouv.fr/>

остальных кандидатов в первом туре и выход её во второй. Главная интрига заключается в том, кто будет её противником и, скорее всего, победителем.

Рост влияния НФ поставил основную системную партию правой оппозиции – республиканцев – в крайне сложное положение. Неудачи на президентских и парламентских выборах 2012 г. вызвали ожесточенную борьбу за лидерство между генсеком Франсуа Коппе и бывшим премьер-министром Франсуа Фийоном, что поставило партию на грань раскола и побудило экс-президента Саркози вновь возглавить её, чтобы превратить, как это было в 2007 г., в трамплин для возврата в Елисейский дворец.

Однако на его пути возникли серьёзные препятствия. Неоднозначные итоги предыдущего президентства, завершившегося поражением, вызывают критику, в том числе в правом лагере. К тому же Саркози является фигурантом нескольких судебных расследований в связи со злоупотреблениями при финансировании его президентской кампании в 2007 г.¹ Присущий ему агрессивный стиль полемики провоцирует конфликты в собственном лагере, затрудняющие поиск союзников.

Хотя Саркози удалось добиться избрания на съезде в ноябре 2014 г. председателем партии, сменить её название, укрепить и взять под контроль аппарат, он вынужден согласиться с проведением 20 и 30 ноября 2016 г. первичных выборов, на которых будет определён единый кандидат от правоцентристской оппозиции на президентских выборах в мае 2017 г. Об участии в них заявили такие видные политические фигуры, как бывшие премьер-министры Ален Жюппе, Франсуа Фийон, бывший генсек Ксавье Бертран, представитель младшего поколения бывший министр Брюно Ле Мэр. Их число грозит достигнуть 10–11. Каждый выдвигает собственную платформу и ведёт кампанию в её поддержку.

Главный пункт разногласий между ними и Саркози не столько конкретные предложения об экономической, социальной, внутренней и внешней политике будущего главы государства, сколько выбор стратегии. Экс-президент видит главную задачу в привлечении на свою сторону части электората НФ и пытается для этого предельно ужесточить позиции по таким вопросам, как иммиграция, национальная идентичность, обеспечение безопасности граждан, а отчасти и внешняя политика, особенно будущее Шенгенского пространства и еврозоны.

Напротив, его соперники, прежде всего А. Жюппе, доказывают, что попытки конкурировать с ультраправыми на их поле заведомо обречены на провал. По этому поводу Марин Ле Пен иронически заявляет, что “избиратель предпочитает копии оригинал”. Поэтому мэр Бордо предлагает гибкую тактику, которая сочетала бы конфронтацию с ультраправыми и тесное сотрудничество с центристами на их либеральной и евроатлантической платформе. Сами центристы – лидеры партий “Современная демократия” Франсуа Байру и “Союза за демократов и независимых” Жан-Кристофф Лагард, не имеющие серьёзных перспектив на президентских выборах, – активно поддерживают эти авансы.

Поскольку на первичных выборах могут голосовать избиратели не только республиканцев, но и центристов, опросы дают пока Жюппе преимущество перед Саркози, прогнозируя его победу во втором туре президентских по сценарию 2002 г. – тем более что 73% респондентов не хотят видеть в роли главы государства ни бывшего президента, ни нынешнего.

В чём-то схожие процессы происходят и на противоположном фланге – в соцпартии, где усиливается влияние сторонников перехода на социал-либеральные по-

¹ Характерно, что иски по поводу укрывательства от налогов недвижимости были предъявлены также Ж.-М. Ле Пен и его дочери Марин.

зиции германских и скандинавских социал-демократов. Наиболее активным сторонником “смены вех” выступает премьер-министр Манюэль Вальс. Дрейф к центру всё больше определяет политику правительства социалистов и его министра экономики либерала Эмманюэля Макрона, создавшего собственную группировку с претензией преодолеть водораздел между левыми и правыми.

Однако этот дрейф вызывает резкую критику со стороны левого крыла партии и её обычных союзников на крайне левом фланге, которые настаивают на поведении первичных выборов кандидата от левых сил на президентских выборах, как это было в 2011 г., что явно не входит в планы нынешнего главы государства.

* * *

Таким образом, в обозримом будущем нельзя исключать расколов в обеих системообразующих партиях и образования новых группировок. Судя по всему партийно-политическая система Франции, в которой сталкиваются центростремительные и центробежные тенденции, вступает в период переформатирования: bipolarная структура уходит в прошлое, уступая место в 2017 г. более фрагментарной и, соответственно, появлению различных вариантов формирования президентского и парламентского большинства.

Заметно эволюционируют и сами критерии принадлежности партий к левому или правому лагерям. Граница между ними все больше проходит по отношению к глобализации и евростроительству, национальным или международным приоритетам.

Такое переформатирование является необходимой предпосылкой затянувшегося решения жизненно важных для Франции проблем, с которыми она столкнулась на пороге третьего тысячелетия. Речь идёт о смене социально-экономической модели, сложившейся ещё в первые послевоенные десятилетия и исчерпавшей себя в глобализированном многополярном мире XXI века. Именно эти проблемы предстоит решать новому президенту после выборов 2017 года [Philippe Aghion, Gilbert Cette, Elie Cohen, 2015].

Список литературы

Официальные данные МВД Франции. – <http://www.interieur.gouv.fr/>

References

- Herve Le Bras, Emmanuel Todd - *Le mystere français*. Seuil, Paris, 2013.
Les trois visages du vote FN. “Le Monde Diplomatique”, Decembre.
“Le Monde”, 22 Decembre 2015.
Marcel Gauchet - *Comprendre le malheur français*. Stock, Paris, 2016.
Official'nye dannye MVD Francii. – <http://www.interieur.gouv.fr/>
Philippe Aghion, Gilbert Cette, Élie Cohen (2015) “Changer de modèle. Les nouvelles idées pour une nouvelle croissance”. Odile Jacob, 2015.

France at the crossroads

Author. Rubinskiy Yu.I., PhD, Head of the Center for French Studies, Institute of Europe, Professor HSE – HSE. **Address:** 11/3 Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** yuri.rubinski@mail.ru

Abstract. The terrorist attacks in Paris and drastic steps to strengthen the home and external security enhanced the rating of president Holland. But the balance of political forces revealed by the regional elections make the prospects of the presidential campaign of 2017 barely predictable.

Key words: terrorist acts, jihadists, security, president, regions, elections, parties, system.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320162331>

УДК 329.273

Владимир ВЕРНИКОВ

ВЫИГРАЛИ ВЫБОРЫ – ПРОИГРАЛИ ВЛАСТЬ *Сюрпризы “Испанской партии”*

Аннотация. В статье анализируется ситуация, сложившаяся в Испании после парламентских выборов в декабре 2015 г., на которых ни одна политическая партия не получила абсолютного большинства голосов и права образовать и возглавить правительство. Затем последовали тщетные попытки ведущих партий сформировать коалиционное правительство. Автор сосредоточил внимание на причинах поражения на выборах двух традиционных конкурентов – Народной партии и Испанской социалистической рабочей и на успехе двух новичков в нижней палате парламента – партий “Сьюдаданс” (“Граждане”) и “Подemos” (“Мы можем”). Главной проблемой при формировании коалиционного правительства стала не только фрагментированность парламента, но и идеологическая несовместимость четырёх партий друг с другом. Автор предлагает свой прогноз дальнейшего развития событий в Испании/.

Ключевые слова: парламентские выборы, фрагментированный парламент, “каталонский урок”, региональные выборы, партии “Граждане” и “Мы можем”, каудильистский синдром, коалиционное правительство.

Парламентские выборы в Испании, которые прошли 20 декабря 2015 года, уже видятся на расстоянии. И потому их результаты можно анализировать с рассудочной отстранённостью. В течение нескольких месяцев страна пристально наблюдала за игрой вождистских амбиций лидеров четырёх политических партий, прошедших в нижнюю палату парламента – Конгресс депутатов, которые не смогли достичь компромисса в переговорах о формировании коалиционного правительства. Этот политический торг продолжается. Будет ли удачной ещё одна попытка лидера социалистов Педро Санчеса создать правительство – не более чем гадание на кофейной гуще как в Испании, так и за её пределами.

© Верников Владимир Леонидович – руководитель Центра иберийских исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. E-mail: vverkai@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320163241>

Стало ясно, что этот фрагментированный парламент – не жилец, король вынужден будет его распустить. Зная расклад сил в Конгрессе депутатов, неспособность и нежелание договориться между собой тех лидеров, кто чисто арифметически мог бы “сложить” требуемое большинство, не было сомнений в безальтернативности проведения новых парламентских выборов в ближайшее время. Получившая на выборах наибольшее, но не абсолютное большинство депутатских мандатов правая “Народная партия” (НП), которая находилась у власти последние четыре года, вышла из игры за власть – с ней отказались вступать в какой-либо союз все остальные партии.

Причин тому много – о них речь впереди, но для понимания сложившейся в парламенте ситуации посмотрим на итоги выборов: у народников – 123 мандата, у социалистов – 90, у “Подемос” (“Мы можем”) вместе с региональными “сателлитами”, разделяющими её программу, – 69, “Сьюдаданс” (“Граждане”) довольствовались 40, хотя рассчитывали получить намного больше. Всего в Конгрессе депутатов 350 мест.

Парламентские маневры

Как видим, необходимых для формирования правительства 176 голосов нет ни у одной партии. Нет даже у союза двух любых – при безусловном и давно всеми объявленном бойкоте Народной партии. Однако, как говорится, возможны были варианты. Тем не менее все виртуальные союзы и теоретические умозаключения экспертов и политологов в различных СМИ и на телеканалах о блоках не сбылись. Всем стало очевидно, что дело вовсе не в арифметике.

Главным виновником несостоявшегося левоцентристского “правительства реформ и прогресса”, как его успели окрестить, испанские политологи называют лидера “Подемос” Пабло Иглесиаса. *Enfant terrible* испанской политической головоломки, эта неожиданно быстро вырвавшаяся на первые роли партия, не только отчаянно отстаивала свою предвыборную программу в переговорах с Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), но и была категорически не согласна выступать в одной связке с другим новичком в парламенте – правоцентристской партией “Граждане”. В итоге П. Иглесиас остался в гордом одиночестве.

А лидер социалистов Педро Санчес дважды терпел поражения в парламенте при голосовании по приведению к присяге своего правительства меньшинства (в блоке с “Гражданами”). Для достижения успеха было достаточно, чтобы единомышленники П. Иглесиаса не голосовали “против”, а просто воздержались. Но тогда не сбылись бы их амбиции войти в состав правительства и получить для себя пост вице-премьера и ведущие министерства, с чем социалисты были категорически не согласны.

Однако они оба раза голосовали против, а теперь пожинают плоды своей недоговороспособности. От них уже отвернулись партнёры из двух региональных партий, ушедшие в смешанную депутатскую группу, что в случае новых выборов грозит вылияться в принцип домино. Но гораздо опаснее для партии – развернутая уже после выборов агрессивная информационная кампания правых сил в СМИ и на ряде национальных TV каналов [газеты ABC, La Razon, Periodico de Cataluna, TV6, TV13, TV Madrid и др.], обвиняющих лидеров “Подемос” в финансовой нечистоплотности и пропагандистской работе на Уго Чавеса в Венесуэле, в “революционной левизне, которая несёт угрозу демократии и стабильности в Испании”. “Фактор страха” не нов, но эффективен и способен сбить поддержку партии избирателями.

Впрочем, тактика всех политических акторов на этом этапе борьбы за власть объяснима. Поняв, что договориться о формировании правительства не удастся ни в какой конфигурации, они сделали ставку на сохранение своего избирателя для возможных внеочередных выборов. Уступать не хотел никто, ссылаясь на приверженность своим стартовым программам, которые объявились рубежной красной чертой.

Похвальная верность принципам обернулась дорогой в никуда: в условиях кризиса страна полгода без правительства, общество устало от телевизионного парламентской демагогии высокоплачивающихся избранников в угоду своим партийным интересам и рейтингам. Те же “Граждане” категорически отвергали создание любого союза с участием “Подемос” и саму возможность поддержать Народную партию. Но неожиданно взяли на себя роль посредника в переговорах с социалистами, упорно пытаясь уговорить их на “тройственный союз”. Почти морганатический брак народников и социалистов “для создания стабильного правительства и принятия серьёзных политических и экономических реформ” [El País. Sanchez propone una... 2016.07.01] действительно предлагал лидер НП, чтобы остаться у власти. Но он был априори идеологически невозможен в такой совсем уж невероятной комбинации.

Народники на этом этапе особой активности не проявляли, осознавая свою полную изоляцию, и в итоге отказались от предложения короля сформировать правительство. Поражение на выборах оказалось очень чувствительным, хотя политологи за пару месяцев до финала предрекали НП отсутствие абсолютного большинства и возможности сформировать однопартийное правительство. Тем более что рассчитывать на традиционного партнёра в предыдущих коалиционных правительствах – каталонскую Конвергенцию и Союз (CiU) на этот раз не приходится. Сама Конвергенция завоевала совсем незначительное число депутатских мандатов, так как недолго до выборов распалась: сторонники “Союза” Антонио Дурана Льейды, не согласные с дорожной картой националистов на достижение независимости Каталонии, вышли из коалиции и создали новую партию. Называется она сейчас “Демократия и свобода” (Democracia i Llibertat).

Новых союзников М. Рахой найти не смог, да он их и не искал, хотя задолго до выборов социологические исследования утверждали, что вершителем его судьбы станет партия “Граждане”, если получит много мест в парламенте [El País. Final del bipartidismo en... 2015.01.12]. Но и этого не случилось, хотя она более умеренная, более центристская, чем НП. Не случилось, потому что немалая часть из 2,5 миллиона голосов, потерянных народниками, перетекла к “Гражданам”, но и в сумме они все равно не давали им абсолютного большинства.

“Подемос” демонстративно противопоставляла себя ИСРП, обвиняла её во всех смертных грехах и уверяла в своей победе в одиночку, что вызывало у всех лишь ироничную улыбку. Она выдвигала социалистам откровенно неприемлемые условия, отказавшись при этом дезавуировать своё самое одиозное и невыполнимое программное требование – референдум о независимости Каталонии. Но театрально вела с ней переговоры о вхождении в правительство. И торговалась, торговалась по каждому поводу.

В политическом пространстве Испании неожиданно создалась патовая ситуация, не устраивающая никого из игроков.

После двух неудачных попыток сформировать правительство объявлен своеобразный антракт для размышлений: Конституция 1978 г. даёт королю как главе государства право не назначать сразу новые парламентские выборы, а продлить ещё на

два месяца поиск договоренностей о создании коалиционного правительства. Фелипе VI так и поступил, сохранив за лидером ИСРП Педро Санчесом эту привилегию, и он без колебаний согласился ещё раз попытаться привести свою партию к власти. Испания впервые в своей постфранкистской истории столкнулась с затяжным правительственный кризисом, вызванным, как уже упоминалось, фрагментированным парламентом и появлением в нём новых политических партий, которые ещё совсем недавно называли “несистемными и даже маргинальными”.

Так сложилось, что две традиционные политические партии – ИСРП и НП сорок лет поочередно сменяли друг друга во власти, нередко опираясь на поддержку каталонского блока Конвергенция и Союз (CiU). Предвыборная программа возмутителя политического спокойствия “Подemos” оказалась привлекательной в основном для молодых избирателей, на мой взгляд, потому, что в подтексте откровенно левого дискурса вычитывалось главное – стремление обновить и вернуть истинное предназначение демократическим институтам, оказавшимся в руках старых элит. Идеологическим догмам старых партий они противопоставили левые лозунги и обещания, которые далеки от реальной действительности, но легко “зажгли” рассерженную безработную молодёжь и разочаровавшихся в социалистах старых убеждённых социал-демократов.

Особняком стояли в программах экономические проблемы. Как и следовало ожидать, и народники, и социалисты не предлагали ничего нового по существу: те же либеральные рецепты выздоровления больной экономики. Одни твердили о первых успехах по выходу страны из кризиса благодаря принятым мерам жёсткой экономии и жёсткой реформе законодательства о труде, другие их за эти меры и за реформу как антисоциальную ругали и обещали всё изменить в случае прихода к власти. “Граждане” глубоко эту тему не прорабатывали, а “Подemos”, слегка очистив свою программу от антикапиталистических мечтаний и несуразных предложений о национализации системы здравоохранения и многих других сфер социальной жизни, предложила избирателям бороться за всё хорошее против всего плохого, оставшегося от прежних правительств [El País. 2016. Podemos tras el...12.02]

Теперь мы знаем, что ей поверили.

Двухпартийная система живя

И всё-таки представляется несколько преждевременным говорить о крушении двухпартийной системы в Испании, как это стало модным в российской и европейской политологии [Святенков. Известия. 2015.23.12]. В действительности традиционные партии завоевали больше депутатских мест, чем все остальные, вместе взятые. Лидерам этих партий глава государства трижды доверял формирование правительства, а “дикорастущие новички”, как их шутя называли в СМИ, котировались лишь как временные попутчики, они даже теоретически не рассматривались на главную роль в исполнительной власти. Бессспорно, попадание с первого раза в Конгресс депутатов с большим числом своих представителей делает честь обеим новым партиям, но этот успех надо ещё удержать в случае досрочных выборов. А если его удастся развить, опередив хотя бы одну из двух традиционных партий – ИСРП или НП, только тогда можно будет писать некролог бипартийности в Испании.

Тенденция сдвига политических настроений от правого центра влево или даже к радикализму в странах южной Европы, отмеченная многими социологами, в Испании на первый взгляд подтвердилаась. Но те же социологи убеждали алармистов,

напуганных такой перспективой, что в стране, усвоившей уроки Гражданской войны 1930-х гг., преобладает идеология центризма, лишь слегка смещающаяся влево, а клятый левый радикализм категорически отвергается абсолютным большинством сознательных граждан. Однако у многих избирателей возникало недоверие к сложной композиции, которую разыгрывали испанские социалисты.

Задолго до выборов, представляя свои невысокие электоральные возможности, они реально рассчитывали на успех идеологически близких им партий – уже упоминавшейся ультралевой “Подемос”, Единых левых (бывших коммунистов) и не скольких других мелких партий, в союзе с которыми можно было бы получить гарантированное большинство в парламенте. Отчасти их расчёт подтвердился, но сейчас мы уже знаем, по чьей вине возможный союз не сложился, и социалисты, не имеющие большинства депутатских мандатов, не смогли вернуться к власти. Теоретически не всё ещё потеряно: могут и договориться, если обе партии перешагнут злополучную “красную линию”.

Более того, лидеры двух партий уже провели в марте-апреле несколько встреч. “Подемос”, затягивая переговорный процесс до критической даты формирования нового правительства, после чего в случае неудачи грядут выборы, уступила по весьма незначительным позициям экономической программы. Но отнюдь не этого от неё ждут партнёры. Проблема в том, что от своих наиболее радикальных позиций партия П. Иглесиаса, всё больше принимающая каудильистскую окраску, отказывается не намерена.

(Какой неожиданный парадокс явила испанская политическая система: этому определению [Хенкин, 2012: 72–81] в полной мере соответствует правая Народная партия, лидеры которой М. Фрага Ирибарне, Х.М. Азнар и М. Рахой всегда “железной рукой” управляли ею. В значительно меньшей степени ИСРП, хотя Ф. Гонсалес и Х.Л. Сапатеро тоже не без греха. И вот теперь ультралевые, называющие себя партией нового типа XXI века, туда же. Неужели в Испании историческая память оказалась такой инфицирующей даже по прошествии сорока с лишним лет?).

Шахматная партия, разыгранная на парламентских выборах 20 декабря 2015 г., сейчас “переигрывается” и бурно анализируется на страницах испанских и мировых СМИ. Осмысливаются не только тактические ходы и рискованные комбинации разноцветных партийных “слонов”, но и экономическая конъюнктура в Европе в целом, во многом способствовавшая успеху левой идеи. Суждения звучат самые неожиданные, но всё это махание кулаками после драки.

А ведь коалиционное и, безусловно, левое правительство, какого никогда не знала Испания в своей постфранкистской истории, могло бы состояться. Увы, эта строгая дама не признаёт сослагательного наклонения. Но поучительный и до невероятности схожий прецедент видим совсем рядом: нынешнее коалиционное правительство Португалии, которое было сформировано Социалистической партией, коммунистами и Левым блоком. Произошло это после того, как правоцентристская коалиция “Португалия, вперед！”, состоявшая из Социал-демократической и Народной партии, выиграла 4 октября 2015 г. всеобщие выборы, но не получила абсолютного большинства в парламенте [LIGA. Электронный ресурс].

Прежнее правительство Педру Пассуша Коэлью продолжало действовать, но при формировании нового кабинета не смогло заручиться поддержкой оппозиции в парламенте и оказалось самым недолговременным в послевоенной истории страны, просуществовав всего 11 дней. Депутаты левых партий, сплотившиеся в коалицию, отправили его в отставку, не согласившись с программой жёстких мер экономии и дальнейшего урезания социальных статей расходов бюджета, как того требовал

план стабилизации, навязанный стране Европейским Союзом. Наступил правительственный кризис, замаячила перспектива новых выборов, если бы формирование правительства снова окончилось неудачей.

Это таило в себе много неизвестных, вплоть до завоевания левым блоком парламентского большинства, от которого было рукой подать до импичмента президента, от которого левые хотели избавиться за его опрометчивое обещание накануне выборов запретить в стране деятельность антиевропейских сил. Анибал Каваку Силва долго колебался, но после недели размышлений, отказавшись от теоретической возможности создания на полгода технического правительства, предложил сформировать новый кабинет лидеру социалистов Антониу Кошта. Его программа была одобрена парламентом, и Португалия, впервые за последние четверть века если и не “покраснела”, то уж во всяком случае полевела и “позеленела”.

Прошло мало времени, чтобы судить об успехах или неудачах правительства А. Кошта, декларированные намерения которого носят антикапиталистический и антиеэсовский характер. Понятно, что далеко не всё ему позволят претворить в жизнь, что давление со стороны ЕС и НАТО окажется сильным при выработке и осуществлении конкретных шагов для смягчения последствий экономического кризиса и социальных тягот населения. Но безусловен сам факт недоверия и разочарования португальских избирателей как в либеральной экономике, так и в политике правых партий, и в отданном ими предпочтении во многом популистским обещаниям “нового левого большинства” больше эмоционального порыва, чем рассудительности.

Португальскую матрицу, которую накладывают и на греческую СИРИЗУ, и на испанские выборы, многие европейские аналитики, как мы уже говорили ранее, поспешили обозначить как наметившийся тренд в странах южной Европы: уход с политической сцены правых и правоцентристских правительств и приход к власти социалистических и левых партий. Формально как будто верно, но суждение о тенденции представляется поверхностным и несколько преждевременным. И в Греции реальная политика развернулась на 180 градусов, и в Португалии дела идут настолько неважно, что уже звучат голоса о возможной смене кабинета, а в Испании вообще всё висит в воздухе.

Каталонский урок

Но вернёмся к Испании, к незавершённому этапу парламентских выборов – формированию правительства. Главный вопрос, который задают себе эксперты, не имеет точного ответа: действительно ли последние события в Каталонии стали приговором для обеих ведущих политических партий, допустивших своей политикой в разные годы правления такой драматический сценарий возможного распада страны? [Верников, 2015: 61–71]. Речь о региональных выборах в сентябре того же 2015 г., на которых сторонники независимости получили большинство, сформировали своё правительство и разработали дорожную карту её обретения явочным порядком, вопреки возражениям Мадрида и Конституции страны, в течение 18 месяцев.

Это существенно изменило расклад политических сил в регионе: на авансцену вышли новые политические игроки в лице широких общественных движений и коалиций и недавно родившихся политических партий левого или центристского толка [Узнародов, 2015: 80–88]. Они без всякого питета подвинули у избирательных урн традиционные партии. И хотя националистические силы выступали не единим

списком – каждая партия самостоятельно и со своей программой, набрали они больше всех голосов. Результаты выборов тем не менее стали для них холодным душем: явка была очень низкой, и оппоненты сторонников независимости, экстраполируя свой результат на “голосовавших ногами”, доказали, что в сумме их значительно больше. И что нет “единого народа и единой нации”, желающей отделяться от Испании [REGNUM. Электронный ресурс].

В то же время явный успех на региональных выборах “Граждан” и “Подemos” свидетельствовал о том, что с ними придётся считаться и в общенациональном масштабе. Первые занимали нейтральную позицию, не высказываясь резко о проблеме независимости, вторые активно поддерживали требование проведения референдума во что бы то ни стало, чем сильно подыграла националистам. Этой же тактики они придерживались и на парламентских выборах, что принесло им немало голосов каталонских избирателей.

Таким был каталонский театр избирательного фронта в преддверии выборов в Национальные кортесы. В Мадриде даже ожидали от автономного правительства провокационных призывов бойкотировать общенациональные выборы. Ущербная логика индепендентистов подсказывала такой вариант: коль мы провозгласили своей конечной целью независимость Каталонии, нам не нужен парламент страны, из которой мы хотим уйти. Но, очевидно, тогдашний глава правительства Артур Мас не рискнул пойти на противостояние, понимая антиконституционность таких действий и непредсказуемость поведения граждан, которые голосовали против отделения Каталонии от Испании.

Бессспорно, результаты выборов в Каталонский парламент стали барометром предвыборных настроений в стране. Большинство испанцев отдали предпочтение Народной партии, всегда бескомпромиссно действовавшей против намерений националистов разрушить единство страны. И, напротив, этим же императивом объясняется неудача социалистов и близких ей по духу партий и движений. Их стратегическая ошибка в том, что они не всегда прямо заявляли о своей позиции по проблеме независимости Каталонии, а предлагали расплывчатые виртуальные варианты или же резко меняли свои подходы в зависимости от конъюнктуры складывавшихся предвыборных альянсов. Было ясно, что в самой Каталонии социалисты обречены на провал, Единые левые тоже, потому что их прямой конкурент – каталонские левые в союзе с “зелёными” и вместе с националистами выступали за независимость региона.

Анализируя причины неудач двух традиционных политических партий страны, нельзя не сказать о том, что предвыборные кампании они свели к взаимным обвинениям и грызне между собой. В программных документах и в теледебатах лидеры не смогли убедить в своей правоте критическую массу недовольных не только экономической ситуацией в стране, но и политической нестабильностью системы, давно требующей модернизации и реформирования на принципах федерализации. Можно согласиться с испанскими политологами, которые отмечали опасный интеллектуальный застой в руководстве обеих партий, не отреагировавших на очевидный раскол политических элит и смену настроений избирателей по всей Испании [El País. 2015. Existe el nacionalismo... 10.03]. В этом и заключается первый не выученный ими к конкретной дате выборов “каталонский урок”, оставлявший пространство для новых опасных сюжетов и в других регионах Испании.

Ждать пришлось недолго. Вскоре после выборов в Каталонии эхом из Бильбао раздалось требование Националистической партии басков о “новом статусе региона”, которого надо добиваться через референдум. “Вопрос о суверенитете нации

должен решать наш народ, совсем необязательно уходить со скандалом, нужно договариваться с Мадридом. Можно остаться и жить вместе, следуя модели Квебека или Шотландии, которые провели свои референдумы. А можно и в одностороннем порядке добиваться признания независимости” [El País. 2016. Podemos defiende en Euskadi... 27.03], – такие настроения не новы для этого региона, пережившего многолетний террор ЭТА, в котором разговоры о независимости в последние годы вообще не звучали. К удивлению многих наблюдателей, “Подemos” поддержала требование референдума, наступив на “каталонские грабли”. Они и гадают, то ли это апелляция к баскским избирателям на возможных досрочных выборах, то ли принципиальная позиция, но в обоих случаях доверие к партии в стране это подорвёт [El Mundo. 2016. Las listas y la campana... 16.02].

Но был и второй, куда более давний невыученный урок, если можно так сказать, коррозийного действия, разъедавший изнутри сами партии и доверие к ним избирателей. Два правительства ИСРП поплатились властью из-за коррупционных скандалов, в которых были уличены не только высокие партийные бонзы (министры и госсекретари), но и функционеры среднего (регионального) и муниципального уровня. Правительство НП во главе с Х.М. Аснаром на протяжении нескольких лет безуспешно отбивалось от аналогичных обвинений, хотя проиграло выборы по другой, но не менее грязной причине – попытке обмана общественного мнения после теракта на вокзале Аточа. Однако не будем дальше углубляться в историю – все эти факты хорошо известны, взяточники и воры получили длительные сроки заключения и навсегда ушли из публичной политики.

Задолго до выборов стало ясно, что правительство М. Рахоя, на каждом шагу попрекавшее социалистов давними грехами, тоже не имеет прививки от тяжёлой болезни: сначала всплыли документы о двойной бухгалтерии в структуре самой партии, из которых можно было заключить, что не только члены руководства, но и он сам получали солидные надбавки к своей зарплате, дорогие подарки и даже костюмы фирмы “Кавалли”. Откуда брались деньги, уже в течение нескольких лет выясняет следствие по уголовному делу против бывшего казначея НП и большой группы предпринимателей по всей Испании. Лидер партии, конечно, всё отрицает – даже официальные бухгалтерские документы НП и свидетельства своих соратников и подчинённых.

Примерно в то же время, в 2013–2015 гг., в сложных коррупционных схемах при заключении многомиллионных контрактов на общественные работы уличили почти всё руководство столичного правительства. Затем аналогичное обвинение предъявили многим советникам и министрам правительства провинции Мадрид. В обоих случаях заведены уголовные дела, но расследование, как и “бухгалтерского детектива” [El País. 2016. Primero yo, después... 03.02], искусственно затягивалось, чтобы судебный процесс не начался до выборов.

И тут грянул гром, который нельзя было заглушить и не услышать. В самый разгар парламентских выборов в отставку с шумом было отправлено в полном составе автономное правительство Валенсии. Левые партии и блоки, прошедшие в региональный парламент на майских выборах, принялись расчищать авгиевы конюшни народников в муниципалитетах и в экономическом блоке правительства. Подняли и проанализировали все заключённые ранее контракты за несколько лет. И пришли в ужас: сплошное воровство, “откаты”, коррупционные схемы.

Как и положено, за дело опять взялось следствие. А М. Рахой, не дожидаясь его результатов, объявил об исключении из партии всех причастных к этой истории. И даже покаялся с телевизора: партия очищается от недостойных без малейшего со-

жаления, она объявила крестовый поход против коррупции во власти. Но было поздно: левая оппозиция ликовала, требуя ухода из политики самого М. Рахоя и всей его команды. Участие НП в формировании правительства стало нонсенсом для всех, а её лидеру был объявлен бойкот, о чём, не вдаваясь в детали, мы говорили в самом начале.

Картина испанских политических будней окажется неполной, если не упомянуть судебный процесс в Каталонии над бывшим многолетним главой женералитета – правительства автономии Ж. Пужолем, его сыном и крупными промышленниками и бизнесменами. Обвинения всё те же, но ещё и нелегальный вывод незаконно полученных от коррупционных сделок сотен миллионов евро в банки Андорры [El País.2016. El fiscal pide el ...12.02]. По этому же делу свидетелем (“пока”, говорят судьи) проходит лидер почившей националистической CiU А. Мас и несколько бывших членов его кабинета. В Испании, кстати, в моде конспирологическая версия о том, что он так обреченно добивается независимости Каталонии, чтобы избежать уголовного наказания по этому делу.

Поистине ничто не ново под луной...

До конца апреля, вероятно, будет продолжаться постыборная неопределённость в попытке сформировать коалиционное правительство социалистов. В случае же неудачи велик шанс, что у Педро Санчеса возникнут серьёзные проблемы в собственной партии, где давно уже оспаривается его лидерство. Как они уже вовсю проявились в “Подемос”, умеренное крыло которой отвергает “форму и манеру диалога Пабло Иглесиаса с социалистами в отчаянной попытке убедить избирателя, что ИСРП уже не является авангардом левых сил в Испании” [El País.2016. Los “etgejonistas” querían las formas...26.03; El Mundo.2016. Pedro, sabes...16.02].

В случае если договориться не удастся, страну ждут новые выборы. Возможно, с новыми лидерами ведущих партий, хотя “смена коней на переправе” вряд ли изменит в целом расстановку политических сил в стране. Патовая ситуация может повториться, и это станет настоящей драмой для страны.

* * *

Переговоры руководства ИСРП с возможными партнёрами по правительственный коалиции из «Подемос» стали напоминать гонку за потерянным временем. Обе партии готовы были пойти на уступки, чтобы избежать роспуска парламента и новых выборов, но его-то и не хватило для достижения компромисса по кардинально противостоящим позициям в экономической программе и по вопросу государственного устройства. Неуступчивость проявила и партия «Сьюдаданос», с самого начала отвергавшая своё участие в одной коалиции с партией Иглесиаса.

Лимит отведённого законом срока на формирование правительства был исчерпан 2 мая, и у короля Фелипе VI не оставалось иного выхода, как впервые в новой истории страны распустить просуществовавший всего несколько месяцев парламент и назначить новые выборы на 26 июня. По предварительным расчётам, они обойдутся бюджету в 170 миллионов евро – на 40 миллионов больше, чем предыдущие. И это при том что с декабря прошлого года страна жила без правительства, дрейфуя в море нерешённых проблем, порождённых экономическим кризисом.

К сожалению, развитие событий подтвердило наш предварительный прогноз о вероятности такого финала из-за отсутствия в Испании культуры политического компромисса, присущей европейским странам с более зрелой демократической системой и опытом создания коалиционных правительств. Но, как известно, отрица-

тельный результат – тоже результат, который многому учит. Ближайшие несколько месяцев покажут, усвоен ли этот урок политической элитой Испании, потому что социологические службы страны предсказывают, что и на ближайших выборах ни одна партия не получит абсолютного большинства, и расклад сил в парламенте сохранится с очень незначительной коррекцией в пользу левых. Это означает, что вновь придётся договариваться. Договорятся ли?

Список литературы

- Верников В.Л. (2015) Каталония в поисках независимости //Современная Европа №2. С. 61–71.
- Хенкин С.М. (2012) Испания в полосе турбулентности // Мировая экономика и международные отношения №4. С. 72–81.
- Узнаровов И.М. (2015) Новый национализм в современной Европе// Современная Европа №5. С. 80–88.

References

- Vernikov V.L. (2015) Katalonia v poiskaj nezavisimosti //Sovremennaya Evropa.№2. S. 61–71.
- Jenkin S.M. (2012) Ispania v polose turbulentnosti// Mirovaja yeconomika I mezhdunarodniye otnosheniya №4. S. 72–81.
- Uznarovov I.M. (2015) Noviy nacionalizm v sovremennoy Evrope// Sovremennaya Evropa №5. S. 80–88.
- Известия. 2015.23 декабря.
- El Pais.2015.10 marzo; 23 marzo; 01 diciembre.
- El Pais.2016. 07 enero; 03 febrero; 12 febrero; 16 febrero; 10 marzo; 26 marzo; 27 marzo.
- El Mundo. 2016. 16 febrero
- ABC, La Razon, Periodico de Cataluna. 2016. Enero-abril
- LIGA [Электронный ресурс] URL:<http://news.liga.net/video/world/7096847>
- REGNUM [Электронный ресурс] URL: <http://regnum.ru/news/polit/2009068.html>

Won the election – Lost Power Surprises of “the Spanish party”

Author. Vernikov V.L. Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009.

Abstract. The article analyzes the situation in Spain after the parliamentary elections in December 2015, in which no political party got an absolute majority and the right to form and lead the government. This was followed by futile attempts to form a coalition Government. The author focused attention on the causes of the defeat in the elections of the two traditional competitors the People's Party and the Spanish Socialist Workers' party and on the success of the two newcomers to the lower house of parliament – parties “Syudadanos” (“Citizens”) and “Podemos” (“We can”). The main problem in the formation of the coalition government was not only the fragmentation of the parliament, but also the ideological incompatibility of the four parties. The author offers his view on further events in Spain.

Key words: parliamentary elections, fragmented parliament, “the Catalan lesson”, regional elections, party “Citizens” and “We can”, Caudillo syndrome, coalition government.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320163241>

УДК 339.982

Сергей РОГИНКО

ИТОГИ ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ООН ПО КЛИМАТУ 2015 ГОДА

Аннотация. В статье анализируются итоги Парижской конференции ООН по климату, прошедшей в декабре 2015 года и ставшей значительной вехой на пути создания формата глобальных усилий в области проблемы изменения климата. Автор – эксперт российской делегации на Парижской конференции – делится своим видением основных компонентов новой конструкции, заложенной в принятом на конференции Парижском соглашении. Рассмотрены новые моменты, которые соглашение вносит в климатический миропорядок, его геополитические аспекты и потенциальные выгоды и риски для ведущих глобальных игроков, включая Россию.

Ключевые слова: изменение климата, Парижское соглашение, Киотский протокол, адаптация, сокращение выбросов, парниковые газы, создание потенциала, трансфер технологий, финансовая помощь.

Парижская конференция ООН по климату (21-я Конференция сторон рамочной Конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) и 11-е совещание сторон Киотского протокола) завершилась 12 декабря 2015 г. Её работа, по общему мнению, завершилась успехом, и этот успех был отчасти предопределен. Повтора такого громкого провала, который произошёл в 2009 г. на аналогичной конференции в Копенгагене, мировое сообщество просто не могло допустить. Именно поэтому на Парижскую конференцию были стянуты все лидеры ведущих мировых держав, подтвердившие свою приверженность глобальным усилиям в области климата и задавшие изначально позитивный тон переговорам. В самих переговорах (что беспрецедентно в истории) принял активнейшее участие Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун, приложивший немало сил к достижению финальной договорённости на завершающей стадии. Стоит сказать и об амбициях Франции, изначально позиционировавшей Париж как то место, где будет достигнут прорыв по теме глобального климата после шести лет пробуксовок. Усилия, предпринятые для этого и президентом Франсуа Олландом, и министром иностранных дел Лораном Фабиусом, занимавшим пост председателя конференции, заслуженно были названы выдающимися. Сыграло роль и то, что стартовые условия парижских переговоров были

© Рогинко Сергей Анатольевич – кандидат экономических наук, руководитель Центра экологии и развития, ФГБУН Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. E-mail: roginco@bk.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320164252>

лучше копенгагенских: на них отсутствовал главный тормоз, которым в 2009 г. был конфликт интересов США и Китая. Эти страны сумели урегулировать свои противоречия в конце 2014 г., что и было констатировано на очередной (Лимской) Конференции РКИК ООН. В итоге в Париже юридически обязывающее Соглашение по климату, рассчитанное на период после 2020 г. (после окончания действия Киотского протокола) было подписано. Задача по выработке “протокола или иного правового инструмента или согласованного документа, имеющего юридическую силу в рамках РКИК ООН, применимого ко всем сторонам”, поставленная в 2011 г. на 17 Конференции сторон РКИК ООН в Дурбане, выполнена.

Основная миссия соглашения – послать чёткий сигнал мировому сообществу, включая всех ведущих акторов – государства, региональные объединения, регионы, города, муниципалитеты, корпорации, финансовые институты, гражданское общество – катализирующий усилия в области изменения климата, дающий импульс для повышения амбиций в этой области.

Обязательства сторон

Смысл Парижского соглашения с точки зрения обязательств стран прежде всего заложен в принципе добровольности вклада каждой страны в решение глобальной проблемы климата. Эти вклады – т.н. индикативные национально определяемые вклады (Nationally Determined Contributions-NDC) – были накануне конференции опубликованы 156 странами и охватывают 95% глобальных выбросов. При этом вопрос о том, что является вкладом, для развитых и развивающихся стран решается по-разному. Если для развитых стран вкладом являются абсолютные количественные сокращения выбросов, то развивающимся странам в этом вопросе дана свобода выбора. Под вкладом могут пониматься любые относительные сокращения при общем росте: снижение удельных выбросов на единицу ВВП, на душу населения и по сравнению со сценариями т.н. “обычного бизнеса” (business as usual). Кроме того, для развивающихся стран предусмотрено включение в NDC такой темы, как адаптация, включая политики, мероприятия и меры. Тем самым фактически создается система “двух треков”, содержательно разных, но формально объединенной общей конструкцией.

В этом отношении, если сравнивать Парижское соглашение с Киотским протоколом, то в отношении развивающихся стран режим принят несколько более жёсткий, а в отношении развитых стран – более мягкий. Режим соглашения – некое гибридное сочетание подходов “сверху вниз” и “снизу вверх”; Если национальные NDC разрабатываются и представляются “снизу вверх”, то механизм соблюдения и принципы транспарентности в отчёtnости действуют “сверху вниз”.

Однако не стоит забывать, что со временем эта мягкая конструкция, с добровольными обязательствами, принимаемыми “снизу вверх”, может трансформироваться в жёсткую структуру, диктующую странам их обязательства “сверху вниз”. Возможность эта заложена в т.н. принцип климатической справедливости, который не удалось изгнать из текста соглашения, несмотря на усилия ряда стран (формулировка “важность некоторой концепции “климатической справедливости” при действиях в области изменения климата) [FCCC/CP/2015/L.9 : 20]. Несмотря на кавычки, в которые поставлен этот термин, само появление его является угрозой национальному суверенитету всех стран, включая Россию, поскольку по своей природе “климатическая справедливость” рассчитана именно на то, чтобы стать основным

принципом принудительного глобального распределения квот на выбросы, взамен национальных приоритетов и возможностей.

Важным моментом Соглашения является также учёт “различных национальных обстоятельств” при выполнении обязательств по климату, что основано на компромиссе между Китаем и США по учёту этих обстоятельств, достигнутому в 2014 году.

Второй основой Парижского соглашения является принцип постоянного “повышения амбиций”. Для этого предусмотрены пятилетние циклы разработки, представления и реализации NDC. Каждый такой “пятилетний план”, представляемый страной, должен по своему содержанию быть амбициознее предыдущего с точки зрения поставленных задач и предусмотренных мер. Для их оценки предусматривается т.н. global stocktake – глобальная инвентаризация предпринимаемых усилий как на уровне отдельных стран, так и на уровне всего мирового сообщества, с целью определения соответствия этих мер траектории, необходимой для решения общей задачи, обозначенной в Парижском соглашении: сдерживания повышения глобальной температуры в пределах “значительно ниже 2 градусов” по сравнению с доиндустриальным периодом [FCCC/CP/2015/L.9: 21]. Подобная инвентаризация предусматривается также один раз в пять лет, начиная с 2023 г. Для отслеживания прогресса в этом вопросе соглашением предусматривается система отчётности, построенная на транспарентности, являющаяся также юридически обязательной для стран, так же как и необходимость разрабатывать, представлять и выполнять свои NDC.

Странам, уже представившим свои NDC к Парижской конференции, не требуется дополнительная разработка подобных документов; для тех стран, временной горизонт NDC которых рассчитан до 2025 или 2030 г., предусмотрено представление обновленной версии NDC к 2020 г., и в дальнейшем – каждые пять лет. NDC должны быть представлены заблаговременно – за 9–12 месяцев до соответствующей Конференции сторон РКИК (Совещания сторон соглашения), рассматривающей данный вопрос. Предусматривается выработка регламентирующих документов по NDC и принятие их на первой Конференции Сторон РКИК (КС РКИК), служащей Совещанием сторон соглашения. В частности, предполагается учёт следующих принципов:

(а) отчётность по всем антропогенным эмиссиям и стокам в соответствии с методологиями МГЭИК (межправительственной группы экспертов по изменению климата), принятыми КС РКИК ООН;

(б) обеспечение методологической последовательности, включая базовые линии, между представленными NDC и их выполнением;

(в) стороны будут стремиться включать в свои NDC все категории антропогенных эмиссий и стоков и не исключать ни один из однажды уже включенных;

(г) в случае исключения той или иной категории антропогенных эмиссий и стоков стороны должны предоставлять объяснения того, почему это сделано.

Эти регламентирующие документы по NDC будут обязательной нормой, начиная со второго пакета представляемых документов. Сами NDC, представленные странами, будут размещаться в специально разрабатываемом открытом реестре, работа по которому поручена Секретариату РКИК и должна быть завершена к 2-й половине 2016 года.

Кроме того, сторонам предложено представить в Секретариат РКИК в 2020 г. свои долгосрочные (до середины XXI века) стратегии в области парниковых газов.

Создание потенциала

Для облегчения выполнения этих задач странами (прежде всего развивающимися) Соглашением предусмотрено, в частности, формирование Парижского комитета по созданию потенциала, а также механизма по митгации (сокращению выбросов парниковых газов) и устойчивому развитию. Парижский Комитет по созданию потенциала должен обеспечить создание потенциала в области митгации и адаптации, реализовывать задачи обучения, тренинга, информирования общественности (детальная разработка полномочий и модальностей работы этого Комитета поручена SBI (Вспомогательный орган РКИК по Соблюдению). По данной проблематике принят план действий на 2016–2020 гг., который, в частности, предполагает следующие виды деятельности:

- (а) оценку возможности увеличения синергии и избежания дублирования в работе органов Конвенции и вне её, ведущих работу в области создания потенциала;
- (б) определение разрывов и потребностей, а также способов соответствующих действий;
- (в) продвижение и распространение инструментов и методологий создания потенциала;
- (г) стимулирование глобального, регионального, национального и субнационального сотрудничества;
- (д) определение и сбор лучших практик, опыта и уроков работы по созданию потенциала органами конвенции;
- (е) изучение возможностей создания и поддержки потенциала усилиями развитых стран;
- (ж) определение возможностей усиления потенциала на национальном, региональном и субнациональном уровнях;
- (з) стимулирование диалога, сотрудничества и координации между различными процессами и инициативами в рамках конвенции путём обмена информации.

Информация обо всей этой работе будет размещаться на специальном вебсайте, создание которого поручено Секретариату РКИК. Парижский комитет по созданию потенциала будет строить свою работу, тематически фокусируясь на том или ином аспекте потенциала каждый год (тема года). Ежегодные сессии комитета будут организоваться SBI; на них комитетом будут представляться ежегодные отчёты о проделанной работе.

Адаптация

Необычно большое внимание в документах конференции уделено вопросам адаптации, которая по значимости стала практически бровень с задачами митгации. Впервые в климатических документах сформулирована глобальная цель в области адаптации, понимаемая как “укрепление потенциала адаптации, усиление устойчивости и снижение уязвимости к изменению климата, ввиду вклада в устойчивое развитие и обеспечение адаптационного ответа в контексте температурной цели” [FCCC/CP/2015/L.9: 24]. Несмотря на невнятность формулировок, это значительный шаг вперед, к тому же дополненный целой серией обязательных для сторон требований. В частности, предполагается, что каждая сторона будет вести планирование в области адаптации и предпринимать соответствующие действия по интенсификации соответствующих планов, политик и вкладов, в т.ч.:

- (а) выполнение адаптационных действий и усилий;
- (б) формулирование и выполнение национальных планов по адаптации;
- (в) оценка влияния изменения климата и уязвимости, с целью выработки национальных приоритетных действий, принимая во внимание уязвимые народы, местности и экосистемы;
- (г) мониторинг и оценка выполнения планов по адаптации, программ и действий;
- (д) формирование устойчивости социоэкономических и экологических систем на основе диверсификации и устойчивого управления природными ресурсами.

Каждая Сторона должна будет регулярно представлять свои национальные сообщения по адаптации, включая свои приоритеты, планы и действия по их выполнению.

Финансовая помощь

Одним из центральных вопросов парижских переговоров стала помощь развивающимся странам развивающимся. Бюджет в 100 млрд долларов ежегодной помощи развивающимся странам был обещан ещё в 2009 г. Бараком Обамой в Копенгагене. Этот объём предполагалось собрать к 2020 г., и развитые страны, намеревавшиеся это сделать, подразумевали, что “в зачёт” пойдут и частные инвестиции в промышленные, энергетические и иные проекты, приводящие к сокращению выбросов в странах-реципиентах. Эти проектные сокращения могли бы быть засчитаны развивающимся странам как результат; и тем не менее номер не прошёл. “Группа 77+Китай” ввела в проект соглашения пункты о том, что помощь должна быть только государственная, прямая, грантовая и не дублировать другие официальные каналы помощи развитию (т.н. Official Development Aid). Она должна формироваться на базе запросов стран-реципиентов, быть предметом строгой международной отчётности и периодической оценки на предмет адекватности предъявляемым запросам. В итоге очень сложных переговоров было решено перенести срок мобилизации 100 млрд долларов ежегодной помощи не к 2020, а к 2025 г., после которого стороны должны будут договориться о новой коллективной цели. Последнее было интерпретировано многими как попытка развитых стран переложить в перспективе финансовую нагрузку такого рода на некоторые состоятельные развивающиеся страны (например, Китай). Что, в свою очередь, противоречит положению Соглашения о том, что предоставление помощи является обязательным для развитых стран; всеми остальными она предоставляется на добровольной основе.

Права человека

Новинкой для климатических соглашений стало включение в преамбулу такой темы, как права человека. Учитывая использование этой темы западными странами для давления на остальной мир (включая Россию), появление ее в документе под эгидой РКИК ООН, в мандате которой права человечества никак не значатся, само по себе небезопасно. Правда, далее в тексте соглашения эта тема не “операционализирована”, но за развитием данного вопроса необходимо тщательно следить, чтобы оно не завело в климатическую тему проблемы, не имеющие к ней отношения. Столь же странно в тексте преамбулы выглядят ссылки на “половое равенство и усиление роли женщин” (gender equality, empowerment of women) в качестве необходимых предпосылок для действий в области климата [FCCC/CP/2015/L.9: 20]. Соглашение в итоге превратилось в набор пожеланий различных групп влияния, и

дальнейшее сползание в сторону их пожеланий может привести к существенной деградации всех мер и документов, принимаемых под эгидой РКИК ООН. Единственной победой здравого смысла явилось исключение из текста ссылки на “права народов, находящихся под оккупацией” (имевшейся в первоначальном проекте текста соглашения).

Вопросы энергетики

Стратегически опасным аспектом соглашения является отсутствие баланса в понимании возможностей покрытия энергетических потребностей человечества, преувеличение роли возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В частности, в преамбуле решения в качестве единственного пути обеспечения общего доступа к устойчивой энергии в развивающихся странах, особенно в Африке, признаётся развитие возобновляемой энергетики. Такое игнорирование традиционной энергетики, формирующей базу энергопотребления в мире, было продемонстрировано на заключительной сессии конференции, на которой один из выступающих объявил о “начале конца эры углеводородного топлива”. Дальнейшее развитие подобного дискурса нежелательно для стран-экспортёров углеводородов, включая Россию; на будущее целесообразно отслеживать такой дискурс и, по возможности, влиять на формулировки. В качестве площадки для защиты своих интересов можно использовать положение преамбулы соглашения, признающее, что стороны могут терпеть ущерб не только от изменений климата, но и от ответных мер [FCCC/CP/2015/L.9: 20]. Это положение, инициатором которого стала Саудовская Аравия, перспективно в плане компенсации за падение доходов от нефти вследствие внедрения ВИЭ.

Рыночные механизмы

Немалая интрига стояла за вопросами нового формата углеродного рынка в рамках соглашения. Съехавшиеся на конференцию мировые “торговцы воздухом” нетерпеливо ожидали ответа на вопрос: будет ли новый рынок или нет? Позицию самых опытных из них представляла Международная ассоциация торговли эмиссий (IETA), продвигавшая идею единого глобального рынка с едиными правилами для всех. Обсуждалась идея т.н. “совместной митигации”, при которой между странами торгуются единицы абсолютного сокращения выбросов, с передачей национальных сокращений от одной страны другой. По сути, создается перспектива механизма, аналогичного ст. 17 Киотского протокола, предусматривающей торговлю национальными лимитами между странами, находящимися в режиме абсолютных сокращений выбросов. В итоге в соглашении предусмотрена “международная передача результатов митигации” на добровольной основе. Подобный формат создаёт перспективы торговли между развитыми странами, в то время как развивающиеся страны выступили за свои схемы участия. Их интересы обсуждались в форматах проектных механизмов, схожих с т.н. проектами чистого развития (ст. 12 Киотского протокола), предусматривающими платежи развивающимся странам в рамках проектов сокращения выбросов. Тем не менее детального подхода к подобному механизму конференция так и не предложила: разработка вопроса перенесена в рабочие органы РКИК ООН (конкретно – SBSTA (Вспомогательный Орган РКИК по научно-техническому содействию)). В соглашении и решении конференции фигурируют только общие принципы, на основании которых будет строиться новый механизм:

- (а) добровольность участия каждой стороны;
- (б) реальные, измеряемые и долгосрочные результаты с точки зрения сокращения выбросов;
- (в) сокращения выбросов, дополнительные к тем, которые были бы достигнуты при ином сценарии;
- (г) верификация и сертификация сокращений выбросов силами уполномоченных организаций (designated operational entities);
- (д) использование опыта и уроков применения существующих механизмов в рамках РКИК ООН и её инструментов.

Важным моментом является положение о том, что новый механизм должен обеспечивать общее снижение глобальных выбросов. Под “инструментами РКИК ООН”, упомянутыми выше, в тексте завуалировано подразумевается Киотский протокол, и принципы, изложенные в решении, напоминают ст. 6 и 12 КП (проекты совместного осуществления и проекты чистого развития). Принятие правил, модальностей и процедур нового механизма предполагается на первой Конференции сторон РКИК, служащей Совещанием сторон соглашения. На ней же намечено принятие решений по деталям организационной структуры, призванной курировать новый механизм (её создание решено соглашением).

Не удалось изгнать из текста соглашения пункт о т.н. share of the proceeds (доли с операций), которую участникам новой системы торговли придётся платить в адрес наиболее уязвимых (читай – бедных) стран. Это положение – наследство ст. 12 Киотского протокола – проектов чистого развития, в рамках которых проводились такие платежи. Теперь этот абсурдный пункт будет распространяться на всю новую систему торговли.

Трансфер технологий

Немало дискуссий на конференции вызвала тема трансфера технологий, на расширении доступа к которым настаивал Китай, поддерживаемый “Группой 77” (развивающиеся страны). Основной пункт преткновения – вопрос о правах на интеллектуальную собственность – в текст соглашения не вошёл, однако развивающимся странам удалось сохранить связку между технологическим трансфером и соответствующим финансированием (что вызывало возражения ЕС, США и Японии). В итоге основные принципы действий в данной области сводятся к следующему:

- (а) проведению и обновлению оценок потребности в технологиях, а также усилению результативности этой работы, включая планы действий в области технологии и проектные идеи, реализуемые в коммерческих проектах, годных для банковского финансирования;
- (б) предоставлению усиленной финансовой и технической поддержки выполнению результатов оценок потребности в технологиях;
- (в) оценке технологий, готовых к трансферу;
- (г) укреплению среды для развития и трансфера экологически чистых технологий и преодоления соответствующих барьеров.

Не прошло и предложение развивающихся стран о создании отдельного технологического механизма в рамках соглашения; было решено использовать уже действующие в рамках РКИК ООН механизмы, включая Исполнительный комитет по технологиям и Центр и Сеть климатических технологий (Technology Executive Committee and the Climate Technology Centre and Network), на которые возложена ответственность за данную тематику.

Вопросы соблюдения соглашения

Вопросы соблюдения Парижского соглашения – предмет особого внимания. Соглашением предусмотрен механизм соблюдения, в основе которого – комитет, составленный из экспертов. Его работа будет определяться процедурами и модальностями, которые будут приняты на первой Конференции сторон РКИК, служащей Совещанием сторон Парижского соглашения. Несмотря на заявленный ненаказующий способ действия, основанный на учёте национальных обстоятельств сторон, такой формат не гарантирует беспристрастных оценок и создает нишу для произвольных, предвзятых толкований национальных усилий. Чтобы избежать этого, целесообразно участие в данном комитете представителя России или как минимум одного-двух союзных или лояльных к ней стран.

Процедурные вопросы

Процедура вступления соглашения в силу предусматривает, что депозитарием соглашения является Генеральный Секретарь ООН; соглашение остаётся открытым для подписания с 22 апреля 2016 г. до 16 апреля 2017 г. При этом 22 апреля 2016 г. предполагается проведение в Нью-Йорке церемонии высокого уровня по подписанию соглашения. Само соглашение вступает в силу после подписания его странами, ответственными не менее чем за 55% глобальных выбросов (аналогичный порядок был принят для Киотского протокола). Признаётся, что до вступления соглашения в силу стороны могут опираться на его положения на временной основе.

С принятием Парижского соглашения истекают полномочия Дурбанской специальной рабочей группы по усиленным действиям (Ad Hoc Working Group on the Durban Platform for Enhanced Action); взамен её создаётся специальная рабочая группа по Парижскому соглашению (Ad Hoc Working Group on the Paris Agreement), в задачу которой входит подготовка соглашения к вступлению в силу и подготовка первой сессии Конференции сторон РКИК, служащей Совещанием сторон Парижского соглашения. Работа специальной рабочей группы по Парижскому соглашению начинается в 2016 г., её сессии будут синхронизированы с сессиями вспомогательных органов РКИК ООН.

Соглашением признано, что все действующие структуры конвенции (секретариат и вспомогательные органы) будут также соответствующими органами по данному соглашению. Конференции сторон РКИК ООН будут служить также Совещанием сторон Парижского соглашения.

* * *

Если посмотреть на процесс глобальных переговоров по климату с точки зрения геополитической, то последние лет 15 своеобразной доминантой здесь было противостояние США и Китая. Собственно говоря, первым сигналом стал выход США из Киотского протокола в 2001 г., который Штаты мотивировали тем, что без участия Китая и Индии в режиме абсолютных сокращений выбросов не видят для себя смысла участвовать в этой конструкции. С тех пор США не оставляли попыток вовлечь Китай в ту или иную политическую схему, ограничивающую его национальные выбросы. Китай же, официально объявив себя развивающейся страной, принял на себя выигрышную роль главного борца за право всех развивающихся стран на неограниченные выбросы парниковых газов. Штатам, официально поддерживаю-

шим гипотезу антропогенного потепления, а следовательно, и исторической ответственности за него развитых стран, нечего было противопоставить китайской логике (единственным спасением в этой ситуации был бы отказ от антропогенной версии потепления, но на него США в итоге не пошли, ограничившись бессодержательной перебранкой с Китаем, прорвавшейся в канун Копенгагенской конференции и в ходе её). Дальнейшие действия США в сущности сводились к поискам приемлемой схемы выхода из режима конфронтации без потери лица. Растворив свои маневры на целых пять лет, Штаты в ноябре 2014 г. заключили с Китаем Соглашение о сотрудничестве в области климата, признающее право Китая на неограниченный рост выбросов и обязанность Америки по их абсолютному сокращению. Эта капитуляция, как обычно, выданная Штатами за свой колossalный успех, сняла последнее стратегическое препятствие на пути к новому глобальному аккорду. Парижское соглашение, по сути, стало легитимацией этого провала США и первой серьёзной победы Китая в форматах глобального мироустройства, в полном соответствии с установками съездов КПК, поставивших перед китайской дипломатией задачу доминирования в этих форматах.

Поэтому созданная в Париже система “двух треков”, содержательно разных, но формально объединённых общей конструкцией, является проекцией американо-китайского соглашения, признающего равнозначность таких разных вкладов, как абсолютные сокращения и снижение карбоноемкости ВВП при их фактическом росте. Доводы здравого смысла о неравноценности и даже несопоставимости таких разных типов вкладов для удобства переговорного процесса были отложены в сторону; очевидная угроза того, что этот момент со временем станет предметом острых разногласий, не была принята во внимание. Тем самым развивающимся странам был дан карт-бланш на неограниченное увеличение выбросов. А если учсть, что на развивающиеся страны уже сейчас приходится основная часть выбросов в мире, и их доля постоянно растёт, ситуация на 15–20 лет вперед прогнозируется без труда. Общие выбросы в мире будут расти, и усилия развитых стран по сокращению их у себя не смогут компенсировать их рост в странах развивающихся.

И это, в свою очередь, ставит под сомнение основную заявленную цель соглашения: стабилизацию глобальной температуры к 2100 г. в пределах не выше 2 градусов Цельсия по отношению к доиндустриальному периоду (XVIII в.). Собственно говоря, сама эта цель изначально вызывала вопросы: а почему, собственно, в пределах двух градусов всё будет нормально, а за ними – начнутся бедствия и катастрофы? Особенно если учсть, что с доиндустриальных времен температура уже повысилась на 0,86 градуса, и речь идёт уже об одном градусе с небольшим. Картины и страшилки, разработанные под заказ компьютерными модельерами, не убеждают, а исторический опыт человечества свидетельствует о том, что подобные “ужасные” повышения температуры человечество проходило сравнительно недавно (со времен Древнего Рима пройдено как минимум несколько циклов похолодания, в ходе которого, например, замерзала Темза, и потепление, в ходе которого в Шотландии выращивали виноград).

Появление в соглашении абсолютной температурной цели – признак тревожный, свидетельствующий о потере человечеством адекватного понимания своего места на планете и своих возможностей. Регулировать глобальную температуру, динамика которой определяется прежде всего природными циклами, – это задача не по силам *homo sapiens*. Антропогенный вклад в потепление не настолько велик, чтобы, изменения его, можно было бы серьёзно влиять на температуру на планете.

Впрочем, и сами переговорщики на конференции не верили в осуществимость 2-градусной цели: об этом говорят сводные анализы представленных странами NDC. Совокупные выбросы стран к 2030 г., заявленные в этих документах, составят не менее 60 млрд тонн СО₂-эквивалента. А глобальный уровень выбросов, необходимый (согласно разработанным моделям, корректность которых еще предстоит оценить) для сохранения 2-градусного порога, составляет 40 млрд т. При такой динамике те же модели предсказывают повышение температуры на планете к 2100 г. на 2,7 – 3,5 градуса по сравнению с доиндустриальным периодом. Что, безусловно, не удастся проверить большинству ныне живущих – в этом удобство прогнозирования на 85 лет вперед.

Что касается нашей страны, то, несмотря на как бынейтральный характер Соглашения и принцип принятия обязательств “снизу вверх”, его нельзя назвать абсолютно безопасным документом. Как уже упоминалось, потенциальные риски для России содержатся и в принципе постоянного повышения “амбициозности” обязательств, и процедуре оценки выполнения “независимыми” экспертами (их объективность во всех областях – от прав человека и до спортивных результатов – слишком хорошо известна). Взрывоопасная ситуация заложена и в принципе “климатической справедливости”, который в соглашении никак не истолкован, но его интерпретация развивающимся странами – главными его инициаторами хорошо известна. Речь идет о равном доступе каждого живущего на Земле человека к атмосферному кислороду и равном праве всех людей на выбросы парниковых газов. Отсюда рукой подать до равного права на территорию и до соответствующих территориальных претензий под личиной “справедливости”. Особенно учитывая возросшую роль в климатических переговорах такого традиционного сторонника “географической справедливости”, как Китай. При таком подходе России нельзя расслабляться – ей может быть отведена роль первой мишени. Поэтому особое внимание нашей страной должно быть удалено ходу “доведения” соглашения до стадии рабочих документов на уровне вспомогательных органов РКИК и рабочих органов соглашения, с тем чтобы не допустить развития потенциальных угроз до реальных.

Такая задача вполне по силам российской дипломатии, которой удалось на Парижской конференции добиться снятия немалого количества неприемлемых для России пунктов. В частности, значительные риски для нашей экономики несла заложенная в проекте соглашения идея углеродного налога, которым в обязательном порядке предполагалось обложить выбросы во всех странах мира. Причём по замыслу инициаторов (следы которых ведут к Всемирному банку) ставки этого налога по всему миру должны быть одинаковы – возможно, для создания унифицированных стимулов к декарбонизации. То, что один и тот же размер налога может по-разному влиять на экономику различных стран, отраслей и производств, почему-то никто учесть не догадался. Любые попытки примерить такую нагрузку на экономику России, с её кризисным состоянием и дышащим на ладан реальным сектором, приводят к неутешительным выводам. При нынешних выбросах в 2,8 млрд т и ставке налога в 15 долл. за тонну (предлагаемую некоторыми сторонниками этой идеи) речь идет об изъятии из бюджета страны 42 млрд долл. (3,6 трлн руб.) ежегодно. Где в бюджете возьмется такой объем, непонятно, как непонятно, на что эти средства пойдут. По мнению развивающихся стран, традиционно поддерживающих идею новой глобальной дани в свою пользу, вопрос об адресате не стоит: конечно, это они. Нужно ли это России в её непростой экономической ситуации – вопрос, вряд ли требующий долгого обсуждения. К счастью, в текст соглашения эта идея не прошла.

В целом, несмотря на рекордное участие высших руководителей мировых держав, Парижская конференция вряд ли может претендовать на роль исторического события. И тем не менее, не стоит говорить, что “гора родила мышь”. Парижское соглашение фиксирует серьёзные перемены в формате мировых усилий в области изменения климата. Новая картина, новое видение – это окончательный отказ от попыток ввести ограничения выбросов для всех, без которых, по мнению ряда экспертов, невозможно говорить о каком-то влиянии на температуру планеты. Поэтому само соглашение можно рассматривать как попытку сохранить хорошую мину при плохой игре. Отказавшись от единых рамок политики, Соглашение определяет каждой группе стран свой путь и свою траекторию. Развитым – снижать выбросы, развивающимся – наращивать. Прикрыть этот разброд фиговым листком декларируемой цели ограничения глобальной температуры вряд ли удастся: слишком велики и очевидны расхождения между целью и средствами. Не случайно поэтому в тексте соглашения, как ни в одном другом документе ООН по климату, уделяется внимание адаптации, которая стала направлением не менее актуальным, чем собственно снижение и ограничение выбросов. Что, безусловно, является признаком здравого смысла. В отличие от нереального “замаха” на снижение температуры путём сокращения эмиссии, адаптация – абсолютно необходимая мера в условиях идущего потепления. Рамки же Соглашения позволяют в перспективе, не отказываясь от привычного устрашающего климатического дискурса (а вдруг ещё пригодится?), снизить уровень реальных затрат на проблематику и создать условия постепенного отхода от темы или переключения задач на что-либо более адекватное – туже адаптацию, например. Поэтому, нося отчётливо промежуточный характер, Парижское соглашение в целом обеспечивает ведущим глобальным игрокам свободу рук, дающую в будущем возможность корректировать форматы и конструкции глобальных усилий в очень широких пределах, что, очевидно и требуется в нынешний период общей политической нестабильности в мире.

Список литературы

United Nations Framework Convention on Climate Change. Conference of the Parties. Twenty-first session. Paris, 30 November to 11 December 2015 Document FCCC/CP/2015/L.9

References

United Nations Framework Convention on Climate Change. Conference of the Parties. Twenty-first session. Paris, 30 November to 11 December 2015 Document FCCC/CP/2015/L.9

Results of the UN Paris Climate Conference 2015

Author. Roginko S.A. Ph.D., Head of the Center for Environment & Development Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** roginko@bk.ru

Abstract. The article analyzes the results of the Paris UN Climate Conference, that took place in December 2015 and became an important step in creating the format of global Climate Change efforts. The author, who participated in this Conference as an official Russian delegation expert, shares his vision of the key components of the new construction, created by the Paris Agreement, adopted by the Conference. Analysis is focused on the new features, brought by the Agreement to the climate world order, its geopolitical aspects and potential benefits and risks for the leading global players including Russia.

Keywords: Climate Change, Paris Agreement, Kyoto Protocol, Adaptation, Mitigation, Greenhouse Gases, Capacity Building, Technology Transfer, Financial Aid.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320164252>

УДК 327.7
Павел ШЛЫКОВ

ТУРЦИЯ И ЕС: ПОЛИТИКА АНКАРЫ НАКАНУНЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье анализируется историческая динамика взаимоотношений Турции и ЕЭС/ЕС, факторы стагнации переговорного процесса Анкары и Брюсселя, а также характер модернизации – демократизации – европеизации страны. Замораживание переговоров о вступлении Турции в ЕС способствовало ревизии повестки дня её евроинтеграции и европеизации. Ослабление роли ЕС как драйвера перемен привело к существенному перевесу эндогенных процессов в сложном балансе внешних и внутренних факторов общественной трансформации Турции, а также сегментации модернизационных реформ. При этом отношения с ЕС остаются критически важными для Анкары, несмотря на осложнения политического диалога, снижение общественной поддержки “европейского проекта”, антизападную риторику и поиск новых механизмов обеспечения суверенитета.

Ключевые слова: Турция, ЕС, демократизация, модернизация, европеизация, евроинтеграция, “политика обусловленности”.

Растущая напряжённость в отношениях Турции с Западом, всё отчётливее проявляющаяся последнее десятилетие, резко контрастирует с тем, как развивался диалог Анкары и Брюсселя в начале 2000-х гг. Тогда официальное признание за Турцией статуса кандидата на членство в ЕС (Хельсинский саммит 1999 г.) дало мощнейший импульс демократическим преобразованиям внутри страны. Однако “золотой период” европеизации Турции оказался очень скротечен и фактически завершился осенью 2005 г. с началом официальных переговоров с Брюсселем о вступлении в ЕС. Нисходящая динамика политического взаимодействия и рост разочарования друг в друге – таковы основные характеристики отношений Турции и ЕС со второй половины 2000-х гг. Чрезвычайно медленный – особенно в сравнении с опытом интеграции в ЕС стран Центральной Европы – процесс открытия “глав” для переговоров с Анкарой (на начало 2016 г. лишь 15 из 35 “глав” были “открыты” для переговоров, а “закрыть” удалось лишь один раздел по науке и исследованиям), и формальное замораживание переговорного процесса из-за “кипрского вопроса” в декабре 2006 г. сделали перспективы вступления Турции в ЕС чрезвычайно туманными. Стагнация евроинтеграции совпала с началом политической делиберализации внутри самой Турции. С каждыми новыми выборами режим Партии справедливости и развития (ПСР) последовательно наращивал

© Шлыков Павел Вячеславович – к.и.н., доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. E-mail: shlykov@iaas.msu.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320165365>

свою электоральную базу и всё меньше нуждался в “факторе ЕС” для мобилизации сторонников и противостояния с политическими оппонентами. Если 2002 г. – когда ПСР приходила к власти – обещания демократических свобод были чрезвычайно важны как гарантия политического выживания консервативно-исламистской ПСР перед угрозами со стороны светской кемалистской элиты, то в 2007 г. ПСР уже обладала достаточной социальной базой, чтобы развернуть репрессии против своих идеологических противников. Очередной выборный цикл 2011 г. ознаменовал новую волну делиберализации – уголовное преследование политических активистов, нормативные ограничения на свободу слова и собраний, жестокое подавление протестных выступлений. Хронологически совпавшие с выборным марафоном 2015 г. массовые теракты, жертвами которых в основном стали гражданские активисты, и свертывание “мирного процесса” с Рабочей партией Курдистана (РПК) окончательно вернули Турцию во времена репрессивной политики начала 1980-х гг.

Ситуация внутри ЕС и по периметрам границ Турции тоже не способствовала взаимному сближению Анкары и Брюсселя: кризис еврозоны, разразившийся в 2008 г., приход к власти ультраправых политических партий в ряде стран ЕС, рост антитурецких настроений среди простых европейцев и евро-бюрократии, а главное – растущее миграционное давление, которое стали испытывать страны Южной Европы, оказавшиеся в непосредственной близости к Ближнему Востоку. События “арабской весны” ещё больше усилили обеспокоенность европейских политиков относительно Турции, развивающей особые отношения с исламистскими партиями и активно поддерживающей исламистскую оппозицию в гражданской войне в Сирии.

На этом фоне соглашение Турции с ЕС по беженцам, о котором было объявлено в ноябре 2015 г., должно было выглядеть важным исключением. Столкнувшись с миграционным кризисом и связанным с ним ростом внутриполитической напряженности, ЕС обратился к Турции с предложением о сотрудничестве в деле решения проблемы нелегальных мигрантов, значительная часть которых поступает в Европу через Турцию. Взамен за помощь Брюссель обещал размораживание переговорного процесса¹, финансовую поддержку и либерализацию визового режима для турецких граждан. Однако едва ли соглашение, заключенное между Брюсселем и Анкарой 18 марта 2016 г. “о возвращении и обмене беженцами”, сможет открыть Турции дорогу в Евросоюз. Ведь концептуально само соглашение подчеркивает отношение ЕС к Турции как “партнеру”, а отнюдь не “потенциальному члену” европейского сообщества. Понимание природы процесса отчуждения Турции и Запада, в целом, и ЕС, в частности, требуют концептуальной ревизии устоявшихся подходов к анализу парадигмы отношений Анкары и Брюсселя.

Евроинтеграция Турции в историческом контексте

Впервые Турция постучалась в двери объединённой Европы летом 1959 г. Тогда инициатива Анкары объяснялась нежеланием оказаться в роли догоняющего по отношению к Греции, незадолго до этого также подавшей заявку на вступление в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

Ревнивое соперничество с Грецией долго оставалось главным движущим мотивом стремления Турции в “объединённую Европу”. Первый этап евроинтеграции завершился для Турции подписанием Анкарского договора об ассоциации с ЕЭС в 1963 г.

---

¹ В декабре 2015 г. было снято вето Франции на открытие глав по экономике и монетарной политике в рамках соглашения ЕС–Турция по сирийским беженцам.

Заявку на вступление в ЕЭС в качестве полноправного члена Турция подала в 1987 г. при Тургуте Озале, пророчески сравнившего этот шаг с началом “длинного пути по узкой дороге”. Без малого тридцать лет спустя этот путь так и остался не пройденным и сейчас кажется даже длиннее, чем это представлялось в конце 1980-х гг.

Конечно, за прошедшие пятьдесят с лишним лет изменились цели евроинтеграции Турции – изначально Анкара стремилась добиться вхождения в Европейский таможенный союз (ЕТС), что и было реализовано в 1995 г. Менялись и сами общеевропейские структуры: к середине 1990-х гг. ЕЭС уже несколько лет как было преобразовано в Европейский Союз (ЕС), место Римского договора (1957) занял Маастрихтский (1992). Простое пребывание в ЕТС без полноправного членства в ЕС уже не могло удовлетворить Турцию. Однако Турция долгое время не могла запустить полноценный переговорный процесс о членстве. Лишь в июне 1998 г. Европейский Совет принял решение о подготовке доклада по Турции – стандартной процедуры для стран-кандидатов (на тот момент Турция официально ещё не обладала таким статусом). В это же время была принята “Европейская стратегия для Турции”, которая предусматривала внедрение правовых стандартов Евросоюза и распространение условий ЕТС на секторы услуг и сельского хозяйства [ЕС, 2004а]. В октябре 1998 г. Еврокомиссия представила свой первый ежегодный доклад по Турции. Но эти шаги не изменили общего характера политики ЕС. В то время как в отношениях Евросоюза с государствами Центральной Европы, помимо оказания им финансовой поддержки, твёрдое обещание членства имело приоритет над предъявлением требований, в случае с Турцией доминировала практика постановки условий при отсутствии гарантий будущего членства.

Потепление в отношениях с Грецией в конце 1990-х гг. и смена правительства в Германии, где в 1998 г. победу на выборах одержали более благожелательно настроенные к Турции социал-демократы во главе с Герхардом Шрёдером – всё это способствовало закреплению за Турцией официального статуса страны-кандидата на саммите Европейского Совета в Хельсинки в декабре 1999 г. Причём в постановлении саммита подчёркивалось, что “Турция является страной-кандидатом на присоединение к ЕС на основе тех же критериев, которые применяются в отношении других стран-кандидатов” [ЕС, 2004а]¹. Этот момент был принципиально важен для Анкары: документ обещал не рассматривать вопрос членства Турции в “особых порядках”, однако в реальности всё вышло по-другому.

Решения Хельсинкского саммита без преувеличения стали водоразделом новейшей истории Турции. Во-первых, обретение статуса страны-кандидата придало отношениям с Брюсселем более системный и динамичный характер, что выразилось не только в повышении интенсивности двухсторонних встреч, но и внимании Брюсселя к качеству турецкой демократии и вопросам соблюдения прав человека. Во-вторых, перспектива скорого, как тогда казалось, вхождения в ЕС способствовала резкому ускорению административно-политической и социально-экономической модернизации.

В ноябре 2000 г. Еврокомиссия подготовила для Турции “Документ о партнёрстве на время процесса вхождения”, принятый 8 марта 2001 г. Это была своего рода “дорожная карта” присоединения Турции к ЕС, представлявшая собой подробный перечень необходимых для Турции преобразований. В ответ уже 19 марта 2001 г. правительство Бюлента Эджевита обнародовало “Общую стратегию Национальной программы” [AB Bakanlığı, 2001], в рамках которой были подготовлены три пакета кон-

¹ Саммит постановил, что “Турция, переживающая процесс модернизации на основе принятой европейской стратегии... подобно другим странам-кандидатам, будет пользоваться преимуществами подготовительной стратегии”.

ституционных поправок – “Пакеты мер по гармонизации с ЕС” (первый был принят в октябре 2001 г., второй – в марте 2002 г., третий – в августе 2002 г.), а также проведена масштабная ревизия действующего Гражданского кодекса¹.

Осенью 2002 г. в Турции сменилась власть. По итогам парламентских выборов 3 ноября 2002 г. победу с внушительным результатом в 34,3% голосов одержала Партия справедливости и развития (ПСР) Р.Т. Эрдогана, получившая почти две трети мест в парламенте и впервые за десять лет сформировавшая однопартийное правительство. Первоначальные опасения европейских политиков по поводу геополитической переориентации Турции с приходом к власти “умеренных исламистов” на тот момент не оправдались. В своих выступлениях в качестве лидера правящей партии Эрдоган подчёркивал, что курс на вступление в ЕС является приоритетом для правительства [Hürriyet, 2002], и в последующем старался не отходить от этого принципа. Именно на первые годы правления ПСР пришёлся самый существенный прорыв в отношениях с ЕС.

Меньше чем за два месяца – с декабря 2002 г. по январь 2003 г. – ПСР провела через парламент четвёртый и пятый “Пакет мер по гармонизации с ЕС”. Стремительность, с которой новый парламент и правительство включились в работу по продвижению проекта евроинтеграции, объяснялась, во-первых, желанием как можно скорее добиться от ЕС назначения точной даты переговоров о присоединении, во-вторых, стремлением максимально закрепить свои позиции в противостоянии с оппозицией в лице кемалистской элиты. Однако усилия Анкары не были вознаграждены, и на саммите в Копенгагене 12–13 декабря 2002 г. лидеры ЕС, поощрив Турцию за “энергичную реализацию реформ” [ЕС, 2004а], вновь отложили решение вопроса об объявлении даты начала переговоров.

“Европейская мечта” Турции стала более реальной лишь в 2004 г., когда председатель Европейской комиссии Романо Проди, выступая на очередной сессии Европарламента, заявил о готовности Турции к переговорам о вступлении, отметив, что на данный момент страна в достаточной степени отвечает политическим критериям ЕС [ЕС, 2004б]². Депутаты Европарламента призвали руководство ЕС начать переговоры с Турцией о вступлении. Турции, в свою очередь, было рекомендовано продолжать политические реформы, укреплять законодательную власть за счёт ослабления политической роли Совета национальной безопасности и армии, признать Республику Кипр, улучшить отношения с Арменией и привести в соответствие с европейским законодательством правовое положение национальных и религиозных меньшинств, включая их право на информацию и получение образования на родном языке [Borko, 2005: 7]. В итоге на декабрьском саммите в Брюсселе (2004) Европейский Совет обозначил дату начала официальных переговоров с Турцией о вступлении – 3 октября 2005 г. и рекомендовал Еврокомиссии подготовить соответствующую “дорожную карту” – “Рамки для переговоров с Турцией” [Council of the EU, 2005]. Среди факторов, которые способствовали позитивному решению по Турции³, особое место занимает опубликованный в сентябре 2004 г. доклад независимой комиссии, возглавляемой бывшим президентом Финляндии Марти Ахтисаари. Именно её выводы способствовали на тот момент пересмотру отношения к Турции среди лидеров ЕС.

¹ В декабре 2001 г. ЕС принял первый рамочный документ, устанавливавший принципы выделения Турции финансовой помощи.

² “Европейская комиссия считает, что Турция в достаточной степени отвечает политическим критериям, и рекомендует начать переговоры о приеме её в Европейский Союз”.

³ В Европарламенте решение по Турции поддержали 407 депутатов, против высказалось 262.

В Турции решение открыть переговоры с ЕС встретили с большим воодушевлением. Но уже в ходе саммита развернулись жаркие дебаты между лидерами ЕС и турецкой делегацией по поводу условий начала переговоров. Резкую негативную реакцию Турции вызвали предварительные условия. Так, Анкара была вынуждена подписать протокол, адаптирующий Анкарский базовый договор об ассоциации с ЕЭС, заключённый ещё в 1963 г., с учётом вступления в ЕС десяти стран, включая Республику Кипр. Переговорщики ЕС трактовали это как первый шаг к формальному признанию Турцией Республики Кипр, но турецкая делегация во главе с премьером Эрдоганом с этим не соглашалась и, по оценке европейских политиков, вела себя агрессивно “словно торговец коврами” [Borko, 2005: 5].

Приняв принципиальное решение о начале переговоров с Турцией, лидеры стран ЕС тем не менее очень осторожно оценивали их перспективы. В середине 2000-х гг. лишь около 53% населения ЕС поддерживали дальнейшее расширение Союза, причём против выступали прежде всего жители старых стран-членов (51–62% респондентов в Австрии, Германии, Люксембурге, Франции и Финляндии), за – граждане новых стран (63–78% в Венгрии, Латвии, Литве, Польше, Словакии, Словении, Чехии, Эстонии), сдержанное отношение к этому процессу демонстрировали в Бельгии, Великобритании, Ирландии, Нидерландах, Португалии (50–54% за) [Borko, 2005: 6].

“Привилегированное партнёрство”?

Единство мнений в отношении Турции, продемонстрированное на Брюссельском саммите 2004 г., оказалось вынужденным и преходящим. По следам саммита лидеры Германии, Франции, Австрии и др. выступили с заявлениями, где дали свою интерпретацию достигнутых договоренностей. Выразилось это прежде всего в широком толковании “переговорных рамок”, установленных для Турции как страны-кандидата. Хотя в документе было зафиксировано, что “целью переговоров является присоединение”, в последующих выступлениях ряда европейских лидеров делался акцент на то, что “переговоры представляют собой неограниченный во времени процесс, исход которого не может быть заранее гарантирован” [ЕС, 2005]. Такая интерпретация означала, что итогом переговоров Анкары и Брюсселя может стать не только членство в ЕС, но и другие альтернативы. Так зазвучала тема “привилегированного партнёрства”, или “особых отношений”. Наиболее жёсткими сторонниками идеи “привилегированного партнёрства” показали себя канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози. Однако ни один из сторонников этой формулы так и не смог раскрыть содержание “привилегированного партнёрства”¹. Турецкие официальные лица не скрывали своей досады: “Само выражение “привилегированное партнёрство” является оскорбительным. Потому что его не существует” [EurActiv.com, 2009].

В восприятии Анкары поведение европейских лидеров оказалось в явном противоречии со всеми предшествующими решениями и обязательствами ЕС. К тому же ряд стран ЕС стал активно препятствовать переговорному процессу. С момента официального открытия переговоров в 2005 г. стороны смогли “закрыть” лишь раздел по науке и исследованиям, а “открыли” 15 из 35 разделов, которые должна выполнить Анкара, чтобы удовлетворять необходимым критериям для членства в ЕС. Заблокированные разделы переговоров включают три наиболее важные области совместных действий Турции и ЕС – внешние отношения, энергетику, политику в области безопасности и обороны. Таким образом, деятельность европейских политиков во многом выхолости-

¹ Как член НАТО, Турция уже интегрирована почти во все общеевропейские институты – от Европейского суда по правам человека и ОБСЕ до Европейской футбольной лиги.

ла решения Хельсинкского саммита 1999 г., провозгласившего применение к Турции “тех же критерииев, что и к другим странам-кандидатам”. Для Анкары столь противоречивое поведение ЕС оказалось дезориентирующим. Особый психологический эффект имело осознание того факта, что европейцы предпочли государства бывшего Советского блока своему давнему союзнику по НАТО и не оценили всё более заметные достижения Турции в сфере экономики, развития политической системы и социального прогресса.

Внутри ЕС сформировались группы стран-сторонников и стран-противников членства Турции в Евросоюзе, и ещё одна группа неопределившихся. К сторонникам принадлежат Великобритания (где и лейбористы, и консерваторы выступают за приём Турции, полагая, что это государство станет мостом между ЕС и мусульманскими странами), средиземноморские государства – Италия, Португалия, Испания, а также Греция, нормализовавшая свои отношения с Турцией; за членство Турции выступают и новые страны ЕС. К противникам относятся Австрия (пожалуй, единственное государство в ЕС, решительно выступающее против принятия Турции, главным образом по историческим причинам), Франция и Германия (для которых вступление Турции означает изменение их позиций в Совете ЕС). Третью группу представляют страны, правительства которых разделены или не определились по этому вопросу, как например Дания [Shlykov, 2010].

В ЕС многие в той или иной степени поддерживали стремление Турции к полноправному членству по ряду объективных причин. Во-первых, на протяжении нескольких десятилетий Турция являлась ассоциированным членом ЕС и партнёром в рамках таких европейских и трансатлантических структур, как ЕТС, Совет Европы, НАТО и др. Во-вторых, она расположена на жизненно важных геостратегических перекрестках. В-третьих, ЕС широко сотрудничает с Турцией в вопросах торговли и миграции. В-четвёртых, в нынешних условиях резко возрастает значение Турции и её роль в решении энергетических проблем ЕС, поскольку она является ключевой страной-транзитёром.

Что сдерживает евроинтеграцию Турции?

Стагнация переговорного процесса с ЕС в 2005 г. и всё менее ясные перспективы членства в ЕС способствовали пересмотру повестки дальнейшей евроинтеграции и европеизации. Как следствие, вместо строгого следования предписаниям Брюсселя и условной дорожной карты демократических преобразований для стран-кандидатов правительство ПСР пошло по пути сегментации реформ по степени приоритетности для национальных интересов. В результате преобразования продолжились в сфере расширения прав меньшинств, борьбы с коррупцией, регулирования военно-гражданских отношений [Noutcheva, 2012: 59–78]. Так, в 2008 г. вступил в силу новый закон о вакфах (фондах), где особое внимание уделялось вакфам этно-конфессиональных меньшинств, выделенных в особую категорию [Shlykov, 2011: 196–200], а в 2009 г. своё вещание начал первый телеканал на курдском языке – TRT 6, ставший частью проекта по либерализации норм защиты интересов национальных меньшинств. В 2010 г. были приняты антикоррупционные законы, повышающие прозрачность деятельности государственных учреждений. А конституционная реформа 2010 г., одобренная на референдуме 12 сентября 2010 г., переформатировала судебные правила, действующие в отношении военных, фактически передав их дела в юрисдикцию гражданских судов, и внесла ещё ряд поправок в действующий механизм военно-гражданских отношений. В результате процесс либерализации пусть и в ограниченном

формате продолжился, несмотря на сужение коридора возможностей для ЕС в модерации этих процессов в Турции.

Ослабление роли ЕС как драйвера перемен в общественно-политическом развитии Турции привело к тому, что в сложном балансе внешних и внутренних факторов общественной трансформации перевес всё больше стал смещаться в сторону эндогенных процессов, а динамика преобразований стала не только сегментированной, но и разнонаправленной: в ряде сфер реформы ускорились (это касалось мер по совершенствованию законодательства по защите прав меньшинств или регулированию положения беженцев и т. д.), в других – наоборот, наметился регресс [Aydin, 2013: 376–389]. Особенно рельефно это проявилось в сфере свободы слова и печати, а также защиты прав человека, что последние годы вызывает настороженность европейских чиновников, публикующих ежегодные отчёты о ходе и результатах реформ в Турции [ЕС, 2014: 5–19, 2013: 5–18, 2012: 7–34, 2011: 5–19].

С конца 2000-х гг. уровень влияния ЕС на внутриполитические процессы в Турции демонстрирует нисходящую траекторию. На первое место в условной иерархии негативных факторов этого процесса можно поставить позицию Брюсселя по отношению к Турции, которую можно охарактеризовать как политическое отчуждение, “усталость” ЕС от пятого самого масштабного в истории расширения 2004–2007 гг., а также спад в мировой экономике, начавшийся с кризиса в финансовом секторе США в 2007–2008 годах.

Здесь и вошедший в арсенал европейских политиков тезис о допустимых “пределах расширения” ЕС, ссылка на который фигурирует даже в принятых Еврокомиссией в 2005 г. “переговорных рамках” для Турции [ЕС, 2005: Paragraph 3]. Постоянный акцент на “не ограниченный по времени” переговорный процесс для стран-кандидатов и перспектива “перманентных законодательных derogаций” и коррекции достигнутых договорённостей [ЕС, 2005: Paragraph 12] сделали крайне неясной перспективу вступления Турции в ЕС. Всё это закономерно привело к снижению непосредственного влияния Брюсселя на внутриполитическую повестку дня в Турции, утрате доверия к ЕС и его “политике обусловленности”, а также скорректировало динамику административно-политических реформ в Турции.

Второй по значимости негативный фактор – “Кипрский вопрос”, ставший одним из главных формальных препятствий на пути евроинтеграции Турции (даже несмотря на то, что его решение не фигурировало в перечне критериев для вступления Турции в ЕС). Подписанный в 2005 г. “Дополнительный протокол” к Анкарскому соглашению между Турцией и ЕЭС 1963 г., который предусматривал открытие морских портов и воздушного пространства для Греческого Кипра, на тот момент уже вошедшего в ЕС, так и не был ратифицирован турецким парламентом. Турция отказалась открывать свои морские порты для кораблей Республики Кипр, поскольку Брюссель не выполнил свои обещания по отношению к туркам-киприотам, поддержавшим “План Аннана” на референдуме 2004 г. [Economist, 2014]. В результате в декабре 2006 г. Еврокомиссия заморозила открытие восьми глав для переговоров с Анкарой, поставив условие, что ни одна из 35 “глав” не может быть предварительно закрыта до тех пор, пока “Дополнительный протокол” не будет ратифицирован и вступит в силу. И на сегодняшний день лишь одна из этих “глав”, касающаяся “Науки и исследований”, условно закрыта.

Однако было бы неправильным списывать снижение влияния ЕС как драйвера общественно-политической трансформации Турции исключительно на внешние обстоятельства. Одним из наиболее весомых внутренних факторов этого процесса можно считать вектор трансформации режима Эрдогана. Первые однопартийные правительства, ПСР (2002–2007), использовали европеизацию как нормативный политический

контекст для программы внутриполитических реформ и основу ревизии внешнеполитических стратегий [Kaliber, 2013: 62]. Последующие выборы 2007 и 2011 гг. показали рост электоральной поддержки ПСР, основанной на успехах экономического развития страны и укрепления её влияния как региональной державы. Электоральный успех способствовал росту уверенности в собственных силах и наращиванию авторитарных тенденций [Shlykov, 2012: 3–28]. Сама природа однопартийного правительства содействовала этому.

В 2000-е гг. Турция смогла добиться достаточно высоких показателей ежегодного экономического роста, что резко контрастировало с серьёзной экономической рецессией во многих странах ЕС после 2008 г. Как следствие правительство ПСР почувствовало в себе силы уйти от жёсткой привязки реформ к требованиям ЕС. В общественном сознании политическая элита последовательно старалась укрепить мысль о самоценности реформ: о том, что цель проводимых преобразований – отнюдь не вступление Турции в ЕС, а повышение уровня жизни граждан безотносительно перспектив вступления в объединённую Европу. Кроме того, во второй половине 2000-х гг. Турция стала наращивать своё влияние в регионе Ближнего и Среднего Востока. Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежнее обаяние и привлекательность ЕС ощутимо ослабли как в общественном мнении, так и среди политической элиты. И хотя правительство ПСР и лидеры правящей партии постоянно публично подчёркивали неизменность курса на вступление в ЕС, от прежнего энтузиазма мало что осталось. Как следствие общая динамика либерализации замедлилась [Avci, 2011: 419], а реформы продолжились лишь в сферах, где это отвечало интересам правящей элиты.

Отдельно в длинном перечне факторов деградации ЕС как драйвера преобразований можно выделить нисходящий уровень поддержки самой идеи вступления в ЕС среди значительной части населения Турции. На контрасте с началом 2000-х гг., когда в Турции отмечалось наличие широкого общественного консенсуса по вопросу как вступления Турции в ЕС, так и необходимости масштабных административно-политических реформ [Kubicek, 2011: 923–925], к концу 2000-х гг. стихийно возникшая проевропейская коалиция дала трещины на фоне роста евроскептицизма [Shlykov, 2013: 74] – поддержка вхождения Турции в ЕС среди населения упала с более чем 75% в 2004 г. до 28% к концу 2014 г. – самый низкий показатель¹ за всю историю наблюдений [Eurobarometer, 2014]. Однако, несмотря на скепсис в отношении Брюсселя и его политики, Европа как цивилизационно-культурная сущность и модель развития не просто сохранила своё значение, но гораздо интенсивнее стала использоваться в качестве референтной точки в оценках реформ, политического режима или стандартов повседневной и общественной жизни [Kaliber, 2013: 66].

Экономические факторы сохранения привлекательности ЕС для Турции

Несмотря на ощущимый кризис доверия в отношениях Анкары и Брюсселя, у ЕС остаются достаточно мощные рычаги воздействия на Турцию (прежде всего экономические). Умелое и ответственное использование этих рычагов позволило бы вновь сделать процесс евроинтеграции доминантой внешней и внутренней политики Турции. Для этого существуют по крайней мере два ключевых фактора. Во-первых, торгово-экономические отношения ЕС и Турции, точнее серьёзная зависимость турецкой экономики от ЕС. Во-вторых, переговоры США и ЕС о создании трансатлантической зо-

¹ Опрос августа 2015 г. показал чуть более высокие показатели поддержки европейского проекта гражданами Турции – 33% [Daily Sabah, 2015].

ны свободной торговли – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (TTIP).

Турция подписала договор об ассоциации с ЕЭС ещё в 1963 г. Однако за этим событием не последовало ожидаемого многими тесного торгово-экономического сотрудничества между европейскими странами и Турцией. Процессы эти стали просматриваться лишь со второй половины 1990-х гг., когда Турция вступила в ЕТС (1995). Формально турецкие товары имели пропуск на европейские рынки задолго до вступления страны в ЕТС. Вслед за подписанием в ноябре 1970 г. общего дополнения к “Анкарскому соглашению”, Европа стала постепенно расширять коридор для торгово-экономического сотрудничества с Турцией, постепенно снижая таможенные тарифы в 1970-е и 1980-е гг. Ко времени активных переговоров о вступлении в ЕТС, пришедшихся на начало 1990-х гг., оставалось лишь ограниченное число товаров, исключённых из льготного тарифного регулирования. И это далеко не случайно: с первых лет своего существования ЕЭС выступало в роли ключевого торгово-экономического партнёра Турции [Ülgen, 2004: 2]. Вступление Турции в ЕТС сыграло существенную роль в углублении торгово-экономического сотрудничества и увеличении двустороннего товарооборота, наблюдавшегося в последние два десятилетия.

Однако нельзя забывать, что эти процессы сопровождались очевидным разрушением устоявшихся торговых связей и переориентацией внутренней торговли: Турция не могла воспользоваться новыми возможностями по замещению дешёвого импорта из других стран дополнительным объёмом торговли с ЕС, поскольку таможенные барьеры с неевропейскими странами оставались по-прежнему на высоком уровне [Ülgen, 2004: 3-4]. При этом членство в ЕТС способствовало расширению экономических связей Турции с ЕС, а также усилило привязку турецкой экономики к ЕС как главному торговому партнёру.

На сегодняшний день в экономических отношениях Анкары и Брюсселя чётко просматривается серьёзная экономическая зависимость Турции от ЕС. Статистика двусторонней торговли и инвестиций весьма красноречива в этом отношении. ЕС – главный торгово-экономический партнёр Турции: более 32% всей внешней торговли приходится на страны ЕС, у России, занимающей второе место по объёмам торговли с Турцией, – менее четверти от товарооборота с ЕС [ЕС, 2015а]. Для Турции торгово-экономические отношения с ЕС по значению гораздо больше, чем сумма объёма двусторонней торговли с Россией, Китаем и США.

В экспортных и импортных операциях Турции ЕС занимает первое место. На страны Евросоюза приходится более 30% турецкого экспорта, что в шесть с лишним раз больше, чем у второго по объёмам экспорта партнёра – Ирака. С другой стороны, и для ЕС Турция – один из важнейших торгово-экономических партнёров. Однако значение Турции для ЕС отнюдь не эквивалентно значению экономики ЕС для Турции. Для ЕС Турция – пятый по объёмам товарооборота партнёр, лишь 4,5% европейского экспорта идёт в Турцию. По импорту показатели ещё меньше: в ряду ведущих импортёров Турция занимает седьмое место (2,7% общего объёма импорта). В целом по объёму экспортно-импортных операций у Турции шестое место (лишь 3,5% общего объёма) [ЕС, 2015б].

Таким образом, если для Турции ЕС – главный партнёр по объёму как экспорта, так и импорта, для ЕС Турция по этим показателям лишь на седьмом и пятом месте по значению. С другой стороны, доля ЕС во внешнеторговом обороте примерно в девять раз больше, чем доля Турции во внешнеторговом обороте стран ЕС. Более того, объём торгово-экономических операций между ЕС и Турцией имеет долговременную тенденцию поступательного развития (исключением стали лишь 2008 и 2009 гг., что можно отнести к последствиям долгового кризиса еврозоны).

Причём ЕС не только первоочередной торгово-экономический партнёр, но и отдельные страны Евросоюза также находятся в лидерах по экономическому сотрудничеству с Турцией. Достаточно сказать, что в десятке главных торгово-экономических партнёров Турции пять стран – члены ЕС (Германия, Великобритания, Италия, Франция и Испания) [TÜİK, 2015]. Германия – абсолютный лидер по объёму торговли (Россия стабильно удерживает по этому показателю второе место, потеснив Германию лишь однажды – в 2008 г.).

Прямые иностранные инвестиции – ещё одна сфера, где позиции стран ЕС в Турции крайне сильны. По данным национальной статистической службы, страны ЕС – в лидерах по объёму прямых иностранных инвестиций в Турцию. Так, в 2013 г. более 70% прямых иностранных инвестиций в Турцию пришло из стран ЕС. Правда, по этому показателю ЕС начала сдавать позиции по сравнению с предшествующими годами (пиковые значения приходятся на 2009 г., когда доля прямых инвестиций со стороны ЕС превышала 78%) [BYDTA, 2015]. Кроме США, занимающих первое место по объёму прямых инвестиций в турецкую экономику, большинство других стран из верхних строчек этого рейтинга – члены ЕС (это Австрия, Германия, Франция, Нидерланды, Великобритания) [Ekonomi Bakanlığı, 2015b].

Примечательно, что страны ЕС также занимают первое место по количеству зарегистрированных иностранных компаний в Турции. Причём ранее, в 2000-е гг., европейцы владели ещё большим количеством компаний (около 50%): их доля снижалась последние пять-шесть лет вследствие мирового финансового кризиса и стремления Турции развивать торгово-экономические отношения со странами незападного мира. Тем не менее на сегодняшний день более 36% компаний с иностранным капиталом принадлежат бизнесменам из стран ЕС [Ekonomi Bakanlığı, 2015a].

Все эти цифры показывают не столько взаимосвязь экономик Турции и стран ЕС, сколько высокую степень зависимости турецкой экономики от европейской. ЕС – главный экономический партнёр Турции, потерять которого в обозримой перспективе Анкара вряд ли себе может позволить. Соглашения о ТТИП лишь обостряют эту ситуацию: Турция как член ЕС автоматически становится частью ТТИП, но не стороной переговоров.

* * *

Во взаимоотношениях Турции с ЕС можно выделить ряд факторов, определяющих их нынешний характер и динамику. Каждый из них формирует свой “проблемный ярус”. Во-первых, это затянувшиеся переговоры о вступлении страны в ЕС. Во-вторых, растущая зависимость турецкой экономики от экономик стран Евросоюза. Несмотря на заявления о экономической взаимозависимости Турции и ведущих стран ЕС, экономика Турции существенно более зависима от европейской, чем наоборот. В-третьих, последствия от соглашения о зоне свободной торговли между ЕС и США – т. н. Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве (ТТИП). Наконец, разразившийся в 2015 г. европейский “миграционный кризис”, который Турция как главная страна-транзитер беженцев из охваченных гражданской войной стран Ближнего и Среднего Востока стала использовать в качестве нового рычага политического давления на Брюссель.

Достаточно успешная в отношении новых членов в 1990-е гг. стратегия “политики предварительных условий” в случае с Турцией дала очевидные сбои. В отсутствии ясной перспективы обретения полноправного членства длинный список условий, которые перед Анкарой поставили европейские лидеры, стал вызывать растущее разочарование как в европейской “политике кондициональности”, так и в самом ЕС. Последние

годы эта политика сильно дискредитировала себя в глазах большинства граждан Турции. Критическое падение уровня доверия к Брюсселю и разочарование в предлагаемой роли “вечного привратника у дверей ЕС”, на первый взгляд, способствуют укреплению позиции Турции во взаимоотношениях с ЕС. Однако характер экономических отношений и зависимости турецкой экономики от европейской позволяет говорить о существенном расхождении риторики политических лидеров и реального положения дел.

Если исходить из официальных заявлений, Анкара продолжает формально следовать курсом на интеграцию с ЕС. ПСР не отказалась от “европейского проекта”. Однако цель вступления в ЕС давно уже обрела для ПСР pragmatический и “инструментальный” характер, оттеснив на задний план “эмоциональную” и идеологическую составляющую. Долгое время она помогала правящему режиму частично преодолевать обвинения в профанации кемалистского проекта вестернизации и подрыве светского характера государства. Более того, в рамках административно-политических реформ, призванных приблизить вступление страны в ЕС, ПСР смогла расширить поле деятельности для своих сторонников и существенно ослабить оппонентов в лице кемалистской элиты и армии.

Неуступчивость Брюсселя и обострение внутриполитической обстановки заставили лидеров ПСР изменить риторику, сделать упор на тезис о “самоценности” реформ, изначально запущенных для соответствия Копенгагенским критериям, и необходимости их продолжения вне зависимости от последующего вступления Турции в ЕС (“переименуем Копенгагенские критерии в Анкарские… а Маастрихтские – в Стамбульские”) [Шлыков, 2013]. Отчасти это раскрывает отношение ПСР к содержанию модернизации и вестернизации, которая разделяется на “институционально-технологическую” и “культурно-идеологическую” составляющие. Поэтому и тезис о “Новой Турции”, который в своё время широко использовали кемалисты в 1920-е и 1930-е гг. (знаменитое “Путь новой Турции” Ататюрка), сегодня приобрёл практически противоположное значение. Он фиксирует отказ от ряда “принципов кемализма” и всё рельефнее проявляющийся процесс “девестернизации” турецкого общества.

Другое важное следствие кризиса европейского проекта в Турции – увеличение порога восприимчивости к европейской дипломатии (угрозы со стороны Брюсселя вызывают больше раздражения, чем досады) и поиски альтернативных механизмов наращивания geopolитического влияния. Одним из таких механизмов в 2015 г. стал “миграционный кризис” в Европе, вызванный неготовностью ЕС абсорбировать поток беженцев и нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии. Турция, объявившая в 2011 г. – на начальном этапе гражданской войны в Сирии – политику “открытых дверей” для всех вынужденных переселенцев, оказалась главной страной-транзитёром нелегальных мигрантов (из 1 млн мигрантов, прибывших в Европу в 2015 г., более 80% переправлялись по Эгейскому морю с территории Турции) [UNHCR, 2016]. Апеллируя к тому, что Турция больше других страдает от наплыва беженцев (более 2,5 млн), правительство А. Давутоглу смогло убедить Брюссель в необходимость “разделения бремени” “миграционного кризиса” [Time, 2015]. Взамен обязательств по ужесточению контроля над пограничными зонами и пресечению нелегального бизнеса по переправке мигрантов Турция потребовала от лидеров Евросоюза выделение специальных субсидий (первоначально 3 млрд евро), а также перезапуска переговорного процесса о вступлении в ЕС и введения безвизового режима для граждан Турции [WSJ, 2015]. Договорённости между Анкарой и Брюсселем, которые некоторые окрестили “сделкой Эрдогана и Меркель” – это не столько попытка переложить часть ответственности за миграционный кризис и поток беженцев на Турцию, сколько новые возможности Анкары как с точки зрения контроля над

внешними границами ЕС, так и демонстрации своего влияния в европейской политике. По сути, договорённости с ЕС сразу стали дополнительным рычагом давления на Запад, и требования увеличить размеры траншей на миграционные программы с 3 до 5 млрд, а в перспективе и 20 млрд евро [Yeni Şafak, 2016] – яркое тому подтверждение.

Список литературы

- Борко Ю.А. (ред.) (2005), *Европейский Союз: факты и комментарии*. Вып. 39, декабрь 2004 – февраль 2005. М.: Институт Европы РАН.
- Шлыков П.В. (2011), *Вакфы в Турции: трансформация традиционного института*, Марджани, М.
- Шлыков П.В. (2012), “Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития”, *Вестник Московского университета. Серия 13 “Востоковедение”*, №3. С. 3–28.
- Шлыков В.И. (2010), “Турция на пути в Евросоюз: надежды и разочарования Анкары”, *Перспективы. Фонд исторической перспективы, режим доступа:* http://www.perspektivny.info/book/turcija_na_puti_v_jevrosojuz_nadezhdy_i_razocharovanija_ankary_2010-06-21.htm (дата обращения: 30 окт. 2015).
- Шлыков, П.В. (2013), “Куда идет Турция? Метаморфозы прозападного курса развития”, *Современная Европа*, № 1, с. 58–75.

References

- Avcı, G. (2011), “The Justice and Development Party and the EU: Political Pragmatism in a Changing Environment”, *South European Society and Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 409–421.
- AB Bakanlığı (2001), “2001 Yılı Ulusal Program”, available at: <http://www.abgs.gov.tr/index.php?p=58&l=1> (Accessed 30 October 2015).
- Aydın, U., Kırıçlı, K. (2013), “With or without the EU: Europeanisation of Asylum and Competition Policies in Turkey”, *South European Society and Politics*, vol. 18, no. 3, pp. 375–395.
- BYDTA (2015), “Türkiye’de Doğrudan Yabancı Yatırım”, available at: <http://www.invest.gov.tr/TR/investmentguide/investorsguide/Pages/FDIinTurkey.aspx> (Accessed 30 October 2015)
- Borko Ju.A. (red.) (2005), *Evropejskij Sojuz: fakty i kommentarii*. Vyp. 39, dekabr' 2004 – fevral' 2005. M.: Institut Evropy RAN.
- Council of the EU (2005), “Brussels European Council 16/17 December 2004. Presidency Conclusions”, available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/83201.pdf (Accessed 30 October 2015)
- Daily Sabah (2015), “Turkish People Indecisive over EU Membership, Survey Reveals”, *Daily Sabah*, 3 Aug.
- Economist (2014), “Intractable – or Insoluble? Hopes of Settling the Cyprus Problem are Starting to Look Unrealistic”, *The Economist*, 29 Nov., pp. 48–49.
- Ekonomi Bakanlığı (2015a), “Türkiye’de Faaliyette Bulunan Yabancı Sermayeli Firmalar Listesi”, available at: <http://www.ekonomi.gov.tr/portal> (Accessed 30 October 2015).
- Ekonomi Bakanlığı (2015b), “Uluslararası Doğrudan Yatırım İstatistikleri”, available at: <http://www.ekonomi.gov.tr/portal/> (Accessed 30 October 2015).
- EurActiv (2009), “Turkey’s Chief Negotiator: ‘Privileged Partnership’ is an Insult”, *EurActiv.com*, 08 Oct.
- EC (2004a), “2004 Regular Report on Turkey’s Progress towards Accession”, available at: <http://ec.europa.eu/enlargement/> (Accessed 30 October 2015).
- EC (2004b), “Address Given by Romano Prodi”, *European Commission. Press Releases Database*, available at: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-04-440_en.htm (Accessed 30 October 2015).
- EC (2005), “Turkey Negotiating Framework – October 2005”, available at: <http://ec.europa.eu/enlargement/> (Accessed 30 October 2015).
- EC (2011), “2011 Progress report for Turkey”, available at: <http://ec.europa.eu/enlargement/> (Accessed 30 October 2015).
- EC (2012), “2012 Progress report for Turkey”, available at: <http://ec.europa.eu/enlargement/> (Accessed 30 October 2015).
- EC (2013), “2013 Progress report for Turkey”, available at: <http://ec.europa.eu/enlargement/> (Accessed 30 October 2015).
- EC (2014), “2014 Progress report for Turkey”, available at: <http://ec.europa.eu/enlargement/> (Accessed 30 October 2015).

- EC (2015a), “European Union, Trade in goods with Turkey”, available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113456.pdf (Accessed 30 October 2015).
- EC (2015b), “Client and Supplier Countries of the EU28 in Merchandise Trade”, available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122530.pdf (Accessed 30 October 2015).
- Eurobarometer (2014), “Standard Eurobarometer 82. Autumn 2014”, available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb82/eb82_first_en.pdf (Accessed 30 October 2015).
- Hürriyet (2002), “Erdoğan ‘Acil Eylem Planı’nı Açıkladı”, *Hürriyet*, 16 Kasım.
- Kaliber, A. (2013), “Contextual and Contested: Reassessing Europeanization in the Case of Turkey”, *International Relations*, vol. 27, no. 1, pp. 52–73.
- Kubicek, P. (2011), “Political Conditionality and European Union’s Cultivation of Democracy in Turkey”, *Democratization*, vol. 18, no. 4, pp. 910–931.
- Noutcheva, G., Aydin-Düzgit, S. (2012), “Lost in Europeanisation: The Western Balkans and Turkey”, *West European Politics*, vol. 35, no. 1, pp. 59–78.
- Shlykov, P.V. (2013), “Where is Turkey Heading for? (Metamorphoses of pro-Western Course of Development)”, *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 58–75.
- Shlykov P.V. (2012), “Turcija posle vyborov 2011 g.: paradoksy politicheskogo razvitiya”, Vest-nik Moskovskogo universiteta. Serija 13 “Vostokovedenie”, №3. S. 3–28.
- Shlykov, P.V. (2011), *Vakfi v Turtsi: Transformatsiya Traditsionnogo Instituta [Waqfs in Turkey: Transformation of the Traditional Institution]*, Mardjani, Moscow, Russia.
- Shlykov V.I. (2010), “Turcija na puti v Evrosojuz: nadezhdy i razocharovanija Ankary”, Perspek-tivy. Fond istoricheskoy perspektivy, rezhim dostupa: http://www.perspektivy.info/book/turcija_na_puti_v_jevrosojuz_nadezhdy_i Razocharovanija_ankary_2010-06-21.htm (data obrashhenija: 30 okt. 2015).
- Time (2015), “Why the E.U. Is Offering Turkey Billions to Deal With Refugees”, *Time*, 19 Oct.
- TÜİK (2015), “Ülkelere Göre Yıllık İhracat”, available at: http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=1545 (Accessed 30 October 2015).
- Ülgen, S., Zahariadis, Y. (2004), “The Future of Turkish-EU Trade Relations Deepening vs Widening”, *EU-Turkey Working Papers*, no. 5, available at: http://aei.pitt.edu/6761/1/1147_05.pdf (Accessed 30 October 2015).
- UNHCR (2016), “Refugees/Migrants Emergency Response – Mediterranean”, *The UN Refugee Agency*, available at: (Accessed 15 January 2016)
- WSJ (2015), “European Union Reaches Deal With Turkey on Migration”, *The Wall Street Journal*, 29 Nov.
- Yeni Şafak (2016), “Davutoğlu: Turkey Will Keep Its Doors Open to Everyone Fleeing Oppression”, *Yeni Şafak*, 4 Feb.

Turkey and the EU: the Ankara’s Policy on the eve of the immigration crisis

Author. Shlykov, P.V. Associate Professor of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. **Address:** 11-1, Mohovaya str., Moscow, 125009. **E-mail:** shlykov@iaas.msu.ru

Abstract. The paper focuses on the historical dynamics of Turkey-EEC/EU relations, explores factors of stagnation of negotiations process between Ankara and Brussels, and the dynamics of Turkish modernization – democratization – Europeanization. The stagnation of negotiations on Turkey’s membership in the EU has led to the revision of Europeanization and European integration agenda in Turkey. Since the EU’s role as a modernization driver has become weaker the endogenous processes in Turkey’s socio-political transformation has gained momentum. Modernization reforms have stalled. However the relations with Europe remain crucially important for Turkey despite complications in political dialogue, lower public support for “European project”, rising anti-Western rhetoric and search for alternative mechanisms for enhancing national sovereignty.

Key words: Turkey, EU, democratization, modernization, Europeanization, politics of conditionality.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320165365>

УДК 329.1/6

Александр ВЕРШИНИН

ФРАНЦУЗСКИЕ УЛЬТРАЛЕВЫЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматривается современное положение политических движений и партий ультралевой ориентации во Франции. В центре внимания находится проблема их исторического генезиса, вопрос о причинах сохраняющегося влияния ультралевых в обществе, их место в рамках политической системы Пятой республики и перспективы их дальнейшей эволюции в условиях специфической французской политической культуры.

Ключевые слова: французские ультралевые, троцкизм, анархизм, французская социалистическая партия, Пятая республика.

Пожалуй, самую точную характеристику французской политической жизни ещё в 1885 г. дал Ф. Энгельс. “Франция, писал он, – та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца” [Маркс, Энгельс, 1961: 258–259]. С поправкой на терминологический аппарат эту формулу вполне можно применить к современности.

Общеевропейский феномен

Крах “реального социализма” на рубеже 1980–1990х гг., казалось, навсегда покончил с революционными иллюзиями в Старом Свете. Некогда мощные коммунистические партии повсеместно либо исчезли, либо превратились в незначительные организации. Социал-демократия ещё сильнее взяла вправо и в 1998 г. устами Г. Шрёдера и Э. Блэра заявила о выборе “третьего пути”, фактически примкнув к неолиберальной доктрине. “Левый поворот” европейских государств, о котором много говорили в конце 1990-х гг., оказался вариантом осуществления правой политики левыми руками.

Однако на фоне ухода революционного нонконформистского духа из политической жизни стран Западной Европы во Франции вот уже более 20 лет идут совсем иные процессы. Мощная в прошлом Французская коммунистическая партия (ФКП) в 1990-е гг. практически исчезла с политического поля, однако развал коммунистического движения не привёл во Франции к кризису революционной идеи. В отличие от большинства европейских государств, она здесь не только сохранилась, но и консолидировалась в новых институциональных рамках. Эстафету у ФКП приняли её многолетние оппоненты – ультралевые объединения, которые, несмотря на свою

© Вершинин Александр Александрович – к.и.н., научный сотрудник Центра изучения кризисного общества при отделении общественных наук РАН. Адрес: Москва, 107078, ул. Каланчевская, д. 15. E-mail: averchinine@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320166678>

достаточно долгую историю, стали новым феноменом в политической жизни Франции.

Первая особенность французских ультраправых в сравнении с аналогичными движениями в других странах Европы – высокий уровень их электоральной поддержки. Он настолько значителен, что является реальным фактором внутриполитической жизни страны. Так, в 2002 г. Л. Жоспен, кандидат в президенты от Социалистической партии Франции (СПФ) в первом туре выборов проиграл лидеру Национального фронта Ж.-М. Ле Пену во многом именно потому, что около 11% потенциальных голосов за него “оттянули” на себя ультраправые. Этот уровень их электоральной базы, 10–12%, остаётся неизменным до сих пор.

Популярность французских ультраправых во многом имеет свои корни в развитой антилиберальной культуре. Опрос общественного мнения, проведённый в 2010 г., показал, что двадцатилетие без коммунизма никак не повлияло на общее негативно-сдержанное отношение французов к рыночной экономике. Лишь 31% из них согласился с тем, что рынок – это лучшая система организации общественной жизни. Это минимальный показатель на фоне других развитых стран Европы. Для сравнения: в поддержку рынка высказались 68% немцев, 61% итальянцев, 55% британцев и 52% испанцев [Lewis, Hildreth, 2012].

Но французский нонконформизм – это не только настроения широких масс. Это и крепко укоренившаяся система взглядов интеллектуальной элиты. С начала 1990-х гг. её представители опубликовали ряд работ антиглобалистской направленности, которые имели шумный успех. Среди них – “Экономический ужас” В. Форрестер и “Нищета мира” П. Бурдье. Трибуны антиглобализма являются периодические издания общенационального масштаба. Крупнейшее из них – “Ле Монд дипломатик”, выходящее ежемесячным тиражом 240 000 экземпляров.

Не менее важен ещё один факт: французская левая общественно-политическая мысль не смирилась с всемирным триумфом либерализма и рынка (как поступили те же британские лейбористы, сделавшие выбор в пользу “третьего пути”) и усиленно продолжила теоретический поиск альтернатив. Идея выработки “иной политики”, варианта разрыва с либеральным консенсусом владеет умами партийных лидеров и публицистов. Социологи не оставляют попыток вскрыть фундаментальные механизмы господства и подавления, функционирующие в современном обществе (в этой связи стоит упомянуть прежде всего работы П. Бурдье).

О французской “исключительности” говорят и пишут на Западе. Сохраняющийся в глубинах французского общества ресурс нонконформизма – спасение современного общества потребления, – считает британский социолог и общественный деятель П. Андерсон. На нацию, которую Р. Арон в 1978 г. назвал “всё ещё опасной, несмотря на её видимое спокойствие”, западные левые, оказавшиеся в идеином и политическом тупике, возлагают большие надежды [Anderson, 2004]. Но чтобы понять, обоснованы ли они, необходимо рассмотреть природу французского феномена, проанализировать его истоки и пути современного развития.

История ультраправого дискурса во Франции

Французские ультраправые – наиболее радикально настроенные выразители революционной идеи, которая является системообразующей для современной социально-политической жизни Франции. Наиболее точное её определение дал, видимо, Ф. Фюре: “Идея революции – это не переход одного режима к другому, не промежуточное состояние, но политическая культура, неотъемлемая от демократии, не имеющая законного и конституционного завершения, питаемая неутолимой стра-

стью к равенству” [Фюре, 1998: 27]. Революция не как вид политического действия, а как форма взгляда на действительность, предполагающая коренной разрыв с прошлым ради движения в светлое будущее; революция как наиболее последовательный способ согласования идей прогресса и справедливости на основе ценности равенства; революция как фундаментальное изменение реальности – таковы основные смысловые компоненты революционной идеи, пустившей корни во Франции.

Революция конца XVIII в. как момент зарождения этого дискурса стала ключевым событием в истории страны. “Французская революция, – пишет Фюре, – создала нечто большее, чем новое общество, основанное на гражданском равенстве и представительном правительстве, – она создала особый модус перемен, где главную роль играла идея человеческой воли, мессианская концепция политики” [Фюре, 1998: 49]. Революционизм, выросший из практики 1789 г., стал частью республиканской политической культуры Франции. “Разбавленная” позитивистским рационализмом и неокантианской этикой, она в течение двух столетий формировала специфику французской политической жизни [Berstein, 1992: 72].

“Декларация прав человека и гражданина”, входящая во все французские конституции, начиная с 1791 г., – это манифест разрыва с прошлым во имя движения к желанному будущему. Её универсализм отражает и всеобщий характер самой революционной идеи. Она питается верой в то, что лозунги 1789 г. настолько общепринимны, что их нужно лишь провозгласить для того, чтобы запустить процесс общественной трансформации.

Революционная идея сыграла определяющую роль в формировании французского политического пейзажа. Начиная с XIX в. политические партии различались по степени её выраженности в программных платформах и реальной деятельности. Правые медленно эволюционировали от категорического неприятия наследия революции до интеграции его элементов в свою идеологию. Для левых всех оттенков революция была основополагающей вехой. “Они позиционировали себя приверженцами её идей и тактики её осуществления… “Революция” как программа и как метод осуществления социальных и политических перемен являлась для них образом из идеализированного прошлого и предопределяла облик будущего”, – отмечает французский историк К. Прошассон [Prochasson, 2012: 104]. Революционная идея как призма преломляла различные общественно-политические доктрины, которые в превращённом виде становились частью идеологического багажа французских левых.

Наиболее яркий пример такой трансформации – марксизм, который в последние десятилетия XIX в. усвоили французские социалисты. Они считали себя главными наследниками революции. “Пылающая лава социализма, – писал Ж. Жорес, – вытекла из горна революции и демократии” [Жорес, 1983: 447]. Марксизм привлекал их постольку, поскольку он давал новое, адекватное эпохе объяснение революционной идеи: борьба пролетариата против буржуазии – это та же борьба за реализацию идей “Декларации прав человека и гражданина”, которую вели революционеры 1789 г. Из марксизма французские социалисты взяли в первую очередь его философское ядро, обосновывающее неизбежность революционного рывка из прошлого в будущее.

Эта “теоретическая операция” над учением Маркса, проведённая Ж. Жоресом, обусловила значительную национальную специфику французского социализма. Так, социал-демократия германского образца концентрировалась именно на общественно-экономических аспектах марксизма, который становился прикладной доктриной выстраивания отношений пролетариата с буржуазией. Рано или поздно это неизбежно выводило социал-демократию на путь реформизма (в этом смысле рас-

пространение учения Э. Бернштейна именно в рядах Социал-демократической партии Германии не случайно.

Французский социализм пошёл по иному пути. Вписав марксизм в контекст революционной идеи, он закрыл для себя путь движения в сторону реформизма по примеру Германии. Идеология обрекала его на внесистемное существование: логика революции предполагает постоянную непримиримую борьбу за воплощение идеала. Однако специфика исторического момента становления социалистического движения во Франции указывала ему совершенно иную дорогу – взаимодействие с силами, признававшими наследие революции ради отстаивания демократической республики в рамках парламентской представительной системы.

Так французский социализм оказался в ловушке, из которой нет выхода. Революционная идея, встроенная в политическую культуру и определяющая его место на политической арене, тянет его влево, в то время как объективные обстоятельства заставляют занимать умеренную позицию. Не в силах разрешить это противоречие, французские социалисты, объединившиеся в 1905 г. в единую партию, потеряли монополию на революционную идею и вынужденно оставили широкий участок левого спектра незанятым.

Этот “вакуум слева” – неизменная предпосылка формирования радикальных организаций вне господствующей партии левого спектра. Попытка части социалистов его заполнить привела в 1920 г. к зарождению во Франции коммунистического движения. Как некогда сами социалисты отмежевались от республиканцев ввиду их “отступничества” от революционной идеи, нежелания воплощать лозунг “свободы, равенства и братства” в условиях современной капиталистической экономики, так и коммунисты вышли из рядов соципартии, обвинив её в предательстве и сотрудничестве с системой. Тот факт, что своим знаменем они выбрали флаг большевистской революции, не случаен. “После веков угнетения французы в конце XVIII столетия выступили в качестве борцов за воссоздание человека; в большевиках увидели продолжателей их дела”, – пишет Ф. Фюре [Фюре, 1998: 83]. Советский коммунизм был олицетворением революционной идеи, столь важной для французского социализма.

Компартия, черпая символический ресурс в политических и экономических успехах Советского Союза, на десятилетия monopolizировала революционную идею. Потерявшие свои права на неё социалисты испытывали в отношении коммунистов своего рода синдром, который историк М. Винок в своей статье в газете “Л’Экспресс” от 3 мая 2007 г. определил как “комплекс Тура”¹. В его основе лежал страх предстать перед массами менее активными адептами революционной идеи, чем коммунисты. Однако монополия коммунистов закончилась вместе с притягательностью советской общественно-политической модели. Её дискредитация в 1950–1960-х гг. обозначила начало упадка ФКП. На левом фланге вновь образовался вакуум, который заполнили организации, являющиеся непосредственными предшественниками современных французских ультраправых.

Левая альтернатива левым партиям

Звёздным часом крайне левых стали события 1968 г. Их методы действия, решительные и часто агрессивные, дали готовые формы для самовыражения молодежи, отрицавшей как капитализм, воплощенный правыми партиями, так и советский коммунизм, на страже которого стояла ФКП. Традиционная левая упустила момент

¹ На XVIII съезде Французской социалистической партии в г. Тур в декабре 1920 г. произошел раскол единой соципартии на социалистическую и коммунистическую.

качественной трансформации революционного протеста. “1968 год, - констатирует лидер французских троцкистов О. Безансно, - стал временем перехода от старого рабочего движения, которое проявляло себя через красное знамя, баррикады, Парижскую Коммуну, действие рабочего класса, Интернационал, к тому, что мы сегодня называем новым социальным движением... Кроме традиционных требований рабочего класса речь идет о требованиях иммигрантов, женщин, гомосексуалистов, бездомных” [Besancenot, O., Den Hond C., 2008]. Крайне левые оказались в благоприятных условиях, и хотя успех 1968 г. оказался мимолетным, отныне они занимали свою нишу в общественно-политической жизни Франции.

Одним из вдохновителей протesta 1968 г. были анархистские объединения. Они выступали за самый радикальный вариант реализации революционной идеи – непосредственное действие народных масс, направленное на разрушение государства как института подавления. Основоположник французского анархизма П.-Ж. Прудон отвергал революцию как насильственный акт захвата власти, однако абсолютизировал революционную идею как философскую конструкцию.

Анархистская идея дала во Франции обильные всходы. Опробованная в конце XIX в. в прудонистских ячейках, использованная в качестве доктрины революционного террора в 1892–1894 гг., она пустила корни в профсоюзном движении, породив феномен анархо-синдикализма. Анархо-синдикализм отвергал любую политическую деятельность в рамках системы и выступал за её революционное свержение в ходе всеобщей стачки. Во второй половине XX в. подчёркнутая антисистемность анархизма и радикальность его лозунгов оказались востребованы и за пределами рабочего движения.

В организационном плане анархизм оставался расщеплённым и как политическая сила не играл важной роли, однако после 1968 г. он окончательно превратился из социально-политической доктрины, исповедовавшейся в рабочей среде, в массовую идеологию нонконформизма. Анархисты традиционно далеки от всего, что связано с государством, и это ограничивает их роль в политике. По состоянию на 1999 г. их крупнейшая организация “Федерация анархистов”, существующая с 1945 г. по сей день, насчитывала не более 500 членов [Alternative libertaire, 1999]. Однако роль анархизма как идеологии общественного нонконформизма весьма значительна.

Анархистские СМИ покрывают аудиторию, непропорционально более многочисленную, чем количество членов анархистских групп. Тираж одной “Ле Монд либертэр” составляет 8000 экземпляров. На Париж вещает анархистская радиостанция “Радио либертэр”. Анархистские идеи проникают глубоко в сознание общества, в частности, наиболее активной его части. За последние десятилетия их главными носителями стали обеспеченные выходцы из среднего класса, разделяющие ценности контруктуры, – так называемые “бобо”¹, которые оказывают серьёзное влияние на французское общественное мнение [Juillard, 2013: 651].

Помимо анархистов свои права на революционную идею во второй половине XX в. заявили троцкисты. Так же, как коммунисты в начале 1920-х гг. оспорили монополию на неё у социалистов, выбравших курс на сотрудничество с существующей политической системой, троцкисты сделали политические очки на дискредитации коммунистического “реального социализма”. Идейное ядро троцкизма – абсолютный примат “перманентной” революции. “Троцкизм, – отмечает историк Ф. Рейно, – всегда представлял себя легитимным наследником справедливой большевистской революции, которая была предана Сталиным и его союзниками, якобы, организовавшими контрреволюцию” [Raynaud, 2010: 67].

¹ От фр. bourgeoisie-bohème

Начиная с 1920-х гг. троцкисты неизменно действовали на политическом поле левее коммунистов, однако пока ФКП опиралась на революционный престиж Советского Союза, они оставались маргинальной группировкой. Всё поменялось в 1960-е гг. Дискредитацию советской модели многие рассматривали через призму идей Троцкого о “термидоре”. Одновременно троцкисты вышли на первые позиции в борьбе за деколонизацию Алжира, против политики Запада в отношении Кубы и Вьетнама. Звездным часом троцкистов стал 1968 г. Историк М. Лазар пишет: “Троцкизм тогда сыграл роль организующей идеи для восстания беби-бумеров, которые отвергали как капитализм, так и сталинизм, и выступили против действующей власти” [Lazar, 2003].

Временно отступив во время общего кризиса левой идеи в конце 1980-х гг., троцкизм обрёл новое дыхание на излёте столетия. Рост социально-экономической нестабильности, безработица, издержки евроинтеграции, с одной стороны, и неспособность левого мейнстрима предложить ясную альтернативу существующей модели развития обеспечили троцкистам быстрый рост популярности. Перед анархистами у них было явное преимущество: они не занимались философскими изысканиями на ниве антиэтатизма, а излагали конкретную программу с опорой на сильное государство. Суть их программы – приверженность идеи классовой борьбы, революционное ниспровержение буржуазного государства и установление справедливого социально-политического строя.

В отличие от анархистов, французские троцкисты имеют развитую организационную инфраструктуру с глубокими корнями. Три основные ныне действующие троцкистские организации генетически восходят к возникшей в 1936 г. Международной коммунистической партии, которая с 1944 г. была французской секцией троцкистского IV Интернационала. Старейшая из них – существующая в различных формах с 1930-х гг. партия “Рабочая борьба”. 20 января 2010 г. политический журнал “Ле Пуэн” оценивал её численность в 8400 членов. Новая антикапиталистическая партия (НАП) образовалась в 2009 г. на базе троцкистской Революционной коммунистической лиги (РКЛ). 1 февраля 2013 г. “Ле Монд” писала о том, что в партии числилось 2500 членов. Об уровне поддержки троцкистских идей в обществе наглядно свидетельствуют цифры. На президентских выборах 2002 г. два основных троцкистских кандидата в общей сложности набрали 10% голосов избирателей.

Спектр политических сил “левее левых” во Франции не сводится к анархистским и троцкистским объединениям. Долгое время популярностью здесь пользовался маоизм, сторонники которого пытались играть на одном поле с троцкистами. В 1990-е гг. поддержкой избирателей стали пользоваться зелёные, выступающие против диспропорций социально-экономического развития и за глубокое реформирование политической системы Пятой республики. Вместе с ультраправыми всё чаще выступают коммунисты. С исчезновением СССР и крахом “реального социализма” исчезла та идеологическая привязка ФКП к советскому коммунизму, которая являлась объектом критики со стороны троцкистов. Набор лозунгов у ультраправых и коммунистов один и тот же – антиглобализм, борьба против социально-экономического неравенства, защита прав меньшинств. Однако между ними есть существенное отличие. Коммунисты исторически являлись правительственной партией, в то время как для ультраправых принципиальным моментом является неприятие современной властной системы как таковой.

Эта особенность сближает коммунистов с силами, занимающими промежуточное положение между Социалистической партией и ультраправыми. Они не приемлют курс руководства СПФ, которое всё чаще сдвигается в сторону левого центра, однако открыто борются за власть с целью реформирования существующей соци-

ально-экономической и политической системы. В 2009 г. коммунисты, “Левая партия”, состоящая из бывших левых социалистов, отпочковавшиеся от троцкистской НАП “Унитарные левые” объединились в составе единого “Левого фронта”.

“Ультралевый” ответ на вызовы современности

Многообразие организаций ультралевого толка – устойчивый феномен французской политической жизни с начала 1990-х гг. Тогда казалось, что крах “реально-го социализма” обрушил саму левую идею. “Провалилась” не только ФКП. Серьёзные потери понесли и социалисты. На очередных парламентских выборах в 1993 г. они получили лишь 10% депутатских мест. Американские аналитики прогнозировали, что после поражения “Социалистическая партия уже никогда не сможет прийти к власти или выиграть президентские выборы, апеллируя лишь к левой идеи” [Eatwell, 1993: 464]. Однако левый дискурс лишь ушёл в подполье, где переживал период трансформации. То, что он по-прежнему существует и более того обрёл новую силу, продемонстрировали события осени-зимы 1995 г.

В 1995 г. правые, пришедшие к власти после победы на президентских выборах Ж. Ширака, решили воспользоваться результатами общего отступления левых сил и инициировали принятие т.н. “плана Жюппе” – серии реформ, названной по имени премьер-министра А. Жюппе, которые ужесточали социальное законодательство. Ответом на него стала крупнейшая забастовка, в которой приняли участие тысячи рабочих, занятых в государственном и частном секторах, в частности, в транспортной отрасли. В течение трёх недель она парализовала экономику страны. С 1968 г. Франция не видела ничего подобного.

Однако важнее было другое: забастовки 1995 г. стали моментом неожиданного возрождения революционной идеи. Они представляли собой бунт нонконформизма против идеи компромисса с системой. “План Жюппе” был частью программы по включению Франции в единое европейское пространство и глобализирующуюся экономику. Выступая против него, Франция отвергала весь мировой порядок, складывавшийся на руинах реального социализма. Умеренные интеллектуалы не скрывали своего разочарования. Председатель наблюдательного совета газеты “Ле Монд” А. Минк в интервью “Ле Фигаро” 4 декабря 1995 г. сетовал: “В нашем мире, который внешне связан унифицированным стилем жизни и финансовыми рынками, есть одно исключение: Франция с её спазматическими порывами”.

Однако на фоне этого глухого недовольства ещё громче звучали голоса тех, кто реабилитировал революционную идею и давал ей новый импульс. “Борясь за свои социальные права, бастующие борются за равенство и права всех... Нынешнее движение является признаком кризиса лишь для правительства. Для массы граждан оно открывает путь к большей демократии, большему равенству, большей солидарности”, – гласил манифест в поддержку забастовочного движения, опубликованный в “Ле Монд” 15 декабря 1995 г. и подписанный по инициативе Бурдье несколькими сотнями французских интеллектуалов.

Революционная идея, казалось, похороненная после 1991 г., вновь оказалась на повестке дня. Мир восторжествовавшего либерализма породил новую реальность – глобализацию, которая стала благоприятной средой для возрождения нонконформистского дискурса. “Пересечение чаяний “социального движения” 1995 г. и динамики альтерглобализма, – отмечает Ф. Рейно, – вернуло к жизни радикальных левых, достаточно усилившихся для того, чтобы влиять на значительный сектор французского общественного мнения” [Raynaud, 2010: 32].

Борьба против растущего неравенства стала пропагандистским коньком ультралевых. Цели ставились старые, но их жёсткая конкретность в условиях ограничения

институтов социального государства звучала внушительно. Принятый на национальной конференции в октябре 1995 г. манифест “Рабочей борьбы”, опубликованный в партийной газете “Лют де класс” в январе-феврале 1996 г., гласил: “Наша фундаментальная программа не изменилась с тех пор, как Маркс её сформулировал, а русский пролетариат предпринял попытку воплотить её в жизнь. Однако неизмеримо возросла разница между огромным потенциалом человечества “давать каждому по потребностям” в масштабах всей планеты и той поразительной небрежностью, с которой капитализм разбазаривает эти возможности или обращает их против самого общества”.

По мнению ультралевых, империализм никуда не делся. Он лишь облекся в новые формы. Одобренный в 1992 г. Маастрихтский договор, учредивший Европейский Союз, стал для них одним из основных объектов критики. “Революционеры, – писала в апреле 1996 г. “Лют де клас”, – должны сказать, что Европа, за которую выступают политики первого ранга, – это группка враждующих империалистических разбойников, задыхающихся в своих национальных границах и объединившихся только потому, что трое крупнейших из них так и не смогли навязать континенту свои правила в ходе двух мировых войн”.

В социальном плане ультралевые переориентировались с первоочередного отстаивания интересов рабочего класса на защиту прав меньшинств. Задача была проста – “присутствовать во всех сферах, где чаяния “совершенного иного мира” проявлялись с новой силой” [Raynaud, 2010: 37]. Пролетариат всё отчётилее терял свой классовый облик, в то время как этнические и сексуальные меньшинства, женщины, организации всё громче заявляли о себе. Все те, кого тем или иным образом “исключало” из своих рядов буржуазное либеральное общество, становились союзниками ультралевых.

Их активизация после 1995 г. стала неожиданностью для наблюдателей. “Абсолютное меньшинство находится в состоянии кипения, – констатировала 12 февраля 1996 г. газета “Либерасьон”. Их почти не видно и не слышно, но левые группы активизируются под внимательным взором социалистов и коммунистов. [Они] выступают за диалог и открытость, мечтая о создании альтернативного полюса притяжения, политическом продолжении социального движения осени [1995 г.]”. Революционная идея во Франции возрождалась в новых формах, но с прежней силой. Весной 1997 г. Ж. Ширак распустил нижнюю палату парламента и назначил новые выборы. Подготовка к ним была отмечена резким всплеском активности левых сил.

Социалисты, точно уловив специфику политического момента, вернулись к жёсткой критике современной социально-экономической системы. “Оседлав” набравший новую популярность нонконформистский дискурс, они собрали вокруг себя широкую коалицию левых сил с участием коммунистов и зелёных (“разнообразная левая”)¹. 1 июня 1997 г. она одержала громкую победу на выборах. Социалисты более чем в два раза увеличили своё парламентское представительство и получили право сформировать правительство. Его возглавил лидер партии Л. Жоспен.

Пятилетний период деятельности кабинета Жоспена стал временем наибольшего преобладания левой идеи во французской политической жизни со времен краха “реального социализма”. Правительство не только предприняло ряд важных шагов в социально-экономической области, сократив продолжительность рабочей недели до 35 часов и повысив минимальный уровень оплаты труда. Оно пошло на беспрецедентные уступки в вопросе прав меньшинств. В частности, закон от 6 июня 2000 г.

---

¹ От фр. la gauche plurielle.

обязал политические партии составлять избирательные списки с паритетным участием мужчин и женщин, а годом ранее были расширены права однополых пар.

Правительство Жоспена целенаправленно реализовывало программу поощрения меньшинств – одно из центральных требований ультраправых. Это создавало некую основу для потенциальной интеграции сил “левее левых” во французскую политическую систему. Революционная идея, которую не удалось укротить в начале 1990-х гг., могла естественным путём “расторваться”. Однако все расчёты подобного рода упирались в диалектическое противоречие самой революционной идеи. Если часть её лозунгов начинает воплощаться в жизнь, как в примере с защищкой прав меньшинств, она автоматически выпадает из революционного нонконформистского дискурса. Революцию нельзя реализовать частично.

Кабинет Жоспена, дальше всех своих предшественников зашедший в уступках ультраправым, в результате оказался в их глазах чрезмерно умеренным. В преддверии президентских и парламентских выборов 2002 г. они открыто выступали против социалистов и премьер-министра как их кандидата в президенты. “Жоспен, – констатировала в интервью “Ле Фигаро” 30 апреля 2001 г. лидер троцкистов А. Лагийе, – полностью находится на службе капиталистической системы и большого бизнеса”.

Последствия этого демарша в полной мере оказались год спустя. Жоспен с треском проиграл уже в первом туре выборов, набрав лишь 16% голосов и пропустив вперед лидера ультраправых Ж.-М. Ле Пена. Сразу после голосования аналитики отметили: одной из ключевых причин поражения кандидата от социалистов была конкуренция со стороны ультраправых. Три представителя троцкистских партий набрали около 11% голосов, лишив Жоспена даже теоретических перспектив на победу.

Поражение 2002 г. в очередной раз продемонстрировало неспособность французских “системных” левых укротить революционную идею. Социалистическая партия оказалась в положении “стратегической пустоты и идеологической неясности, которые дали новый шанс радикальным левым” [Raynaud, 2010: 42]. В 2005 г. произошло событие, которое продемонстрировало их растущую роль во внутриполитической жизни страны. Весной троцкистские партии оказались в авангарде борьбы против конституции Европейского Союза, референдум по принятию которой прошёл во Франции 29 мая 2005 г.

В ситуации, когда все крупнейшие партии Франции поддержали проект европейской Конституции, конечная победа её противников, во главе которых стояли крайние политические силы с левого и правого флангов, оказалась весьма символична. Для левых важным был ещё и тот момент, что впервые за 14 лет коммунисты явно отмежевались от социалистов и чётко встали на сторону ультраправых по одному из ключевых вопросов политической повестки дня. 30 мая 2005 г. сразу после провального референдума “Ле Монд” не случайно сравнила его с выборами 2002 г.: ультраправые во второй раз подряд серьёзно дестабилизировали сложившийся во Франции баланс политических сил.

Ситуация внутри страны менялась настолько резко, что сами ультраправые не всегда успевали реагировать на изменения. Осенью 2005 г. загорелись парижские пригороды, населённые иммигрантами. Некогда являвшиеся цитаделью коммунистов, после упадка ФКП они оказались в ситуации политического вакуума – самая благоприятная среда для распространения нонконформистских настроений. Внимательные наблюдатели сразу рассмотрели за выступлениями безработных маргиналов признаки анархистского протesta, хотя сами ультраправые отнеслись к ним с осторожностью ввиду их пугающей стихийности и аморфности. Федерация анархистов совместно с троцкистскими партиями даже выступила с возвзванием, в котором призывала протестующих к умеренности.

Однако начало 2006 г. было отмечено событием, не реагировать на которое силы “левее левых” не могли. Принятый парламентом закон о договоре первого найма усложнил процедуру трудоустройства для тысяч молодых французов. В феврале-марте протесты против него охватили всю Францию. На улицы выходили сотни тысяч молодых людей – базовый избирательный округ ультраправых. Впервые за десять лет большинство левых партий оказались единодушны. Социалисты, коммунисты, зелёные и троцкисты общим фронтом критиковали очередное наступление на социальные права граждан. Ультраправые были в авангарде. Их многочисленные группы в университетах направляли студенческое движение – основное течение протестной волны. Министр внутренних дел Н. Саркози открыто связал радикализацию городской молодёжи с деятельностью ультраправых.

Политические и социально-экономические процессы, развернувшиеся во Франции в 2000-е гг., лишь поддерживали нонконформистский диктатор и лежащую в его основе революционную идею. Мейнстрим благоприятствовал ультраправым, которые стремились не отставать от него. Во второй половине 2000-х гг. начался процесс омоложения кадрового состава их организаций. Центральной фигурой стал один из лидеров троцкистов О. Безансно, в прошлом почтальон из парижского пригорода. В интервью “Ле Монд” 27 июня 2006 г. он так изложил своё политическое кредо: “Я революционер… Я убеждён в том, что необходимо придумать и предложить новый проект общества, альтернативного капитализму”. На президентских выборах 2007 г. Безансно набрал 4% голосов, получив поддержку более чем 1,5 млн избирателей.

Впрочем, рост избирательной популярности троцкистов всё же находился в пределах допустимого с точки зрения сложившегося баланса сил. К факту их присутствия в политической жизни страны с 1995 г. успели привыкнуть. Гораздо более тревожными выглядели процессы, к которым общее полевение французского политического спектра привело внутри Социалистической партии. Несмотря на серьёзное ослабление ФКП, ей так и не удалось излечиться от “комплекса Тура”. Французские социалисты продолжали оставаться идеально зависимыми от революционной идеи. К ней неизменно тяготело левое крыло партии, которое не только не исчезло после 1991 г., но и неизменно после каждой очередной неудачи СПФ на политическом фронте говорило о том, что корень всех проблем социалистов – в соглашательстве с системой и отходе от жёсткого курса на борьбу с ней.

Знаковой фигурой, представлявшей это течение, стал Ж.-Л. Меланшон. На протяжении двух десятилетий он являлся одним из лидеров левого крыла СПФ и неизменно выступал против любых попыток достижения компромисса с существующей социально-экономической и политической системой. В 2005 г. он был одним из тех, кто поднял флаг внутри партии по вопросу о европейской Конституции: при том, что СПФ выступила в её поддержку, левые социалисты были категорически против. В 2008 г. Меланшон покинул ряды партии, которая, по его мнению, слишком далеко зашла на пути уступок существующей социально-экономической системе.

Своим новым знаменем Меланшон сделал революционную идею. Бросалось в глаза то, насколько открыто он её провозглашал. “Новый мир, который нам необходимо создать, не станет результатом сговора между руководителями. Народный фронт начнёт новую французскую революцию”, – передавал его слова журнал “Л’Экспресс” в своём номере от 18 сентября 2011 г. Новая “Левая партия” Меланшона и образовавшийся вокруг неё “Левый фронт” объявили курс на объединение всех революционных сил страны. Их смотром стали президентские выборы 2012 г., в ходе которых Меланшон получил поддержку более 11% избирателей. С учётом голосов,

поданных за кандидатов от троцкистов и зелёных, 2012 г. стал пиком электоральной популярности сил “левее левых”, суммарный рейтинг которых составил 15%.

Перспективы революционной идеи во Франции

В 1978 г. Ф. Фюре констатировал смерть революционной идеи во Франции. “Революция окончена”, – эти слова стали обозначением целой эпохи – времени краха реального социализма, ослабления коммунистической партии и торжества либеральной идеологии. “Революция, – пояснял Фюре, – больше не является очевидным фактором французской политики, [водоразделом] между правыми и левыми” [Furet, 1986]. Однако последние два десятилетия показали, что прогноз Фюре требует уточнения.

Разумеется, в начале XXI в. речь о революции не идёт в том же смысле, который в это понятие вкладывали столетие назад. Однако революционная идея во Франции продолжает в некоторой степени формировать политический ландшафт. Сохраняющееся влияние ультралевых – лишь один аспект этой ситуации. Зеркальным отражением движений “левее левых” является Национальный фронт, набравший большую популярность за последние годы. Его подъём имеет неоднозначные последствия как для французской политической в целом, так и для ультралевых в частности. С одной стороны рост крайне правых вызывает реакцию “иммунной системы” французского республиканского сознания, что, очевидно, играет на руку левым. На фоне общего кризиса Социалистической партии крайне левые могут извлечь из складывающейся ситуации свою выгоду.

Однако практически им это удается с трудом. Доктринерство и явная неадекватность их идеологической платформы современным вызовам не дают силам “левее левых” в полной мере воспользоваться удачной политической и социально-экономической конъюнктурой. Уровень их поддержки остается неизменным, несмотря на все кризисные явления, происходящие в обществе. Революционная “тезисология” довлеет над сознанием крайне левых, мешая им адаптироваться к современной действительности. Им не хватает гибкости и реализма, которые на определённом этапе смогло проявить руководство Национального фронта. В результате наблюдается парадоксальный процесс сближения двух крайних сил французского политического спектра, причем к выгоде ультраправых. Национальный фронт не только активно играет на традиционном для левых идеологическом поле, успешно осваивая антилиберальный дискурс, но и перетягивает к себе часть их симпатизантов [Clavel, 2015].

Сам по себе факт наличия на противоположных флангах политического спектра влиятельных сил, отвергающих легитимность друг друга и предлагающих диаметрально отличающиеся проекты развития страны, говорит о глубокой поляризации общества. Но для политической системы Франции главное заключается в другом. Если бы здесь существовал мощный центр, в рамках которого был бы наложен механизм поиска компромисса и выработки оптимальной программы общественного развития, то радикалы справа и слева оставались бы маргинальными движениями. Однако именно революционная идея, которая продолжает во многом формировать политическую культуру страны, препятствует его складыванию. Две крупнейшие партии Франции, левая СПФ и правая СНД (“Союз за народное движение”), вынуждены так или иначе ориентироваться на те группы электората, которые поддерживают соответственно ультралевых и Национальный фронт: слишком важна для них их поддержка на выборах. Причём, как справедливо отмечает Ю.И. Рубинский, леваки дестабилизируют социалистов сильнее, чем лепеновцы неоголлистов:

“Они не только распыляют голоса левого избирателя, но и разжигают фракционную борьбу внутри самой социал-демократии, мешая ей выработать достаточно чёткую идеиную платформу и эффективную политическую стратегию” [Рубинский, 2011: 242].

“Комплекс Тура” у социалистов хоть и ослаб, но никуда не делся. Все 1990-е и 2000-е гг. в СПФ сохраняется сильное левое течение, которое препятствует политики компромиссов, поддерживает в её рядах нонконформистский дух и пользуется этим для расширения своего политического влияния. Оно даёт удобную трибуну всем тем, кто пытается оспорить курс партийного руководства. Последний наиболее яркий случай – имевшая место в августе 2014 г. публичная фронда министров-социалистов А. Монгебура и Б. Амона, которые с левых позиций раскритиковали курс президента Ф. Олланда и его премьер-министра М. Вальса.

Французское общественное мнение уже давно говорит о необходимости движения социалистов вправо и формирования на их базе мощной левоцентристской партии по типу СДПГ или лейбористов. В этом, по мнению ряда экспертов, кроется залог политического и социально-экономического “выздоровления” страны. Оказавшиеся у власти социалисты явно тяготеют в эту сторону. Так, Ф. Олланд, начавший с явных реверансов в сторону левых в виде принятия нашумевших законов о налоге на большие состояния и об однополых браках, к 2014 г. сместился вправо. Однако беспрецедентная в истории Пятой республики непопулярность Олланда, которая во многом является результатом его социально-экономического курса, говорит о том, что двигаться по этому пути ему всё сложнее.

* * *

Проведённый в сентябре 2015 г. социологический опрос показал, что поляризация французского общества достигла максимума. В первом туре президентских выборов кандидаты от радикальных сил, выступающих с проектами коренной перестройки французского государства и общества, получили около 40% голосов. Причём если ультраправые сохраняют свой традиционный рейтинг в 10–15%, то поддержка М. Ле Пен подскочила до почти 30% [The official site of IFOP, 2015]. Очевидно Франция стоит на пороге серьёзных перемен.

Список литературы

- Жорес Ж. (1983) Социалистическая история Французской революции. Т. VI. М., Прогресс. С. 447.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961) Полное собрание сочинений. 2-е издание. М., Гос. изд-во политической литературы. Т. 21.
- Рубинский Ю.И. (2011) Франция. Время Саркози. М., Международные отношения.
- Фюре, Ф. (1998) Прошлое одной иллюзии. М., Ad Marginem.
- Alternative libertaire (1999), Qui sont les anarchistes ? En France aujourd’hui, available at: <http://libertaire.pagesperso-orange.fr/archive/99/219-ete/anar2.htm> (Accessed 1 November, 2014).
- Anderson, P. (2004) Union Sucrée, available at: <http://www.lrb.co.uk/v26/n18/perry-anderson/union-sucree> (Accessed 1 November, 2014).
- Berstein, S (1992), “L’historien et la culture politique”, Vingtième Siècle. Revue d’histoire, vol. 35, no. 35, p. 67–77.
- Eatwell, R (1993), “The March 1993 French Legislative Elections”, Political Quarterly, Oct-Dec, vol. 64, Issue 4.
- Furet, F (1986), “Une Révolution sans révolution?”, Le Nouvel Observateur, 28 Feb. – 6 Mar.
- Juillard, J (2013), Les Gauches françaises. 1762-2012, Editions Flammarion, Paris, France.
- Lazar, M (2003), Trotsky, les Trotskistes et la France, available at: <http://www.canalacademie.com/ida125-Trotsky-les-Trotskistes-et-la-France.html> (Accessed 1 November, 2014).

Lewis, Carol W. and Hildreth, Bartley W. (2012), *Budgeting: Politics and Power*, available at: <http://global.oup.com/us/companion.websites/9780199859214/student/chapter2/pdf/freemarket.pdf> (Accessed 1 November, 2014).

The official site of TNS Sofres (2012), *Présidentielle 2012 Tour 2 : sondage jour du vote*, available at: <http://www.tns-sofres.com/etudes-et-points-de-vue/presidentielle-2012-tour-2-sondage-jour-du-vote#> (Accessed 1 November, 2014).

Prochasson, Ch. (2012), "François Furet, the revolution and the past future of the French left", *French History*, vol. 26, no. 1, pp. 96–117.

Raynaud, P (2010), *L'extrême gauche plurielle*, Librairie Académique Perrin, Paris, France.

References

Alternative libertaire (1999), Qui sont les anarchistes ? En France aujourd'hui, available at: <http://libertaire.pagesperso-orange.fr/archive/99/219-ete/anar2.htm> (Accessed 1 November, 2014).

Anderson, P (2004), Union Sucrée, available at: <http://www.lrb.co.uk/v26/n18/perry-anderson/union-sucree> (Accessed 1 November, 2014).

Berstein, S. (1992), "L'historien et la culture politique", *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, vol. 35, no. 35, p. 67–77.

Besancenot, O., Den Hond C (2008), "L'extrême gauche en 1968 était le produit d'une période charnière", available at: <http://www.europe-solidaire.org/spip.php?article10048> (Accessed 23 November, 2015).

Clavel, G (2015), NPA recherche anciens militants: où sont-ils partis? Au Front de Gauche mais pas que, available at: http://www.huffingtonpost.fr/2015/01/30/npa-anciens-militants-partis-front-gauche-pas-que_n_6578072.html (Accessed 23 November, 2015).

Eatwell, R (1993), "The March 1993 French Legislative Elections", *Political Quarterly*, Oct-Dec, vol. 64, Issue 4.

Furet, F (1998), Proshloe odnoi illyuzii [Passé d'une illusion], translated by Bozhovich, V.I, Ad Marginem, Moscow, Russia.

Furet, F (1986), "Une Révolution sans révolution?", *Le Nouvel Observateur*, 28 Feb. – 6 Mar.

Jaurès, J (1983), *Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoi revolyutsii* [Histoire socialiste de la révolution française], translated by Ado, A.V, Progress, Moscow, USSR, vol. 6.

Juillard, J (2013), *Les Gauches françaises. 1762-2012*, Editions Flammarion, Paris, France.

Lazar, M (2003), Trotsky, les Trotskyites et la France, available at: <http://www.canalacademie.com/ida125-Trotsky-les-Trotskistes-et-la-France.html> (Accessed 1 November, 2014).

Lewis, Carol W. and Hildreth, Bartley W. (2012), *Budgeting: Politics and Power*, available at: <http://global.oup.com/us/companion.websites/9780199859214/student/chapter2/pdf/freemarket.pdf> (Accessed 1 November, 2014).

Marks, K., Engel's, F (1961) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. 2nd edition, Vol. 21, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR.

The official site of IFOP (2015), Les intentions de vote pour le 1er tour de l'élection présidentielle de 2017, available at: http://www.ifop.fr/media/poll/3109-1-study_file.pdf (Accessed 23 November, 2015).

Prochasson, Ch. (2012), "François Furet, the revolution and the past future of the French left", *French History*, vol. 26, no. 1, pp. 96–117.

Raynaud, P (2010), *L'extrême gauche plurielle*, Librairie Académique Perrin, Paris, France.

Rubinskii, Yu.I (2011), *Frantsiya. Vremya Sarkozy* [France. The Age of Sarkozy], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.

French far Leftists at the turn of the century

Author. Vershinin A.A., Research Fellow in the Centre for Crisis Society Studies of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 15, Kalanchevskaya Str., Moscow, Russia, 107078. **E-mail:** aver-chinina@gmail.com

Abstract. The article discusses the current situation of the French far left political movements and parties. The focus is on the problem of their historical genesis, the causes of the continuing influence of the far left in society, their place in the political system of the V Republic and prospects of their further evolution in the framework of the specific French political culture.

Keywords: French far leftists, Trotskyism, Anarchism, French socialist party, V Republic.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/sovereurope320166678>

УДК 327; 339.9; 914

Михаил ЛОБАНОВ,
Елена ЗВЕЗДАНОВИЧ-ЛОБАНОВА

ОТНОШЕНИЯ СЕРБИИ С РОССИЕЙ И ЕС В ЗЕРКАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. Рост напряжённости в отношениях России с Западом вносит корректизы во внешнеполитический курс балканских стран – некоторым из них всё сложнее сохранять нейтралитет под давлением европейской дипломатии. Характерным примером является Республика Сербия, которая стремится сохранить равноудалённую позицию в противостоянии геополитических центров, но, являясь страной-кандидатом на вступление в Евросоюз, вынуждена следовать в фарватере внешней политики Брюсселя. Введение санкций показало отсутствие единства стран-членов ЕС по проблеме выстраивания отношений с Россией, что позволило некоторым странам-кандидатам проявлять большую самостоятельность в определении внешнеполитических приоритетов. Официальный Белград считает неприемлемой поддержку санкций против России и, более того, заинтересован в расширении объёмов экспорт аграрной продукции на российский рынок в условиях действия продовольственного эмбарго. Позиция Сербии оправдана не только экономическим pragmatismом, но и длительной историей дружественных отношений между двумя странами.

Основным вызовом российско-сербскому сотрудничеству являются сложности в развитии энергетического диалога, обусловленные в первую очередь отказом от реализации проекта “Южный поток”. Отсутствие гарантий снабжения природным газом после прекращения использования украинского маршрута поставок вынуждает руководство Сербии вносить корректизы в энергетическую политику страны, в частности, стремиться к диверсификации структуры импорта энергоносителей. Страны Запада, таким образом, получили благоприятную возможность снизить уровень зависимости Сербии от российского газа и в целом повлиять на потенциал её сотрудничества с Россией в энергетической сфере.

Ключевые слова: Россия, Сербия, Европейский Союз, Балканы, внешняя политика, двустороннее сотрудничество, энергетический диалог, санкции, “Южный поток”, “Турецкий поток”, Трансадриатический газопровод.

Современный этап развития международных связей Сербии отличает зависимость от внешних факторов регионального и глобального значения. Среди таких факторов следует выделить прежде всего углубление конфликта в отношениях

© **Лобанов Михаил Михайлович** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН, Центр восточноевропейских исследований. **Адрес:** 117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32. **E-mail:** m.m.lobanov@rambler.ru

Звезданович-Лобанова Елена – магистр экономики, научный ассистент, Институт общественных наук, г. Белград. **Адрес:** 11000, Сербия, Белград, ул. Краљице Наталије, д. 45. **E-mail:** jzvezdanovic@idn.org.rs

Публикация предусмотрена планом проекта Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия “Общественные трансформации в процессе европейской интеграции – мультидисциплинарный подход” (2011–2015 гг.)

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320167992>

России и стран Запада. Балканская республика относится к числу тех немногих стран, которые не поддерживают политico-экономические санкции, применяемые к России. Руководство Сербии старается балансировать на линии политического раздела государств Европы в стремлении сохранить равноудалённую позицию в противостоянии геополитических центров.

Санкции против России официальный Белград считает неприемлемыми: данная позиция не является результатом рационального выбора в сложившихся условиях, а определяется в сущности историческим контекстом дружественных отношений между двумя странами. Экономические выгоды Сербии, как и ряда других государств, отказавшихся вводить санкции, связаны в том числе с расширением объёма поставок с.-х. и пищевой продукции на российский рынок. Кроме того, Россия защищает интересы партнёра на международной арене: к примеру, использует право вето в Совете Безопасности ООН для блокирования инициатив, ослабляющих внешнеполитические позиции Сербии (статус Косово, резолюция по Сребренице). Европейский Союз, в свою очередь, использует различные рычаги влияния на несговорчивую Сербию, наиболее эффективный из которых – замедление процесса евроинтеграции. Широко практикуемый Брюсселем метод кнута и пряника призван поколебать решимость Сербии следовать взятому курсу в отношениях с Россией и в перспективе включить её в число стран, поддерживающих санкции.

В конце 2014 г. произошло событие, оказавшее значительное влияние на приоритеты экономической политики Сербии: российское руководство объявило о сворачивании проекта строительства газопровода “Южный поток”, одной из стран-участниц которого должна была быть Сербия. В результате системы отношений двух стран лишилась ключевого элемента, определявшего параметры и направления политического и социально-экономического сотрудничества. Отказ от реализации проекта привёл к пересмотру амбициозных планов по привлечению иностранного капитала в энергетическую инфраструктуру Сербии, а также стимулированию промышленного производства и занятости. Принимая во внимание тот факт, что перспективы строительства “Турецкого потока” остаются неясными, власти Сербии активизировали поиск альтернативных источников поставок природного газа. Результаты визита премьер-министра страны в США, в ходе которого обсуждались проблемы обеспечения энергоносителями, позволили утверждать о появлении новых приоритетов в энергетической политике официального Белграда, в частности, стремлении диверсифицировать структуру импорта газа.

Особенности внутриполитического развития Сербии в 2010-х гг.

По итогам парламентских выборов в 2012 г. представителями Сербской прогрессивной партии (СПП), Социалистической партии Сербии (СПС) и движения Объединённые регионы Сербии (ОРС) было сформировано новое правительство. Ведущие роли в правительстве были распределены между правыми консерваторами из СПП и социалистами, позиции которых по многим внешнеполитическим вопросам (отношение к евроинтеграции, сотрудничеству с Россией, решению проблемы Косово и т.д.) являются, в сущности, идентичными. Кабинет министров возглавил лидер социалистов И. Дачич, а его первым заместителем стал новый глава Сербской прогрессивной партии А. Вучич. В мае 2012 г. в результате прямого голосования президентом был избран основатель СПП Т. Николич.

Со временем президент Т. Николич постепенно дистанцировался от участия в принятии наиболее важных для страны решений – роль института президенства в результате была практически сведена к декоративной. Руководителем страны де-

юре оставался председатель правительства И. Дачич, однако фактически рычаги управления продолжал удерживать его заместитель и лидер более популярной СПП А. Вучич. В результате сложилась нетривиальная форма управления государством, когда в процесс решения основных внешне- и внутриполитических проблем были вовлечены оба политика. Однако в борьбе за поддержку избирателей «прогрессисты» оказались успешнее социалистов.

Противоречия в правительственно-коалиции и рост рейтинга СПП за счёт эффективных политтехнологий привели к необходимости зафиксировать новый расклад сил на внутриполитической арене. Правительство страны подало в отставку в январе 2014 г., и уже в марте состоялись внеочередные выборы, в которых участвовали 19 партий и партийных коалиций. Очевидным фаворитом предвыборной гонки считалась коалиция партий во главе с СПП, которая в результате одержала убедительную победу (48,2%) и получила большинство мест в парламенте (156 из 250). Таким образом, у лидера партии А. Вучича оказался карт-бланш на формирование нового правительства, в котором на 16 позиций из 19 были приглашены члены СПП или близкие к партии политики (три министерских портфеля получили социалисты). Кабинет министров возглавил сам А. Вучич, а бывший глава правительства И. Дачич занял пост министра иностранных дел.

Официальная позиция в отношении санкций против России и реакция на неё в Европейском Союзе

Новым фактором в политическом и социально-экономическом развитии Сербии стали перемены в расстановке сил на геополитической карте мира. Эскалация конфликта на Украине потребовала от стран, вовлечённых в процесс европейской интеграции, решительной поддержки действий новых украинских властей, осуждение проведения референдума в Крыму, присоединения к санкциям в отношении России и т.д. Вплоть до начала вооружённого противостояния на юго-востоке Украины в заявлениях высших должностных лиц Сербии преобладала неопределённость, однако тон двусмысленных комментариев официального Белграда в Брюсселе стали трактовать как скрытое одобрение политики Москвы. Основным противоречием в заявлениях А. Вучича и И. Дачича являлось то, что, придерживаясь курса на интеграцию с Евросоюзом, Сербия называла «традиционно дружественными» странами и Россию, и Украину, а санкции против Москвы считала неприемлемыми и противоречащими национальным интересам. Отметим в этой связи, что в соседней Черногории власти открыто и практически в инициативном порядке поддержали внешнеполитический курс Евросоюза и антироссийские санкции, в частности.

В конце марта 2014 г., спустя несколько дней после референдума в Крыму, Генеральной Ассамблей ООН была принята резолюция о территориальной целостности Украины (из 193 стран-членов 100 поддержали документ, 11 высказались против, 58 воздержались). Отметим, что 24 страны не принимали участия в голосовании, в т.ч. Сербия и Босния и Герцеговина. Решение о самоустраниении Сербии, очевидно, не осталось незамеченным в Брюсселе и стало очередным подтверждением тому, что эта страна-кандидат по-прежнему следует в фарватере политики Москвы. Отметим, что в 2008 г. Сербия подписала Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС (в 2013 г. оно вступило в силу), в рамках которого приняла обязательства координировать внешнеполитический курс с общеевропейским в соответствии с принципами Общей внешней политики и политики безопасности. Эффект от очередного демарша всё же смягчило то обстоятельство, что Белград формально не признал референдум в Крыму, что было ожидаемо, учитывая историю развития

косовского вопроса. Примечательно, что в заявлениях о поддержке самоопределения Крыма российские власти часто ссылались на прецедент отделения Косово и Метохии [Po pitanju Krima – Srbija ostaje uzdržana, 2014; Srbija ne uvodi sankcije Rusiji, 2014]. Объясняя позицию Сербии по вопросу санкций, премьер-министр А. Вучич заявил, что это “означало бы идти против тех, кто никогда не вводил санкции в отношении Сербии, даже когда она подвергалась бомбардировкам и когда другие нарушали её территориальную целостность” [Сербия не будет вводить санкции против России, 2014].

Сложившаяся политическая обстановка способствовала тому, что список основных тем для обсуждений в ходе официальных российско-сербских встреч на высшем уровне был расширен за счёт ситуации на Украине. В мае и июне 2014 г. Белград с официальными визитами посетили С. Нарышкин и С. Лавров, а в июле для премьер-министра страны А. Вучича в Москве были организованы встречи с В. Путиным и Д. Медведевым. Визит премьер-министра Сербии в Россию и совместные заявления сторон не остались без внимания в странах Запада, которые усилили давление на официальный Белград. Представители руководства США и ЕС настоятельно рекомендовали властям Сербии как можно скорее присоединиться к антироссийским санкциям. В одном из интервью президент страны Т. Николич отметил, что поддержка санкций против России была бы “губительным шагом для Сербии”, а страна “лишилась бы опоры в Совете Безопасности ООН”. Кроме того, за введением санкций последовало бы “разрушение братских отношений между двумя народами, за которые боролись наши предки” [Президент Сербии: мы ни в коем случае не должны присоединяться к санкциям против России, 2014]. В интервью каналу “Россия 24” в сентябре 2014 г. А. Вучич подтвердил, что и в это “невероятно тяжёлое время” Сербия не будет вводить санкции и останется “лучшим другом [России] в Европе”. Руководство страны неоднократно обсуждало “украинскую проблему” с ведущими европейскими политиками, которые призывали Сербию поддержать позицию ЕС, но пойти на конфронтацию с Москвой официальный Белград так и не решился.

В октябре 2014 г. произошло знаковое событие для российско-сербских отношений – визит Президента РФ В. Путина в Белград, приуроченный к 70-летию освобождения столицы Сербии от немецко-фашистских захватчиков. Программа визита предполагала его встречи с Т. Николичем и А. Вучичем, подписание двухсторонних соглашений, а также участие в торжествах в честь освобождения Белграда, главным мероприятием которых стал военный парад. В переговорах с руководством Сербии были затронуты темы взаимной торговли (в т.ч. увеличение объёмов экспорта аграрной продукции в РФ) и инвестиций, антироссийских санкций, обеспечения поставок газа в Европу в условиях эскалации украинского кризиса. Кроме того, двухсторонние встречи позволили сверить часы по важнейшим внешнеполитическим вопросам в преддверии председательствования Сербии в ОБСЕ в 2015 г. Одним из наиболее важных для Белграда стало решение об установлении определённой квоты на поставки производимых в Сербии автомобилей Fiat¹. Сто-

¹ Возможность отмены 30%-ной пошлины на ввоз автомобилей Fiat (в г. Крагуевац действует завод итальянского концерна) обсуждалась ещё в Москве в марте 2013 г. [Fiat заедет в Россию из Сербии, 2013]. Однако предметное обсуждение взаимных квот на беспошлинные поставки машин состоялось лишь в апреле 2015 г. в формате Евразийской экономической комиссии – регулирующего органа Таможенного союза (ТС). Предполагается, что возможностью свободного доступа на сербский рынок и включения в тарифную квоту воспользуется “Группа ГАЗ” [Fiat рубит окно в Россию из Белграда, 2015]. Согласно серб-

роны подписали семь соглашений и меморандумов, в т.ч. о военно-техническом сотрудничестве и взаимной защите секретной информации, энергетической эффективности, модернизации ж.-д. "Коридора 10" и поставках дизель-поездов.

О важности визита свидетельствует тот факт, что военный парад "Шаг победителя", организованный к приезду делегации из России (16 октября вместо 20 октября – даты освобождения Белграда), стал первым за 29 лет. В параде приняли участие 4,5 тыс. сербских военнослужащих, а его кульминацией стало выступление российской пилотажной группы "Стрижи". Масштабы подготовки к визиту В. Путина в Белград, а также внимание общественности к этому событию свидетельствуют о его значимости для укрепления внешнеполитической позиции Сербии. Создание более чем дружественной атмосферы во время приёма российской делегации требовало определённой политической смелости от руководства страны, учитывая нараставшее давление из Брюсселя. В европейских СМИ, комментировавших итоги визита В. Путина в Сербию, высказывались предположения о том, что действие санкций вынуждает Россию усиливать своё влияние в тех странах континента, которые одобряют её внешнеполитический курс.

Одним из предсказуемых отрицательных последствий приёма российской делегации стало усиление критики позиции Сербии чиновниками Евросоюза, причём изменился и тон их заявлений. Так, в ноябре 2014 г. Еврокомиссар по европейской политике соседства и переговорам по расширению Й. Хан накануне визита в Белград подчеркнул, что для участия в переговорном процессе Сербия обязана координировать свою внешнюю политику с ЕС, в т.ч. и по вопросу введения санкций [EU official urges Serbia to "support sanctions", 2014; Han: Sankcije Rusiji – obaveza Srbije, 2014]. Некоторое время спустя он вынужден был оговориться, что поддержка санкций всё же не является условием для запуска переговоров о вступлении, а Сербия как суверенное государство вправе само определять приоритеты внешней политики. Т. Николич в ответном комментарии отметил, что Сербия "ни сегодня, ни в ближайшие часы, ни в ближайшие годы" к санкциям не присоединится.

Визит российского президента в Белград не остался без внимания ведущих европейских СМИ, поспешивших объявить о росте влияния России на Балканах. Так, немецкий журнал *Spiegel* напечатал выдержки из анализа МИД Германии об отношениях России и Сербии, в котором сообщается об опасности "экспансионистской политики" Москвы и использовании "панславистской риторики" для достижения собственных целей. По мнению авторов доклада, после вступления в ЕС Сербия и ряд других балканских стран могут стать проводниками интересов российской внешней политики в Брюсселе. Характерно, что в немецкой прессе стремление Сербии сохранить доброжелательные отношения как с ЕС, так и с Россией сравнивают с попыткой "сесть на шпагат" [Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans, 2014; Srpski front, 2014].

Германия, очевидно, играет ключевую роль в процессе евроинтеграции Сербии (достаточно вспомнить проблемы с получением статуса кандидата), поэтому выступления немецких официальных лиц и представителей в структурах ЕС важны для понимания перспектив внешней политики Брюсселя в отношении Белграда [Berlin widerspricht Brüssel bei Russland-Sanktionen, 2014; Serbia under no obligation, but should join sanctions, 2014]. В этой связи показательно заявление А. Меркель о внешнеполитических интересах России, опубликованное *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: "Речь идёт не только лишь об Украине. Речь идёт о Молдавии, о Грузии, и,

если так пойдет дальше, ... то речь может пойти о Сербии, о государствах западных Балкан” [Merkel: Putin tritt das Recht mit Füßen, 2014].

Относительная внешнеполитическая независимость Сербии накануне наделения её функцией страны–председателя ОБСЕ в 2015 г. вызывала беспокойство у официального Брюсселя. Важное международное положение Сербии, по мнению управляемцев ЕС, может быть использовано Россией для влияния на резолюции организации по украинскому кризису. Во всяком случае в Брюсселе уже дали понять, что Сербия постепенно переходит в разряд “двоечников” переговорного процесса. В декабре 2014 г. Еврокомиссия обнародовала статистику голосования стран-кандидатов по важным для единой Европы проблемам, на основании которой сделан вывод, что Сербия (вместе с Турцией) в наименьшей степени следует рекомендациям из Брюсселя, тогда как результаты голосования, к примеру, Албании вызывают наибольшее одобрение. Еврокомиссар Й. Хан обратил внимание на необходимость выполнения Брюссельского соглашения, подписанного Белградом и Приштиной в апреле 2013 г. Существование двух условий для начала переговоров Сербии о вступлении в Евросоюз – нормализации отношений с Косово и введения санкций против России – подтверждено в резолюции Европарламента по докладу о прогрессе Сербии на пути в ЕС (январь 2015 г.). В черновой версии резолюции высказано сожаление, что официальный Белград отказывается присоединяться к “рестриктивным мерам” в отношении России [EU Resolution Tells Serbia to Back Russia Sanctions, 2015].

Усиливающееся давление Евросоюза на Сербию в связи с её внешнеполитической ориентацией, очевидно, является и предметом спекуляций внутри самой страны (к примеру, “непоколебимая” позиция якобы свидетельствует о политической смелости её руководства и повышает рейтинг партии власти и её лидера). Весь вопрос в пределе терпения брюссельских чиновников и их готовности перейти от слов к делу – замедлении процесса переговоров об интеграции под надуманными предлогами. С другой стороны, для ЕС существует опасность, что резким охлаждением отношений с официальным Белградом воспользуется Москва, которая сможет упрочить свои позиции в Сербии и на Балканах в целом.

Основные направления развития российско-сербских отношений в 2015 г.

Встречи между представителями руководства России и Сербии в 2015 г. были посвящены трём основным темам: антироссийским санкциям стран Запада и отношению к ним официального Белграда, международной деятельности Сербии в качестве председательствующей страны в ОБСЕ, а также её возможному участию в реализации проекта “Турецкий поток”. Активное сотрудничество по другим направлениям (модернизация ж.д. инфраструктуры, поддержка импорта продовольствия из Сербии, соглашения в военной и гуманитарной сфере) свидетельствует о сохранении взаимного интереса к углублению двусторонних связей.

Позиция сербских властей в отношении санкций против России в 2015 г. не изменилась, несмотря на новые попытки давления со стороны Брюсселя. Более того, решение об участии президента страны в юбилейных торжествах 9 мая в Москве внесло дополнительные сложности в политический диалог с Евросоюзом. Визит сербской делегации в Россию, приуроченный к параду Победы, следует расценивать как болезненное поражение европейской дипломатии на балканском направлении (равно как и приглашение президента России на празднование 70-летия освобождения Белграда в 2014 г.). Важное символическое значение имело также участие в параде 75 сербских военных, представлявших Национальную гвардию.

Впрочем, для смягчения нежелательного для отношений с Брюсселем эффекта от визита Т. Николича в Москву в Киев на мероприятия Дня памяти и примирения 8 мая было решено направить главу МИД И. Дачича. Оказалось, что в Белграде не зря рассчитывали на высокий внешнеполитический статус действующего председателя ОБСЕ [Сербия успеет и в Москву, и в Киев, 2015].

Таблица 1.

Встречи официальных лиц в двустороннем формате в первой половине 2015 г.

9 мая 2015 г.	Москва	Т. Николич	Участие президента Сербии в юбилейных торжествах, посвященных 70-летию Победы.
12 и 13 мая 2015 г.	Белград	В. Матвиенко – Т. Николич	Оценка двусторонних торговых и инвестиционных связей. Обсуждение гарантий поставок российского природного газа.
14 и 15 мая 2015 г.	Белград	С. Лавров – А. Вучич, Т. Николич, И. Дачич	Обмен мнениями о результатах деятельности Сербии как председательствующей страны в ОБСЕ. Обсуждение проблем безопасности на Балканах в контексте событий в Македонии; заявления о схожести позиций в отношении угроз стабильности в регионе. Переговоры о возможном участии Сербии в разрабатываемых проектах по транспортировке газа, а также привлечении рос.капитала в рамках приватизации. Заявления о перспективах развития гуманитарного центра в Нише ¹ .
28 мая 2015 г.	Белград	А. Миллер – А. Вучич	Переговоры об условиях поставок газа в Сербию по планировавшемуся газопроводу “Турецкий поток”.
15-17 июня 2015 г.	Белград	А. Пушков – А. Вучич, Т. Николич	Обсуждение вопросов активизации межпарламентских связей; предложение рос.стороны о формировании межпарламентских комиссий со Скупщиной Сербии. Подтверждение позиции Сербии в отношении антироссийских санкций.
19 июня 2015 г.	Санкт-Петербург	С. Лавров – И. Дачич	Встреча в рамках ПМЭФ-2015. Обсуждение роли ОБСЕ в урегулировании конфликта на Украине.

В течение первых месяцев 2015 г. руководство Сербии сделало ряд заявлений о стремлении диверсифицировать структуру поставок энергоносителей (в первую очередь природного газа), что свидетельствует о важных изменениях в энергетической политике страны. Отказ от строительства “Южного потока”, на транзитные возможности которого полагался Белград, а также планируемое “Газпромом” прекращение использования украинского маршрута поставок побудили Сербию начать поиск альтернативных источников. Евросоюз и США, очевидно, получили благоприятную возможность снизить уровень зависимости Сербии от российского газа и в целом повлиять на потенциал её сотрудничества с Россией в энергетической сфере. Официальная Москва, в свою очередь, предпринимает попытки сохранить доверие к “Газпрому” как к ключевому поставщику, предоставляя гарантии экспорта оговорённых контрактом объёмов газа в Сербию и в будущем. Задача убедить сербских партнёров в надёжности “Газпрома” была возложена на С. Лаврова, А. Миллера и В. Матвиенко, посетивших Белград в течение всего нескольких недель

¹ Негативные последствия для развития совместного гуманитарного центра в Нише, очевидно, будут иметь дальнейшее сближение Сербии с НАТО и Евросоюзом (в сфере безопасности). Так, в марте 2015 г. Сербия подписала с НАТО индивидуальный план партнёрства IPAP, что даёт организации возможность использовать военную инфраструктуру страны, а с ЕС – в апреле 2015 г. – соглашение о присоединении к механизму гражданской обороны.

после торжественных мероприятий в Москве в мае 2015 г. На встрече с А. Вучичем председатель правления “Газпрома” А. Миллер заявил о намерении неукоснительно исполнять обязательства по поставкам газа до 2023 г. (по соглашению 2013 г. – 1,5 млрд куб.м ежегодно).

Наиболее широкий спектр вопросов двустороннего сотрудничества обсуждался в ходе визита С. Лаврова в Белград в мае 2015 г., который состоялся всего нескользко дней спустя после событий в Македонии – вооружённого противостояния местных сил правопорядка с экстремистами из Косово. В связи с этим одной из тем переговоров стало противодействие угрозам безопасности на Балканах (в т.ч. проекту “Великая Албания”), возникающим, по словам С. Лаврова, из-за недостаточных усилий ЕС по разрешению конфликтов. Российская сторона также выразила нежелание участвовать в “ментальной конфронтации” с Брюсселем в процессе разработки и реализации стратегических проектов в регионе [Визит времен македонского, 2015; Nikolić i Lavrov zabrinuti za bezbednost u regionu, 2015]. Утверждалось, что Россия намерена развивать сотрудничество в инвестиционной сфере за счёт приобретения сербских госактивов, а также создания газотранспортной инфраструктуры. Высокую оценку С. Лавров дал работе сербских дипломатов в ОБСЕ и роли Сербии в урегулировании конфликта на Украине. Отметим, что руководители МИД России и Сербии встретились на Петербургском международном экономическом форуме в июне, где также обсудили приоритетные направления деятельности ОБСЕ.

Официальная Москва не скрывает своих ожиданий от председательствования Сербии в ОБСЕ, чтобы с её помощью повлиять на решения организации по ряду внешнеполитических вопросов. В свою очередь, Россия проводит последовательную политику в отношении урегулирования межнациональных конфликтов на Балканах, используя в ряде случаев возможности постоянного членства в СБ ООН. В июле 2015 г. Сербия вновь понадобилась помочь России для защиты национальных интересов: в канун 20-летней годовщины трагедии в боснийской Сребренице Великобритания подготовила проект резолюции СБ ООН, в котором убийство 8 тыс. мусульман характеризуется как геноцид. С поддержкой инициативы выступили и в США, где была принята резолюция об осуждении событий в Сребренице как “самого ужасного преступления со времен Второй мировой войны”.

Большая часть населения Сербии, очевидно, данное предложение восприняла крайне негативно, осознавая его деструктивную роль для процесса примирения и сближения двух народов. Отметим, что ещё в 2010 г. парламент страны выступил с осуждением массовых убийств в Сребренице, избежав, по понятным причинам, трактовки случившегося как геноцида. С просьбой заблокировать британский проект резолюции к В. Путину обратился сербский президент Т. Николич, что было неоднозначно воспринято как внутри страны, так и за рубежом¹. Данная инициатива стала источником новых сомнений в целесообразности поездки премьер-министра А. Вучича в Боснию и Герцеговину на мероприятия, посвящённые годовщине трагедии в Сребренице².

Россия воспользовалась правом вето в СБ ООН и заблокировала резолюцию по Сребренице, несмотря на то что Великобритания несколько раз меняла её содержание.

¹ Ряд экспертов указывал на то, что обращение президента повредило имиджу Сербии на международной арене, и в нём вообще не было необходимости, поскольку Россия с большой долей вероятности воспрепятствовала бы планам стран Запада в продвижении резолюции.

² В результате поездка А. Вучича всё же состоялась, но обернулась международным скандалом: сербская делегация была спешно эвакуирована из Сребреницы вследствие нападения на премьер-министра представителей боснийских радикальных движений.

ние, отказываясь от некоторых резких формулировок¹. Официальная Москва перед этим подготовила свой вариант резолюции, в котором осуждались военные преступления, совершённые всеми сторонами межнационального конфликта в Боснии и Герцеговине, и была исключена трактовка “геноцид” в отношении убийств в Сребренице. В заявлении МИД России по поводу голосования по британскому проекту резолюции указывалось, что её “принятие лишь разбередит старые раны” и усилит межнациональную напряжённость на Балканах. Излишне говорить, что результат голосования в СБ ООН в самой Сербии был воспринят как внешнеполитическая победа [Руски вето заставило британскую резолюцию, 2015; В боснийское примирение бросили камень, 2015].

Кризис энергетического диалога между Россией и Сербией: возврат к точке отсчёта

Наиболее масштабным инвестиционным проектом на территории Сербии в 2010-х гг. являлось строительство газопровода “Южный поток”, координировавшееся международным консорциумом энергетических компаний под руководством “Газпрома”². Данный проект выступал ключевым элементом в системе отношений Москвы и Белграда, определяя параметры и направления сотрудничества – от военно-технической до финансовой сферы.

Двусторонние переговоры России со странами-участницами проекта проходили с переменным успехом, поскольку внутриполитические изменения в некоторых государствах влекли за собой пересмотр уже достигнутых договоренностей. Сербия в этой связи относилась к числу наиболее последовательных партнёров: при любом составе кабинета министров соглашение о сооружении газопровода не становилось предметом политического торга.

Согласно плану, на территории Сербии должен был быть построен магистральный газопровод длиной 421 км и пропускной способностью 63 млрд куб. м газа (от границы с Болгарией (Заечар) до границы с Венгрией (Бачки-Брег); с ответвлениями в Боснию и Герцеговину и Хорватию). В ноябре 2009 г. было создано совместное предприятие South Stream Serbia AG, акционерами которого стали “Газпром” (51%) и сербская госкомпания Srbijagas (49%). В 2014 г. был проведён тендер, по результатам которого компанией-подрядчиком стала дочерняя фирма “Газпрома” – “Центргаз”.

¹ При этом представители четырех стран (Китая, Венесуэлы, Нигерии и Анголы) воздержались при голосовании, указав на отсутствие компромисса при обсуждении проекта и выразив своё несогласие с позицией Великобритании, что принятие резолюции будет способствовать примирению сторон конфликта.

² В числе реализованных инвестиционных проектов в энергетике Сербии выделяется покупка в январе 2009 г. “Газпром нефтью” 51% акций нефтяного концерна Naftna Industrija Srbije (NIS). Объём уплаченных за контрольный пакет средств (400 млн евро) стал в Сербии предметом общественной критики: она содержала как обвинения руководства страны в умышленном занижении стоимости компании, так и негативное отношение к “экспансионизму” российского бизнеса. Деятельность крупнейшей в стране компании неизбежно связана со столкновением интересов различных групп влияния, в т.ч. представляющих высшие эшелоны власти. Так, согласно одному из решений правительства, Сербия вернула себе право влиять на политику NIS, что вызвало резкую ответную реакцию со стороны “Газпрома”. Отметим, что оговорённая в процессе приватизации программа модернизации активов предприятия, прежде всего двух НПЗ в Панчево (завершена в октябре 2012 г.) и Нови-Саде, предполагает капиталовложения в размере 550 млн евро, а общая сумма инвестированных к 2014 г. средств превысила 1,5 млрд евро.

Финансирование “Газпромом” строительных работ (около 2 млрд евро) предполагалось с условием постепенного возмещения вложенных средств за счёт вычета платежей за транзит газа¹. Первым объектом, введённым в строй в рамках реализации проекта “Южный поток”, стало подземное хранилище газа “Банатски-Двор” в Воеводине (2011 г.; активный объём – 450 млн куб. м). Работы по сооружению самого газопровода начались близ г. Нови-Сад в ноябре 2013 г.

Россия добивалась от стран-транзитёров присвоения соответствующим участкам газопровода статуса национального проекта, и Сербия стала первым из государств-партнёров, предоставивших такой статус (в феврале 2013 г.). Кроме того, от Еврокомиссии “Газпром” стремился получить для “Южного потока” статус трансграничной сети, чтобы избежать применения мер Третьего энергопакета ЕС в отношении собственной деятельности, к примеру, необходимости “делиться” трубопроводной инфраструктурой с третьими поставщиками. Решение Сербии являлось примером прагматичного подхода к экономическому сотрудничеству: официальный Белград, в частности, добился выделения нового льготного займа для покрытия бюджетного дефицита и получил возможность привлечь инвестиции российских госкомпаний в другие секторы экономики.

Возможные последствия сворачивания проекта строительства “Южного потока”, о котором представители российского руководства заявили в начале декабря 2014 г., были со всей серьёзностью проанализированы в Сербии. Данная проблема рассматривалась не только с позиции энергетической безопасности, но и с учётом недополученной выгоды и потери средств, вложенных во время многолетнего переговорного процесса. По словам А. Вучича, Сербия “расплачивается за [конфликт] больших держав” и “ничем не способствовала принятию такого решения”. В этой связи большинство сербских экспертов считает, что Белград вправе требовать компенсацию, однако ни в одном двустороннем соглашении (к примеру, о приватизации NIS) о такой возможности ничего не сказано. Посол РФ в Сербии А. Чепурин сделал заявление о вероятном возмещении ущерба российской стороной, хотя изначально вопрос о компенсации предлагал официальному Белграду обсуждать с Евросоюзом.

Новый тренд в энергетической политике страны обязан своим возникновением в первую очередь переоценкой монопольного положения России как поставщика энергоносителей. Уже в январе 2015 г. А. Вучич сделал заявление, что Сербия “слишком зависит от российских энергоносителей”, и в вопросе их поставок необходимо следовать собственным интересам. В следующем месяце произошли события, которые были названы “драматичным разворотом” в энергетической политике: на встрече с Дж. Байденом и В. Нуланд в Мюнхене А. Вучич договорился о поставках газа по лоббируемым США маршрутам – “Трансанатолийскому газопроводу” (TANAP) или по трубопроводу от хорватского о. Крк, где будет сооружён терминал по регазификации СПГ. Следует отметить, что некоторые российские СМИ жёстко отреагировали на договорённости сербского руководства с США, хотя сама проблема диверсификации структуры поставок газа в репортажах не поднималась².

¹ Объёмы поставок российского газа в Сербию составили 1,4 млрд куб. м. в 2011 г. и по 1,5 млрд куб. м в 2012–2014 г., при этом зависимость балканской республики от импорта газа из России близка к 100%. В марте 2013 г. был подписан новый десятилетний контракт на поставку российского газа в объёме 1,5 млрд куб. м в год. Сырьё поступает оператору газопроводов Yugogaz (50% – “Газпром”, 25% – Srbijagas), а его распределением занимается принадлежащая государству компания Srbijagas.

² Так, телеканал Russia Today обрушился с критикой на правительство А. Вучича в связи с заключением им контракта с консалтинговой фирмой бывшего премьер-министра Великобритании Т. Блэра, напомнив о его роли в бомбардировках Югославии.

Официальная Москва в борьбе за контроль над энергетическими рынками тоже не теряла времени даром: в апреле 2015 г. в Будапеште была организована встреча глав МИД Турции, Греции, Македонии, Сербии и Венгрии, на которой обсуждались перспективы реализации проекта “Турецкий поток” [Клуб друзей “Газпрома”, 2015]. Судя по интервью И. Дачича после июньской встречи с С. Лавровым в Санкт-Петербурге, официальный Белград пока занимает выжидательную позицию. Отметим в этой связи, что накануне участия в торжествах Дня Победы в Москве президент страны Т. Николич сделал заявление, что “...реализация “Турецкого потока” невозможна, и из этого направления мы газ получать не будем”. Как и ожидалось, администрация президента поспешила опровергнуть его слова [Президент Сербии исключил возможность реализации в стране проекта “Турецкий поток”, 2015].

Проблема диверсификации структуры импорта энергоносителей стала одной из основных тем переговоров в ходе визита премьер-министра страны А. Вучича в США в июне 2015 г. Поездка сербской делегации в Вашингтон была запланирована на конец года, но, согласно сообщениям ряда СМИ, американцы решили “действовать на опережение” в связи с возросшей дипломатической активностью России (в качестве решающего фактора называется участие Т. Николича в праздновании Дня Победы в Москве) [Сербия склоняется к Западу, 2015]. Премьер-министр Сербии на встречах с Дж. Байденом и рядом конгрессменов обсудил приоритеты энергетической политики, взаимоотношения с Приштиной и планы по сближению с НАТО. Однако резонансным получился не сам визит, а события его предварявшие: в интервью агентству AP А. Вучич заявил, что Сербия приветствует поставки сжиженного газа из США, а также в перспективе может использовать газ из Азербайджана, который должен поступать по лоббируемому Вашингтоном и Брюсселем Трансадриатическому газопроводу (ТАР)¹. По словам премьер-министра, диверсификация структуры поставок важна не только для Сербии, но и “для наших американских друзей”, а для обеспечения энергетической безопасности нужно стремиться “получать газ со всех сторон”. Примечательно, что данное заявление А. Вучич сделал накануне визита в Белград делегации “Газпрома” во главе с А. Миллером [Сербия ищет другой газ, 2015].

Общественное мнение о перспективах отношений с Россией и странами Запада

В сербском обществе вопрос антироссийских санкций не остается без должного внимания. Ожидаемо, что сторонники безусловной поддержки стран Запада в этом вопросе остаются в меньшинстве – в их числе как идеиные противники углубления сотрудничества с Россией, так и прагматики, ищащие от введения санкций рациональных преимуществ. С их точки зрения, польза от политической ориентации на Россию является минимальной, а взятого курса на интеграцию с ЕС необходимо неукоснительно придерживаться. Таким образом, моральная обязанность Сербии – следовать в фарватере внешней политики Брюсселя. Даже в лагере противников тесных отношений с Россией признают, что санкции политически и экономически

¹ Кроме того, существует проект газопровода “Восточное кольцо” (через Болгарию, Румынию, Венгрию и Словакию), по многим параметрам схожий с небезызвестным “Набукко”. Глава МИД И. Дачич назвал политику Брюсселя лицемерной, когда в Санкт-Петербурге получил подтверждение о стремлении ЕС строить газопровод в обход Сербии. Представители Еврокомиссии, в свою очередь, утверждают обратное, несмотря на то что ни в одном проекте маршрута “Восточного кольца” Сербия в качестве транзитной страны не рассматривается [Европа не жели Србију у “Источном прстену”, 2015].

невыгодны Сербии, хотя бы принимая во внимание проблемы энергетической безопасности и зависимости хозяйственного роста от экспортных поставок. Компенсации потерь от введения санкций или других видов помощи от ЕС ждать, очевидно, не приходится [Zašto Srbija ne treba da uvede sankcije Rusiji, 2014; Čekajući da nas baćuške okupiraju, 2014].

На мнение общественности о необходимости углубления двустороннего сотрудничества может отрицательно повлиять отказ России от реализации проекта “Южный поток”. Сложившуюся ситуацию в своих интересах пытается использовать ряд общественных организаций, призывающих к стратегическому сближению с ЕС и НАТО.

Характер общественных настроений иллюстрируют результаты социологических опросов. В 2012 г. расширение формата взаимоотношений с Россией поддерживали более 3/5 опрошенных, тогда как возможное вступление в ЕС и присоединение к НАТО – менее половины и седьмой части респондентов соответственно. Опрос американской Gallup в ноябре 2014 г. показал, что 57% граждан приветствуют вступление страны в ЕС (против – 28%). В январе 2015 г. компания Ninnamedia опубликовала результаты исследования общественного мнения по вопросу возможной длительности процесса переговоров с Брюсселем: около 2/5 опрошенных полагают, что для вступления в ЕС Сербии потребуется от 5 до 10 лет, а 1/10 – более 10 лет. Прогнозируя действия властей Сербии в отношении антироссийских санкций, большая часть тех же респондентов уверена в неизменности их позиции в будущем: 57% полагают, что давление ЕС окажется безрезультатным, а 33% – что внешнеполитический курс придётся пересмотреть. Примечательно, что 38,5% опрошенных главным союзником Сербии считают Россию, а 16,1% – Китай, тогда как Германию упомянули всего 5,4, Грецию – 4,3, Францию – 2,9% респондентов [Većina građana smatra da nećemo uvesti sankcije Rusiji, 2015].

* * *

Прагматичный подход Сербии к сотрудничеству с Россией сочетается с формированием чёткого внешнеполитического вектора на сближение с Евросоюзом. Участие Сербии в процессе европейской интеграции не является препятствием для углубления социально-экономических связей с Россией. Москва разделяет позицию Белграда по широкому спектру внешнеполитических вопросов (в т.ч. по проблеме статуса Косово и Метохии), рассчитывая на поддержку союзника в решении собственных задач на международной арене. Россия остаётся одним из основных торговых и инвестиционных партнёров Сербии и продолжает играть важную роль в обеспечении финансовой устойчивости, обороноспособности и энергетической безопасности страны. В 2013 г. стороны подписали декларацию о стратегическом партнёрстве, а также соглашение о сотрудничестве в военной сфере.

Углубление конфликта в отношениях России со странами Запада в 2014 г. сказалось на развитии российско-сербских связей. Эскалация политического, а затем и военного кризиса на Украине потребовала от властей Сербии дополнительных усилий в сохранении баланса в отношениях с Брюсселем и Москвой и вынужденного маневрирования между geopolитическими полюсами. Официальный Белград находится в непростых условиях выбора внешнеполитической ориентации: с одной стороны, поддержка рестриций Евросоюза позволит избежать осложнений на этапе интеграции, а с другой – от действий Москвы в значительной степени зависит экономический рост и позиции страны на международной арене.

Отказ от реализации проекта “Южный поток” и планируемое сокращение транзита российского газа через Украину вынуждают власти Сербии со всей серьёзностью относиться к проблеме энергетической безопасности страны. Усилия российской дипломатии в 2015 г. были направлены на то, чтобы убедить Белград в гарантированных поставках газа по другим маршрутам. Однако опыт переговоров и участия в строительстве “Южного потока” давал руководству Сербии право сомневаться в радужных перспективах “Турецкого потока” и, к очевидному неодобрению России, активизировать поиск альтернативных источников природного газа. Российскому руководству, очевидно, придётся приложить усилия, чтобы убедить Сербию и другие страны региона в преимуществах собственных проектов по сравнению с лоббируемыми Вашингтоном и Брюсселем маршрутами трансграничных трубопроводов.

Список литературы

- В боснийское примирение бросили камень // Коммерсантъ. 13.07.2015.
 Визит времён македонского // Коммерсантъ. 16.05.2015.
 Клуб друзей “Газпрома” // Коммерсантъ. 08.04.2015.
 Президент Сербии: мы ни в коем случае не должны присоединяться к санкциям против России // ТАСС. 31.07.2014.
 Президент Сербии исключил возможность реализации в стране проекта “Турецкий поток” // Интерфакс. 07.05.2015.
 Сербия ищет другой газ // Коммерсантъ. 28.05.2015.
 Сербия не будет вводить санкций против России // Ведомости. 01.04.2014.
 Сербия склоняется к Западу // Коммерсантъ. 01.06.2015.
 Сербия успеет и в Москву, и в Киев // Коммерсантъ. 06.05.2015.
 Европа не жели Србију у “Источном прстену” // Политика. 03.07.2015.
 Руски вето заставило британску резолуцију // Политика. 09.07.2015.
 Berlin widerspricht Brüssel bei Russland-Sanktionen // Handelsblatt. 09.12.2014.
 Čekajući da nas baćuške okupiraju // E-novine. 09.08.2014.
 EU official urges Serbia to “support sanctions” // Tanjug. 14.11.2014.
 EU Resolution Tells Serbia to Back Russia Sanctions // Balkan Insight. 08.01.2015.
 Fiat заедет в Россию из Сербии // Коммерсантъ. 20.03.2013.
 Fiat рубит окно в Россию из Белграда // Коммерсантъ. 08.04.2015.
 Han: Sankcije Rusiji - obaveza Srbije // Večernje Novosti. 19.11.2014.
 Merkel: Putin tritt das Recht mit Füßen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 17.11.2014.
 Nikolić i Lavrov zabrinuti za bezbednost u regionu // Politika. 15.05.2015.
 Po pitanju Krima – Srbija ostaje uzdržana // Deutsche Welle. 19.03.2014.
 Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans // Spiegel. November 17, 2014.
 Serbia under no obligation, but should join sanctions // Tanjug. 09.12.2014.
 Srbija ne uvodi sankcije Rusiji // Večernje Novosti. 21.03.2014.
 Srpski front // Vreme. No. 1246, 20.11.2014.
 Većina građana smatra da nećemo uvesti sankcije Rusiji // Novi Magazin. 29.01.2015.
 Zašto Srbija ne treba da uvede sankcije Rusiji // E-novine. 21.08.2014.

References

- V bosnijskoye primireniye brosili kamen' [The stone was thrown in Bosnian reconciliation], Kommersant [The Businessman], 13 July 2015.
 Vizit vremyon makedonskogo [The visit of the Macedonian era], Kommersant [The Businessman], 16 May 2015.
 Klub druzey “Gazproma” [Friends Club of ‘Gazprom’], Kommersant [The Businessman], 08 April 2015.
 Prezident Serbii: my ni v koem sluchae ne dolzhny prisoedinyat'sya k sankcijam protiv Rossii [The President of Serbia: we shouldn't join sanctions against Russia in any case], TASS [TASS], 31 July 2014.
 Prezident Serbii isklyuchil vozmozhnost' realizatsii v strane projekta “Turetskiy potok” [Serbian President eliminated the possibility of ‘Turkish Stream’ project implementation], Interfaks [Interfax], 07 May 2015.
 Serbiya ishchet drugoy gaz [Serbia is looking for the other gas], Kommersant [The Businessman], 28 May 2015.
 Serbiya ne budet vvodit' sankcii protiv Rossii [Serbia will not impose sanctions on Russia], Vedomosti [Gazette], 01 April 2014.

Serbiya sklonayetsya k Zapadu [Serbia is tilted to the West], Kommersant [The Businessman], 01 June 2015.

Serbiya uspet i v Moskvu, i v Kiyev [Serbia will have time both for Moscow and Kiev], Kommersant [The Businessman], 06 May 2015.

Европа не жели Србију у “Источном прстену” [The Europe doesn't want Serbia in the 'Eastern Ring'], Politika [Politics], 03 July 2015.

Руски вето зауставио британску резолуцију [Russian veto halted the British resolution], Politika [Politics], 09 July 2015.

Berlin widerspricht Brüssel bei Russland-Sanktionen, Handelsblatt, 09 December 2014.

Čekajući da nas baćuške okupiraju [Waiting for the occupation of brothers], E-novine [E-newspapers], 09 August 2014.

EU official urges Serbia to “support sanctions”, Tanjug, 14 November 2014.

EU Resolution Tells Serbia to Back Russia Sanctions, Balkan Insight, 08 January 2015.

Fiat заедет в Россию из Сербии [Fiat will come to Russia via Serbia], Kommersant [The Businessman], 20 March 2013.

Fiat рубит окно в Россию из Белграда [Fiat to open a new window in Russia from Belgrade], Kommersant [The Businessman], 08 April 2015.

Han: Sankcije Rusiji – obaveza Srbije [Hahn: Sanctions against Russia is obligation of Serbia], Večernje Novosti [The Evening News], 19 November 2014.

Merkel: Putin tritt das Recht mit Füßen, Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17 November 2014.

Nikolić i Lavrov zabrinuti za bezbednost u regionu [Nikolic and Lavrov are concerned about the regional security], Politika [Politics], 15 May 2015.

Po pitanju Krima – Srbija ostaje uzdržana [Serbia remains neutral on the Crimean issue], Deutsche Welle, 19 March 2014.

Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans, Spiegel, 17 November 2014.

Serbia under no obligation, but should join sanctions, Tanjug, 09 December 2014.

Srbija ne uvodi sankcije Rusiji [Serbia will not impose sanctions on Russia], Večernje Novosti [The Evening News], 21 March 2014.

Srpski front [Serbian front], Vreme [Time], No. 1246, 20 November 2014.

Većina građana smatra da nećemo uvesti sankcije Rusiji [The majority of citizens believes that we will not impose sanctions on Russia], Novi Magazin [New Journal], 29 January 2015.

Zašto Srbija ne treba da uvede sankcije Rusiji [Why Serbia shouldn't impose sanctions on Russia], E-novine [E-newspapers], 21 August 2014.

Relations of Serbia with Russia and EU as viewed by national press-media

Authors. Lobanov M.M., Senior Research Fellow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. **Address:** 32, Nakhimovskiy prosp., Moscow, 117218, Russian Federation. **E-mail:** m.m.lobanov@rambler.ru

Zvezdanović-Lobanova E., MSc, Research Assistant, Institute of Social Sciences, Belgrade. **Address:** 45, Kraljice Natalije str., Belgrade, 11000, Serbia. **E-mail:** jzvezdanovic@idn.org.rs

Abstract. Growing tensions between Russia and the West modify the foreign policy of the Balkan countries. A typical example is the Republic of Serbia, which strives to maintain an equidistant position in confrontation of geopolitical centers, but it is forced to be in the wake of the foreign policy of Brussels as a result of holding the status of the EU candidate country. The imposition of sanctions has shown the lack of unity of EU member states on the issue of relations with Russia. Belgrade considers the support of sanctions against Russia as unacceptable and is interested in increase of the volume of agricultural products export to the Russian market. Position of Serbia could be explained not only by economic pragmatism, but by the fact of the long history of friendly relations between the two countries.

Among the main challenges of the Russian-Serbian cooperation are difficulties in the development of energy dialogue, mainly caused by the cancellation of the “South Stream” project. The lack of security concerning natural gas supply after the probable suspension of Ukrainian supply route forces the Serbian authorities to make adjustments in energy policy, in particular, to accelerate the process of diversification of energy resources import. The West, therefore, has got a favorable opportunity to reduce the level of dependency of Serbia on Russian gas and, in general, to influence the potential of its cooperation with Russia in the energy sector.

Key words: Russia, Serbia, The European Union, the Balkans, foreign policy, bilateral cooperation, energy dialogue, sanctions, “South Stream”, “Turkish Stream”, Trans Adriatic Pipeline.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320167992>

СФЕРА ЭКОНОМИКИ

УДК 336.711

Анатолий БАЖАН,
Кирилл ГУСЕВ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье анализируется эволюция денежно-кредитной политики Европейского центрального банка в условиях финансового кризиса, поразившего страны еврозоны и Европейского союза в целом. Рассмотрены причины перехода к стратегии количественных смягчений, с помощью которой ЕЦБ пытается решать сразу две задачи: бороться с дефляцией с целью стимулирования экономического роста и не допускать дефолт государств валютного объединения, наиболее вовлечённых в кризис суверенных долгов. Показаны недостатки и противоречия этой стратегии.

Ключевые слова. Еврозона, кризис, монетарная политика, противоречия, количественные смягчения, дефляция, инфляция, суверенный долг, процентные ставки.

Мировой финансово-экономический кризис конца 2000-х гг. оказал глубокое воздействие на всю мировую экономику, в том числе на положение двух её главных действующих сил – США и ЕС. И если первые к середине 2015 г. восстановили свой экономический потенциал, то еврозона всё ещё не достигла предкризисного уровня. Реальный ВВП на душу населения здесь ниже уровня 2007 г. и на 10% ниже прогнозируемого ранее показателя.

Эволюция антикризисной политики ЕЦБ

Первоначально, когда во весь рост встала проблема спасения банковской системы, пострадавшей в результате банкротства ряда мировых банков–резидентов США, центральные банки США и ЕС – Федеральная резервная система (ФРС) и Европейский центральный банк (ЕЦБ) – боролись с кризисом схожими методами в целях насыщения экономики недостающей ликвидностью: снижение учётных ставок, увеличение сроков и объёмов рефинансирования, операции на открытом рынке. Причём в активной фазе кризиса ЕЦБ действовал даже более агрессивно, чем

© **Бажан Анатоли Иванович** – доктор экономических наук, заведующий отделом экономических исследований Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** aibazhan@bk.ru

© **Гусев Кирилл Нионилович** – кандидат экономических наук, зам. руководителя отдела экономических исследований, Институт Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** banks-europe@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveeuropre32016100110>

ФРС: привлекал более широкий круг контрагентов и не ограничивался только государственными ценными бумагами. Масштабной была и поддержка банковской системы: начиная с ноября 2008 г. до июня 2009 г. была кардинально снижена официальная процентная ставка с более чем 4 до 1%, с этого года подлежали удовлетворению все заявки на рефинансирование коммерческих банков по этой фиксированной ставке и на срок до трёх лет. Были также снижены требования к залогам, представляемым банками, для получения рефинансирования. До июня 2009 г. ЕЦБ на специальных сессиях выдавал кредиты банкам по сделкам РЕПО на срок три, шесть и 12 месяцев, а к июню 2010 г. завершил длившуюся два года программу покупки облигаций с покрытием, выпускаемых европейскими банками с различным обеспечением на общую сумму 60 млрд евро. Была запущена также программа, в соответствии с которой выкупу подлежали государственные ценные бумаги. Оборот евро стал интенсивно расширяться. Только за два месяца в начале 2012 г. эмиссия ЕЦБ составила около 1 трлн евро.

Как были использованы эти деньги? Несомненно, они способствовали выживанию банковской системы, поскольку увеличили объём циркулирующей в ней ликвидности. Но, что интересно отметить, значительная часть эмиссии, пополнив авуары крупнейших европейских банков, способствовала также активизации их деятельности на формирующихся рынках, в странах Центральной и Восточной Европы, которые находятся вне валютного объединения. Эти страны обладают рядом особенностей, которые делают их привлекательным объектом вложений для банков развитых европейских государств.

Стоимость заемных средств в форме процентов по кредитам здесь более высокая, чем в еврозоне, что делает периферию весьма интересным для банков объектом кредитования. Причём высокая цена денежного капитала не связана только с тем, что в большинстве таких стран имеет место относительно высокий уровень инфляции. Действуют и другие причины. В частности, наличие высокого спроса на заемный капитал и его недостаток в связи с относительно высокими темпами экономического роста.

В то же время ЕЦБ с началом кризиса в развитых европейских государствах создал избыток дешёвого банковского капитала, который находится в постоянном поиске эффективных способов применения, в том числе и путём проникновения за границы еврозоны и Евросоюза, особенно в те страны, где для такого проникновения созданы необходимые административно-правовые условия в виде проведённой либерализации валютных режимов и формирования соответствующего законодательства. В результате крупнейшие банки Западной Европы развязали беспрецедентную кредитную экспансию, с помощью которой произошло в значительной степени вытеснение национальных банковских структур с финансового поля развивающихся экономик Европы путём их поглощения, а в некоторых случаях и прекращения банковской деятельности. В итоге во многих таких странах транснациональные банки заняли господствующие позиции. В частности, доля их активов в странах Балтии приблизилась к 100%, в Венгрии составила 92%, в Болгарии – 72%, в Польше – 69%, в Чехии – 67%¹. Эмигрированные денежные средства в конечном счёте в значительной своей части концентрировались на счетах крупнейших европейских банков, что в значительной степени обеспечивало им финансовую поддержку для проведения экспансии в ЦВЕ, на Украине и даже в России.

Вопрос о том, позитивным или негативным фактором является эта экспансия для самих стран, испытавших массированное вторжение транснациональных бан-

¹ Foreign Banks: Trends, Impact and Financial Stability. IMF Working Paper, January 2012.

ков, нами здесь не рассматривается. Отметим только, что эта экспансия существенным образом снижает на местах, где используются национальные деньги, эффективность национального регулирования экономики на основе проведения собственной денежно-кредитной политики.

Дело в том, что в этих условиях регулирование денежной массы и масштабов инфляции с помощью традиционных инструментов становится весьма затруднительным делом. В частности, невозможным предоставляетяется таргетирование инфляции со стороны национального центрального банка путём воздействия на процентную ставку, если значительная доля кредитов представляется иностранными банками национальным структурам по ставкам, сформированным на основе политики ЕЦБ. Иными словами, глобально-региональное управление подрывает устои управления на национальном уровне и делается это вполне легальным образом и исключительно на основе снятия ограничений на трансграничное перемещение денежных капиталов.

В то же время следует констатировать, что это не привело к заметному изменению ситуации в плане выхода из экономического кризиса. Многие эксперты считают, что Европу в конечном итоге подвело стремление оппонировать США и идти своим путём с использованием инновационных экономических идей, в то время как на деле свою правоту по-прежнему доказывают классические модели. В частности, Белый дом и ФРС решили в очередной раз применить проверенную временем кейнсианскую модель, согласно которой дефицитное финансирование приносит пользу экономике, находящейся в кризисе. В рамках этой стратегии ФРС, игнорируя многочисленные предупреждения о возможном вымывании базы из-под доллара, продолжала исходить из того, что политика низких процентных ставок не приведет к росту инфляции, пока безработица остаётся высокой.

В Европе же, наоборот, Еврокомиссия отказалась от традиционного дефицитного финансирования в пользу идеи о том, что сокращение расходов в экономике, находящейся в кризисе, должно повысить уверенность в завтрашнем дне и привести к созданию новых рабочих мест. Следуя этой концепции “жёсткой экономии”, ЕЦБ в 2011 г. (впервые с 2008 г.) поднял процентную ставку, даже несмотря на то, что безработица в еврозоне была всё ещё высокой. Формально пойти на подобный шаг ЕЦБ решился из-за угрозы инфляции, которую тогда многие эксперты называли “надуманной”.

Не остановили банк и аргументы тех, кто считал, что более высокая стоимость заимствования может нанести дополнительный удар по наиболее слабым экономикам еврозоны, три из которых к тому моменту уже находились на грани дефолта (Ирландия, Греция, Португалия). Глава ЕЦБ Ж.-К. Трише заявил тогда: “Нет никакого противоречия, наоборот, мы действуем в полном соответствии с нашей главной целью – обеспечения стабильности цен. Мы делаем то, что должны, даже когда это сложно, даже когда это не всем нравится”¹.

Решение Совета ЕЦБ о повышении базовой ставки с 1 до 1,25% вразрез с политикой ФРС и Банка Англии, который в тот же период оставил свою ставку без изменений (0,5%), несмотря на более высокую инфляцию, было единогласным и получило молчаливое одобрение со стороны Германии, где рост ставки рассматривали как способ уберечь экономику от перегрева. Оппоненты ЕЦБ справедливо указывали, что, несмотря на низкий абсолютный уровень ставки, она высока с точки зрения неуверенного роста европейской экономики, и потому её повышение нанесёт удар по намечавшемуся восстановлению последней.

¹ The New York Times, 8 April 2011. Url:
http://www.nytimes.com/2011/04/08/business/global/08iht-rates08.html?_r=1.

Были и те, кто приводил в качестве примера ошибочную политику ФРС в 1970 и 1980-х годах, когда на рост нефтяных цен банк отреагировал повышением базовой ставки и спровоцировал рецессию. Эти эксперты также считали, что действия ЕЦБ позволят сдержать инфляцию в Германии и Франции, но вызовут дефляцию в периферийных государствах еврозоны и тем самым не только подтолкнут к кризисной черте Испанию и Италию, но и поставят крест на политике “жёсткой экономии” в целом.

Можно предположить, что ЕЦБ сознательно пошёл на все вышеуказанные риски в надежде, что его решение окажется более дальновидным и даст Европе конкурентное преимущество в соперничестве с США. Но критиковавшие ЕЦБ эксперты в итоге оказались правы, и в конце 2014 года Европу поразила дефляция. И это несмотря на то, что в том же году ЕЦБ был крайне активен:

- почти 210 млрд евро были использованы им на кредиты более чем 1200 европейским банкам по программе целевого финансирования сроком до четырёх лет;
- около 30 млрд евро было потрачено на продолжение программы выкупа облигаций с покрытием, ещё почти 2 млрд евро ушло на покупку ценных бумаг, обеспеченных активами частных компаний;
- не прекращалось предоставление ликвидности банкам посредством краткосрочных ссуд и трёхмесячных сделок РЕПО по ставке с дисконтом [Усоскин, 2015: 26].

Основное противоречие монетарной системы

Очевидно, важную, если не решающую, роль сыграло то, что ФРС США, как бы сложно устроена она ни была, в конечном итоге всё равно остаётся центральным банком единого государства, составные части которого имеют схожие экономические характеристики, а ЕЦБ – это наднациональный орган, действующий в настоящий момент в рамках независимых государств. Соответственно, принятие решений в ЕЦБ, а тем более их практическая реализация – это процесс гораздо более сложный и менее предсказуемый прежде всего в силу существенных различий в уровнях развития экономик и финансовых систем стран–членов еврозоны. В этих условиях использование инструментов денежно-кредитной политики ЕЦБ и прежде всего процентной ставки, повышение или понижение последней не может единообразным образом воздействовать на все страны, входящие в объединение: для одних стран это может послужить условием развития и решения возникших проблем, для других – напротив, чревато обострением экономической ситуации, нагнетанием негативных депрессивных факторов. Единый центральный банк и единая денежно-кредитная политика, практикуемая в рамках еврозоны, не способна удовлетворить интересы всех государств–членов валютного объединения, таким образом она неизбежно и объективно вступает в противоречие с частью этих интересов.

Исторически Европейская валютная система строилась на основе самой сильной валюты континента – немецкой марки, и в основу деятельности ЕЦБ изначально легла политика Бундесбанка, главная цель которой – поддержание ценовой стабильности в условиях развитого рыночного хозяйства и независимости денежно-кредитного регулятора. Менее развитым странам ЕС при вхождении в еврозону пришлось подстраиваться под условия, к которым в противном случае им ещё только предстояло прийти эволюционным путём за не один десяток лет. Пришлось отказаться от столь необходимого многим странам более активного участия Центрального банка в процессах формирования национальных финансовых рынков, поддержания равновесия платёжных балансов, регулирования объёмов кредитования – всё это с целью содействия росту производства и национальной экономики в целом.

Добившись краткосрочного и зачастую формального соответствия критериям еврозоны, большинство экономик этих государств оказалось не готово эффективно функционировать в новых условиях, поскольку их денежно-кредитные системы не успели пройти все необходимые стадии развития для реального соответствия уровню Германии и других лидеров ЕС. Всё это в итоге обернулось серьёзными проблемами как для национальных хозяйств, так и для интеграционной группировки в целом.

В частности, до вхождения в еврозону центральные банки менее развитых стран Европы активно регулировали темпы роста кредитования в национальной экономике, в том числе путём изменения ставки рефинансирования. А ЕЦБ, согласно уставным документам, ограничен в возможности манипулировать базовой ставкой: уровень инфляции в еврозоне в среднесрочном разрезе не должен превышать 2%. Низкий уровень процентных ставок, задаваемый ЕЦБ, привёл к резкому удешевлению и, соответственно, стремительному росту кредитования во вновь присоединившихся членах еврозоны. Теоретически это должно было привести к скачку в темпах их экономического роста, что на практике формально и имело место во многих случаях. Но кризис 2008 г. обнажил другую сторону этого процесса – бизнес и государства из числа менее развитых членов еврозоны за предкризисные годы чрезмерно увеличили кредитное плечо, полагаясь на возможность постоянного рефинансирования по приемлемым ставкам. Как только кризис нарушил эту преемственность, пузырь экономического роста лопнул, поставив на грань банкротства как отдельные предприятия, так и целые страны.

Часть вины за произошедшее лежит и на том, как устроена еврозона. О.В. Буторина, в частности, отмечает, что “создание евро нарушило действие некоторых автоматических стабилизаторов экономики и создало новые источники асимметрии в валютно-финансовой системе еврозоны” [Буторина, 2014: 61]. Исчез валютный риск, который ранее позволял более объективно оценивать страновые риски, связанные с приобретением активов в тех или иных государствах. Именно поэтому упомянутый выше рост заёмного финансирования при первых признаках кризиса обернулся “ажиотажным выводом капиталов из периферийных стран еврозоны” [Буторина, 2014: 61].

Не менее важным стал и тот факт, что Гармонизированный индекс потребительских цен (HICP), на который как на единый показатель инфляции в еврозоне ориентируется ЕЦБ, на практике “задаётся тремя крупнейшими странами... Успехи ЕЦБ в поддержании ценовой стабильности в зоне евро в докризисный период были в основном достигнуты за счёт низкой ценовой динамики в “странах-тяжеловесах”. Повышенная инфляция в ряде других государств мало влияла на HICP и лишь отчасти принималась во внимание руководством ЕЦБ... Накануне кризиса ЕЦБ слишком медленно повышал процентную ставку, и для многих периферийных стран она оказалась заниженной. Следовательно, ЕЦБ невольно способствовал перегреву их экономики и усилиению кризисных явлений” [Буторина, 2014: 61].

Годы, прошедшие с момента введения евро, кризисные и посткризисные, дали немалую пищу для размышлений и анализа денежно-кредитному регулятору ЕС. И сегодня в ЕЦБ есть понимание того, что кризис спровоцировал или по крайней мере ускорил наступление весьма сложного периода в развитии еврозоны: назрел переход на качественно новый уровень, который предусматривает более тонкое и адресное регулирование деятельности экономических субъектов. И сейчас, видимо, было бы целесообразно приостановить процесс расширения еврозоны. Но согласно основополагающим документам ЕС, ЕЦБ не имеет права не принимать новых членов, если они выполняют целевые требования. А Хорватия и особенно Болгария, несмотря на

кризис, продолжают настаивать на вступлении в еврозону. И вполне возможно, ЕЦБ придётся решать стоящие перед ним проблемы уже с участием новых членов.

Среди этих проблем на сегодняшний момент наиболее важными в ЕЦБ называют дефляцию и кризис суверенных долгов.

Борьба с дефляцией

Как уже отмечалось выше, дефляция в еврозоне началась в конце 2014 г., а в январе 2015 года достигла своего максимума – тогда потребительские цены снизились на 0,6%¹. Это был рекорд с момента введения евро в 1999 году.

Реагируя на эту проблему с некоторым опозданием, вызванным в том числе сложностью процедуры принятия решений в его Совете, ЕЦБ 9 марта 2015 г. запустил программу количественного смягчения: ежемесячный выкуп гособлигаций стран еврозоны на сумму 60 млрд евро, пропорционально их долям. Объём программы – 1,1 трлн евро, срок – до тех пор, пока в еврозоне не будет отмечено устойчивое ускорение инфляции (ориентировочно до сентября 2016 г.).

В результате принятых мер в марте потребительские цены в еврозоне снизились всего на 0,1%. А в апреле уже выросли на 0,2%. При этом разброс по странам сохранился: в Германии инфляция в апреле составила 0,3%, во Франции – 0,1%, а в Ирландии, Испании, Италии и Греции цены продолжили снижаться (на 0,4, 0,7, 0,1 и 1,8% соответственно). Тем не менее ЕЦБ уже с оптимизмом смотрел в будущее и прогнозировал постепенный рост инфляции (с 0,1% в 2015 г. до 1,8% в 2017 г.). Аналогично была настроена и Еврокомиссия, которая повысила свою оценку роста экономики еврозоны в 2015 г. с 1,5 до 1,8%².

Указанная выше смена тренда, безусловно, стала возможна благодаря ослаблению евро, вызванному действиями ЕЦБ и повышившему международную конкурентоспособность европейских товаров, что сразу нашло отражение в росте экспортных заказов. Кроме того, ЕЦБ продолжал сохранять базовую ставку на рекордно низком уровне (0,05%), что способствовало росту кредитования реального сектора коммерческими банками. Но не стоит сбрасывать со счетов и значительное позитивное влияние снижения цен на нефть и ряд других факторов, находящихся вне сферы влияния ЕЦБ. Как бы там ни было, весну 2015 г. в Еврокомиссии считали лучшей для европейской экономики за последние несколько лет, но были уверены, что добиться дальнейшего устойчивого роста можно только за счёт структурных реформ, увеличения инвестиций и приведения в порядок государственных финансов (по данным Евростата, в 2014 г. госдолг еврозоны увеличился до 91,9% ВВП с 90,9% в 2013 г., но снизился дефицит бюджета – с 2,9 до 2,4%)³.

В ЕЦБ тоже начали говорить об экономической ситуации в еврозоне в положительном ключе, но отмечали, что уровень доходности бизнеса по-прежнему крайне низок. При этом банки обладали избыточной ликвидностью, которую им подчас просто некуда с выгодой вложить. В ЕЦБ есть понимание того, что повышение ставки в 2011 г. было ошибкой, и что теперь Европе предстоит догонять США и

¹ Eurostat News Releases euroindicators, 30 January 2015 г. Url: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6581740/2-30012015-BP-EN.pdf>.

² Еврокомиссия: денежное стимулирование со стороны ЕЦБ сработало. Ведомости, 6 февраля 2015 г. URL:<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/05/06/evrokomissiya-denezhnoe-stimulirovanie-so-storoni-etsb-srabortalo>.

³ Еврокомиссия: денежное стимулирование со стороны ЕЦБ сработало. Ведомости, 6 февраля 2015 г. URL:<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/05/06/evrokomissiya-denezhnoe-stimulirovanie-so-storoni-etsb-srabortalo>.

Великобританию, которые благодаря последовательности своих действий ушли далеко вперёд. Самое важное сейчас, по мнению ЕЦБ, – это вселить уверенность в европейский бизнес, добившись повышения прибыльности его операций, в том числе за счёт увеличения темпов инфляции.

На этом фоне показательна статистика Дойче банка, согласно которой в конце 2014 – начале 2015 г. (период дефляции) отток капитала из Европы составил более 300 млрд евро. Существуют оценки, согласно которым с учётом запуска программы количественного смягчения этот показатель в ближайшие годы может достичь 4 трлн евро. Это, в свою очередь, неизбежно спровоцирует масштабное ослабление единой европейской валюты (возможно, до 0,85 цента США за 1 евро к концу 2017)¹.

Вместе с тем бегство капитала как таковое не пугает руководство ЕЦБ. Ведь дальнейшее снижение курса евро к доллару в нынешних условиях может только позитивно сказаться на темпах роста европейской экономики. Последний тезис косвенно подтверждает и реакция ФРС на резкое ослабление евро в марте 2015 г.: после роста до уровня 1,05 доллар снизился до 1,11 к евро на фоне соответствующей риторики представителей американского регулятора. Слишком дорогой доллар Америке тоже не нужен.

Очевидно, что обстоятельства сейчас вынуждают ЕЦБ заниматься тем, чего раньше этот банк не делал – более активно вмешиваться в макроэкономические процессы. Для выполнения своей главной уставной цели поддержания уровня цен ЕЦБ, по заявлению его представителей, готов и дальше расширять спектр используемых им для этого инструментов. В частности, в июле 2015 г., когда по мнению ряда экспертов эффект программы количественного смягчения уже исчерпал себя из-за сжатия ликвидности на долговом рынке, член Исполнительного совета ЕЦБ Бенуа Кёре дал понять, что ЕЦБ в качестве следующего шага может использовать таргетирование безработицы, формальным мандатом на которое банк не обладает². В ЕЦБ убеждены, что сохраняющаяся высокая безработица толкает цены вниз, в то время как банк старается вернуть темпы инфляции с рекордно низких показателей до целевых 2%.

Кризис суверенных долгов

Одна из главных проблем, угрожающих самому существованию еврозоны и Евросоюзу в целом, – высокий уровень государственного долга, характерный для многих стран–членов регионального объединения. Об этом говорят данные ниже следующей таблицы.

Статистика показывает значительный рост уровня госдолга по отношению к ВВП в целом по еврозоне. С 2007 по 2014 г. он вырос с 64,9 до 92,1%. Особенno высокого уровня госдолг достиг в южных странах региона: в Португалии – 130,2%, в Италии – 132,3 %, в Греции – 178,6%. Высокий уровень государственного долга (приемлемым в ЕС считается уровень до 60% к ВВП) чреват разрушительными последствиями для зоны евро. Наращивание долгов подводит к пределу, за которым начинается дефолт, то есть к состоянию, когда невозможно обслуживать долг: расплачиваться по облигациям и платить проценты.

¹ Deutsche Bank предрекает исход капитала из Европы. Pro Finance Service, 10 марта 2015 г. URL: <http://www.forexpfru/news/2015/03/10/auok-deutsche-bank-predrekaet-iskhod-kapitalaiz-evropy.html>.

² Бенуа Кёре: сделаем больше для повышения инфляции. Вести (экономика), 6 июля 2015 г. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59655>.

Государственный долг стран зоны евро
 (по отношению к ВВП, в %)

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Еврозона в целом	64,9	68,5	78,3	83,8	86,0	89,3	91,1	92,1
Австрия	64,8	68,5	79,7	82,4	82,2	81,6	80,8	84,2
Бельгия	86,9	92,4	99,5	99,6	102,2	104,1	105,1	106,7
Финляндия	34,0	32,7	41,7	47,1	48,5	52,9	55,6	59,3
Франция	64,4	68,1	79,0	81,7	85,2	89,6	92,3	95,6
Германия	63,6	65,0	72,5	81,0	78,4	79,7	77,4	74,9
Греция	103,1	109,4	126,7	146,2	172,0	159,4	177,0	178,6
Ирландия	23,9	42,4	61,8	86,8	109,3	120,2	120,0	107,5
Италия	99,6	102,3	112,5	115,3	116,4	123,2	128,8	132,3
Люксембург	7,2	14,4,	15,5	19,6	19,2	22,1	23,4	23,0
Нидерланды	42,4	54,5	56,5	59,0	61,7	66,4	67,9	68,2
Португалия	68,4	71,7	83,6	96,2	111,4	126,2	129,0	130,2
Словакия	29,9	28,2	36,0	40,80	43,3	51,9	54,6	53,5
Словения	22,7	21,6	34,5	38,2	46,4	53,7	70,8	80,8
Испания	35,5	39,4	52,7	60,1	69,5	85,4	93,7	99,3

Источник: Евростат.

Даже если дефолт угрожает отдельной стране, это сказывается на финансовой безопасности объединения в целом, ибо подрывает доверие к евро, европейским банкам и корпорациям, другим организациям и финансовым институтам ЕС, вызывает ажиотаж, создаёт спекулятивную обстановку на финансовых и валютных рынках. Именно поэтому Евросоюз совместно с МВФ и Мировым банком постоянно, на протяжении уже многих лет предоставляют финансовую помощь Греции, дабы не допустить отказа страны от выполнения финансовых обязательств.

Однако это не ведёт к сокращению её государственного долга. Напротив, как показывают данные таблицы, долг Греции только возрастает. Объяснение состоит в том, что средства финансовой помощи предоставляются в виде займов. Таким образом, в итоге имеет место, с одной стороны, постепенная замена долга перед частными инвесторами на задолженность перед межгосударственными финансовыми организациями. С другой стороны, происходит мультипликация самого долга, который растёт, не взирая на всякого рода меры воздействия на греческое правительство с целью заставить его уменьшить бюджетный дефицит страны путём увеличения налогового бремени, сокращения пенсий и пенсионного возраста, а также введения режима экономии расходов на содержание государственного аппарата.

В чём причины греческого кризиса? В Западной Европе в качестве причин обычно называют расточительность государственных властей Греции, их неспособность обеспечить собираемость налогов. Гораздо реже отмечается более важное обстоятельство: само вступление Греции в Евросоюз и в еврозону привело к деградации промышленности и сокращению сельского хозяйства в силу неконкурентоспособности ряда отраслей этих сфер производства в рамках беспошлиновой торговли и использования единой европейской валюты. В том же плане воздействовала на греческую экономику политика Брюсселя, решившего, что традиционные области производства, в которых некогда была сильная Греция (сельское хозяйство и судостроение) должны быть сокращены в пользу производителей Германии, Франции, Италии и Испании.

Вышесказанное отражает в значительной степени общие причины внутреннего характера кризиса долгов, свойственные и ряду других стран Еврозоны. Но кроме внутренних причин, существуют внешние¹. К главным внешним причинам, во-первых, относится мировой финансовый кризис, который внёс свою лепту в рост суверенных долгов, поскольку вынудил европейские правительства, и Грецию в частности, прибегать к займам для того, чтобы поддерживать ликвидность банковской системы и крупнейших корпораций. Во-вторых, вытеснение с мировых рынков европейских производителей компаниями, локализованными в Юго-Восточной Азии, прежде всего в Китае. Это обуславливает появление дефицитов торговых балансов и счётов текущих операций у большинства европейских стран с этим регионом. А покрытие этих дефицитов осуществляется за счёт увеличения заимствований, в том числе нарастания государственных долгов, поскольку сокращает доходную базу государственных бюджетов и в то же время увеличивает его расходную часть в связи с ростом социальных расходов на поддержание растущей армии безработных.

Угроза существованию еврозоны и Евросоюзу в целом исходит не только из того, что кризис суверенных долгов подрывает доверие субъектов мировой экономики к евро и финансовым институтам Еврозоны. Наращивание долгов перед финансовыми организациями самого объединения и во многом бесперспективность их возврата (в случае Греции) означает, что Евросоюз постепенно и против своей воли сползает к такой системе финансовой поддержки аутсайдеров еврозоны, которая может быть охарактеризована как безвозмездное финансирование. Но это порождает недовольство у населения тех стран, которые являются донорами, осуществляют взносы в Европейский стабилизационный механизм, но не пользуются его займами в связи с отсутствием чрезмерных финансовых дисбалансов. К таким странам относится и Германия, и Финляндия, и Нидерланды, и некоторые другие высокоразвитые государства Европы. На этой основе появляются уже и на уровне официальных лиц заявления о возможности исключения Греции из еврозоны. Альтернатива исключения – продолжение политики финансовой подпитки Греции, провоцирует возникновение опасности того, что в перспективе уже некоторые страны-доноры возможно будут вынуждены прийти к заключению о необходимости выхода из организации.

Угроза распада становится тем более реальной, что экономические проблемы дополняются политическими: в регионе всё более набирают обороты национализм и автаркические тенденции. Разрушительна неконтролируемая иммиграция; мощ-

¹ См., например: Долговой кризис в ЕС и перспективы евро / Под ред. А.И. Бажана/ Доклады Института Европы № 276. – М.: 2012. – С. 25–33.

А также: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под общей редакцией Ал. А. Громыко и В.П. Фёдорова// М.: Весь Мир. – 2014. – С. 265–277.

ный непрекращающийся миграционный поток, берущий начало в Африке и на Ближнем Востоке, наносит всё более сильные удары по европейскому единству и европейской стабильности.

Евросоюз пытается смягчить долговой кризис, применяя комплекс мер. Среди этих мер используются, в частности, и возможности ЕЦБ. Банк в результате пре-вращается в своеобразный институт поддержки стран с высокой долговой нагрузкой. Эта поддержка осуществляется одновременно с проведением в еврозоне политики количественных смягчений. Дело в том, что низкие процентные ставки идут на пользу в первую очередь странам с большим уровнем государственного долга, так как позволяет им обслуживать долг с меньшими издержками, что для таких государств имеет немаловажное значение.

Но ЕЦБ облегчает положение стран-должников не только таким способом. Одним из инструментов количественных смягчений служит покупка ЕЦБ государственных облигаций стран валютного объединения на вторичном рынке. Эта мера имеет двойное назначение. Она не только позволяет вливать в обращение дополнительную ликвидность, что обеспечивает низкие процентные ставки по кредитам и займам, но и уменьшает риски дефолта тех государств, чьи облигации приобретает Центральный банк, ибо последний, действующий в интересах всего объединения, заинтересован в недопущении дефолта. В этом втором случае ЕЦБ предстает в определённой мере как организация, подобная европейскому стабилизационному механизму, замедляя наступление состояния неплатежеспособности и беря на себя риски невозврата займов.

ЕЦБ начал приобретать государственные ценные бумаги с 2011 г. Новая масштабная программа этих операций была принята в январе 2015 г., что предполагает покупки в объёме 60 млрд евро в месяц до сентября 2016 г., пока уровень инфляции не приблизится к 2%. Таким образом планируется насытить экономику деньгами на сумму около 1140 млрд евро. Если это произойдёт, то прирост денежной массы только за счёт данного фактора достигнет приблизительно 10%, ибо её объём (M2) на конец 2015 г. составлял немногим более 10 трлн евро¹.

Не все члены руководства Европейского центрального банка поддержали Программу покупки государственных облигаций. В частности, резкой критике её подверг представитель Германии, член Управляющего совета ЕЦБ и президент Бундесбанка Йенс Вайдман². Дело в том, что так же, как и использование европейского стабилизационного механизма, деятельность ЕЦБ по скупке государственных ценных бумаг несёт отпечаток противоречий между сильными странами зоны (Севера Европы), способными без труда расплачиваться по своим долгам, не допускать ситуаций, в которых доверие инвесторов к их обязательствам падает, и южными странами региона, уровень долгов которых приближается к критической отметке. Для первых скупка обязательств представляется ненужной в силу отсутствия острых долговых проблем и даже нежелательной, поскольку они по существу принимают на себя часть рисков невозврата долга, ведь задолженность возрастает перед общим институтом ЕС.

Массовая покупка облигаций и низкие процентные ставки имеют и другой недостаток. Такие операции и ставки не стимулируют периферийные страны к соблюдению финансовой дисциплины, оперативному и рациональному принятию решений по сокращению долга, который, по существу, при поддержке ЕЦБ, а также за счёт

¹ ECB. Monetary statistics. URL: <http://sdw.ecb.europa.eu/servlet/desis?node=1000003478>

² Вайдман Й.: ЕЦБ не должен копировать действия ФРС США. Вести (экономика), 5 декабря 2014 г. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/50383/>

дешевых кредитов банковской системы, может долгое время нарастать, неся всё возрастающие угрозы и риски для финансовых институтов валютного объединения.

Список литературы

- Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы (2014) /Под общей редакцией Ал. А. Громыко и В.П. Фёдорова// М.: Весь Мир.
- Буторина О.В. (2014) К проблеме асимметрии в валютно-финансовой системе еврозоны // *Деньги и кредит.* – №2. С. 61.
- Вайдман Йенс: ЕЦБ не должен копировать действия ФРС США. Вести (экономика), 5 декабря 2014. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/50383/>
- Доже банк предрекает исход капитала из Европы. Финансовая служба, 10 марта 2015 г. URL: <http://www.forexp.f.ru/news/2015/03/10/auok-deutsche-bank-predrekaet-iskhod-kapitala-iz-evropy.html>.
- ЕЦБ. Денежная статистика, 2015. URL: <http://sdw.ecb.europa.eu/servlet/desis?node=1000003478>.
- Евростат: новые публикации евроиндикаторов, 30 января 2015. Url: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6581740/2-30012015-BP-EN.pdf>.
- Иностранные банки: тенденции, влияние и финансовая стабильность. Рабочие материалы МВФ, январь 2012.
- Кёре Бенуа: сделаем больше для повышения инфляции. Вести (экономика), 6 июля 2015 г. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59655>.
- Усоскин В.М. (2015) Антикризисная политика центральных банков в 2007–2014 годах: цели, особенности, результаты // *Деньги и кредит.* – №6. С. 26.

References

- Bol'shaja Evropa. Idei, real'nost', perspektivy (2014) /Pod obshhej redakcijej Al. A. Gromyko i V.P. Fjodorova// M.: Ves' Mir.
- Butorina O.V. (2014) K probleme asimmetrii v valjutno-finansovoj sisteme evrozony // *Den'gi i kredit.* – №2. S. 61.
- Vajzman Jens: ECB ne dolzhen kopirovat' dejstvija FRS SShA. Vesti (jekonomika), 5 dekabrya 2014. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/50383/>
- Dojche bank predrekaet ishod kapitala iz Evropy. Finansovaja sluzhba, 10 marta 2015 g. URL: <http://www.forexp.f.ru/news/2015/03/10/auok-deutsche-bank-predrekaet-iskhod-kapitala-iz-evropy.html>.
- ECB. Denezhnaja statistika, 2015. URL: <http://sdw.ecb.europa.eu/servlet/desis?node=1000003478>.
- Eurostat: novye publikacii evroindekatorov, 30 janvarja 2015. Url: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6581740/2-30012015-BP-EN.pdf>.
- Inostrannye banki: tendencii, vlijanie i finansovaja stabil'nost'. Rabochie materialy MVF, janvar' 2012.
- Kjore Benua: sdelam bol'she dlja povyshenija infljacii. Vesti (Jekonomika), 6 ijulja 2015 g. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59655>.
- Usoskin V.M. (2015) Antikrizisnaja politika central'nyh bankov v 2007–2014 godah: celi, oso-bennosti, rezul'taty // *Den'gi i kredit.* – №6. S. 26.

European Central Bank in conditions of financial crisis

Authors. Bazhan A.I. Head of the Center for Economic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** aibazhan@bk.ru

Gusev K.N., Candidate of Sciences (Economics), Deputy Head of Department of Economic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** banks-europe@mail.ru

Abstract. The article analyses the evolution of ECB monetary policy during the financial crisis that affected the member-states and the EU as a whole. The authors discuss the reasons for choosing the quantitative easing policy with which the ECB tries to solve two problems at once: fighting deflation to stimulate the economic growth and preventing defaults of the euro zone members, the most seriously affected by the sovereign debt crisis. Drawbacks and contradictions of the strategy are also discussed.

Key words. Eurozone, crisis, monetary policy, contradictions, quantitative easing, deflation, inflation, sovereign debt, interest rates.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016100110>

УДК 331.5
Наталья ГОВОРОВА

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу бедности, неравенства и социальной включённости в Европейском Союзе в целом, а также наиболее уязвимой части населения – мигрантов. Подчёркивается неравномерность этих явлений в странах ЕС, отрицательное влияние на развитие человеческого потенциала и конкурентоспособности экономики. Отмечается необходимость социально-экономического сближения государств-членов и активной согласованной политики в образовательной и трудовой сферах.

Ключевые слова: Европейский Союз, бедность, неравенство, рынок труда, человеческий потенциал, мигранты.

Бедность – это положение, характеризуемое отсутствием или недостаточностью насущных ресурсов и возможностей социальной интеграции, в первую очередь ограниченный доступ к рынкам труда и образовательных услуг. Бедность носит многофакторный характер и является прежде всего результатом нестабильности, неоднородности и дифференцированности оплачиваемой занятости значительной части рабочей силы [Говорова, 2001]. В соответствии с Договором о функционировании Европейского Союза государства-члены и ЕС совместно работают над задачей сокращения бедности и маргинализации европейцев, повышением уровня и качества жизни, развитием человеческого потенциала. Европейская Комиссия содействует сотрудничеству стран, оказывает информационно-аналитическую поддержку, осуществляет исследования, разрабатывает общие инициативы, ориентиры и индикаторы, совместно с Экономическим и социальным комитетом проводит необходимые консультации и даёт заключения [Consolidated Version of the Treaty, 2010].

Для мониторинга прогресса в борьбе с бедностью и социальной изоляцией Совет министров ЕС по вопросам труда и социальной политики, здравоохранения и потребительских дел разработал показатель риска бедности и социального исключения (*AROPE - At risk of poverty or social exclusion*) [United Nation Economic Commission for Europe, 2013]. Он определяет численность населения, подвергающегося риску бедности или испытывающего серьёзные материальные лишения или проживающего в домохозяйствах с очень низкой интенсивностью труда. Основные факторы, влияющие на риск бедности и социальной исключённости: нера-

---

© Говорова Наталья Викторовна – к.э.н., в.н.с. Института Европы РАН, доцент кафедры экономики, негосударственное образовательное учреждение высшего образования Московский технологический институт. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая, ул., д. 11, стр. 3. E-mail: n_govorova@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – грант РГНФ № 15-03-00095а.
DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016111120>

венство в доходах, бедность работающих, долговременная безработица, социальные расходы государства, демографическая и социально-экономическая структура общества.

17 октября 2015 г., в Международный день борьбы с бедностью, Статистическая служба Евросоюза (Евростат) опубликовала данные, свидетельствующие, что в 2014 г. более 122 млн граждан стран ЕС относились по крайней мере к одной из трёх категорий: бедные по доходам (после выплаты социальных трансфертов)¹; материально неимущие²; живущие в семьях с очень низкой интенсивностью работы³. Более 17% жителей Союза (от 9,7% в Чехии до 25,4% в Румынии) принадлежали к первой категории, почти 9% (от 0,7% в Швеции до 33,1% в Болгарии) – ко второй и чуть больше 11% (от 6,4% в Швеции и Румынии до 17,2% в Греции) – к третьей категории бедности. В целом наиболее подвержены риску бедности и социальной исключённости население в Румынии, Болгарии и Греции, наименее – жители Чехии, Швеции, Нидерландов, Финляндии и Дании. С 2008 по 2014 г. ситуация по этому показателю ухудшилась в 14 странах ЕС, значительнее всего в Греции, Испании, Венгрии и Италии, а также на Кипре и Мальте. В Польше, Румынии и Словакии в этот период наблюдалось улучшение ситуации⁴.

Снижение числа лиц данной категории – одна из ключевых задач стратегии “Европа 2020”, десятилетней программы ЕС по стимулированию разумного, сбалансированного и справедливого роста, повышению конкурентоспособности и занятости. Одна из главных целей Стратегии – сократить на 20 млн человек число материально неблагополучных европейцев (по отношению к 2008 г.) [Communication from the Commission Europe 2020, 2010]. В соответствии с ней Комиссия претворяет в жизнь комплексный подход к решению проблемы бедности: расширение занятости на основе создания новых рабочих мест наряду с адекватным денежным пособием и качественным социальным обеспечением. Расходы на социальную защиту населения составляют почти треть ВВП ЕС, и без этих трансфертов уровень бедности был бы значительно выше, чем нынешний; каждый дополнительный процентный пункт ВВП, потраченный на социальные пособия, уменьшает риск бедности на 6%⁵. В декабре 2010 г. была принята Европейская платформа против бедности и социальной исключённости, в рамках которой Комиссия мобилизует усилия во всех сферах политики для достижения задач, поставленных программой “Европа 2020” в этой области.

¹ Уровень бедности рассчитывается во всех странах ЕС по единой методологии. Бедными признаются граждане, чьи доходы меньше 60% от суммы средних доходов в соответствующей стране. Порог риска бедности может различаться по странам в десять и более раз.

² К наиболее нуждающимся в ЕС относятся лица, которые не могут позволить себе полноценное питание, отопление жилища, крупные материальные покупки, регулярный досуг, включая ежегодный выездной отдых, пользование компьютером с Интернетом, имеют просроченные задолженности.

³ Лица в возрасте 0–59 лет, проживающие в домохозяйствах, взрослые члены которых работали менее 20% от своего общего рабочего потенциала в течение прошлого года.

⁴ Здесь и далее по тексту, если не указано иного источника, данные приводятся с официального сайта статистической службы Европейского Союза <http://ec.europa.eu/eurostat>

⁵ EUROPE – Press releases. Employment and Social Situation Quarterly Review: The number of jobless rises and social concerns persist http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-230_en.htm

Социальная эксплюзия и инструменты борьбы с ней

В предшествующий началу реализации стратегии период бедность была острой проблемой для европейского общества: около четверти населения ЕС жило за чертой бедности. 2010 год был объявлен Европейским годом борьбы с бедностью и социальной исключённостью. Инициатива была нацелена на мобилизацию совместных усилий граждан, чиновников и социальных партнёров для борьбы с нищетой, социальной изоляцией, от которой страдали (и продолжают страдать) наиболее уязвимые слои населения – молодёжь, престарелые, неквалифицированные работники, дети из неполных семей, мигранты. Проблемы с занятостью, обострившиеся в период кризиса, усиливают рост бедности и неравенства. Десятая часть работающих, главным образом, с низким уровнем квалификации и временно занятых, относится к категории бедных. В настоящее время в Европейском Союзе 21,7 млн безработных (свыше 12 млн из них не имеют работы больше года, в том числе 7 млн – более двух лет); 14 млн молодых людей (15–29 лет) вне занятости, образования или обучения. Таким образом, на нынешний момент бедность и неравенство возросли, ЕС скорее отдалился от цели, нежели приблизился к ней (см. табл.1).

Таблица 1

ЕС-28: движение к целям Стратегии “Европа 2020” в области бедности

Целевой индикатор, млн человек	2010	2011	2012	2013	2014	Цель
Бедность и социальная исключённость	118,0	121,3	124,1	122,9	122,3	96,6*
Население за чертой бедности	82,0	84,1	84,2	83,4	86,2	
Наиболее нуждающиеся	42,1	44,3	49,6	48,1	44,8	
Проживающие в домохозяйствах с крайне низкой интенсивностью труда	38,8	39,6	39,8	40,9	41,8	:

Источник: Eurostat.

В 2014 г. число лиц, подвергавшихся риску бедности и социальной исключённости в целом по ЕС-28 выросло на 4,795 млн по сравнению с 2008 г., уменьшившись только в девяти странах: Болгарии (-512 тыс.), Чехии (-35 тыс.), Хорватии (-78 тыс.), Латвии (-94 тыс.), Литве (-106 тыс.), Австрии (-89 тыс.), Польше (-2,155 тыс.), Румынии (-869 тыс.), Словакии (-151 тыс.). Минимальные уровни бедности наблюдались в странах с высокой долей социальных расходов – Финляндии, Швеции, Австрии, Нидерландах, Франции, Германии, Дании, Бельгии и стабильными темпами экономического роста – Словакии, Словении, Люксембурге. Чехия – своеобразное исключение – лидер по показателю AROPE, в то же время не может “похвастаться” ни тем, ни другим. Наиболее справедливое распределение доходов в государствах северной Европы – Чехии, Словакии, Словении, иная обстановка – в прибалтийских государствах, Болгарии, Румынии, Португалии, Греции и Испании.

Неравномерность социально-экономического развития оказывает огромное влияние на составляющие AROPE. В ЕС растёт неравенство между Югом и Севером, кроме уровня бедности и неравенства также ещё по четырём ключевым индикаторам: безработица, безработица среди молодёжи, число молодых людей вне образования, занятости или обучения, совокупные доходы. Во многих странах кризис усилил существующую поляризацию заработной платы и сегментацию рынка труда. Статистические данные подтверждают это: в 14 странах показатель AROPE превышает средний по ЕС, достигая более 40% в Болгарии и Румынии, эти страны являются аутсайдерами и по обеспечению материального равенства (см. табл. 2).

Таблица 2

Бедность и неравенство в ЕС, %, 2014 г.

	AROPE	В том числе:			Неравенство Коэффициент Джини ¹
		Население за национальной чертой бедности	Наиболее нуждающиеся	Домохозяйства с крайне низкой интенсивностью труда	
ЕС-28	24,5	17,2	8,2*	11.2	30,9
ЕС-19	23,5	17,1	7,1*	11.8	30,9
Бельгия	21,2	15,5	5,8*	14.6	25,9
Болгария	40,1	21,8	34,2*	12.1	35,4
Чехия	14,8	9,7	5,2*	7,6	25,1
Дания	17,9	12,1	3,2	12,1	27,7
Германия	20,6	16,7	5,0	10,0	30,7
Эстония	26,0	21,8	4,5*	7,6	35,6
Ирландия	27,6	15,6	8,4	21,1	30,8
Греция	36,0	22,1	22,2*	17,2	34,5
Испания	29,2	22,2	6,4*	17,1	34,7
Франция	18,5	13,3	4,5*	9,6	29,2
Хорватия	29,3	19,4	13,8*	14,7	30,2
Италия	28,3	19,4	11,5*	12,1	32,4
Кипр	27,4	14,4	15,3	9,7	34,8
Латвия	32,7	21,2	16,4*	9,6	35,5
Литва	27,3	19,1	13,9*	8,8	35,0
Люксембург	19,0	16,4	1,4	6,1	28,7
Венгрия	31,8	15,0	19,4*	12,8	28,6
Мальта	23,8	15,9	8,1*	9,8	27,7
Нидерланды	16,5	11,6	2,5*	10,2	26,2
Австрия	19,2	14,1	3,6*	9,1	27,6
Польша	24,7	17,0	8,1*	7,3	30,8
Португалия	27,5	19,5	9,6*	12,2	34,5
Румыния	40,2	25,4	24,6*	6,4	34,7
Словения	20,4	14,5	5,8*	8,7	25,0
Словакия	18,4	12,6	9,9	7,1	26,1
Финляндия	17,3	12,8	2,2*	10,0	25,6
Швеция	16,9	15,1	0,7	6,4	25,4
Великобритания	24,1	16,8	6,1*	12,2	31,6

Источник: Eurostat.

¹ Количественный показатель степени неравенства в распределении доходов, расслоения общества.

Основная причина социальной исключённости – вытеснение с рынка труда, поэтому бедность имеет прямое отношение к застойной безработице. Комиссия рекомендует государствам-членам поощрять долгосрочных безработных к своевременной регистрации, находить индивидуальный подход и предлагать конкретный план по возврату в трудовую сферу каждому, не имеющему работы больше года, до истечения полутора лет, обмениваться наиболее успешным опытом, а также призывает к активному сотрудничеству работодателей и государственных органов. Поскольку бедность – это чаще всего результат неэффективной политики в сфере занятости и профессионального обучения, создание рабочих мест рассматривается Комиссией как один из главных стратегических вопросов. Рынки труда стран ЕС серьёзно пострадали из-за кризиса, однако сокращение занятости не было столь значительным, как сокращение деловой активности, в силу разумного применения таких мер, как сокращённый рабочий день или неделя.

Власти ЕС предпринимают попытки найти действенные методы обеспечения равноправия на рынке труда, доступа к кредитному финансированию, равным возможностям в сфере образования и здравоохранения, чтобы помочь людям повысить уровень и качество жизни. Один из инструментов – Европейский фонд адаптации к глобализационным вызовам (European Globalisation Adjustment Fund). Средства Фонда (до 150 млн евро ежегодно) предназначены для профессионального обучения и переквалификации, консультаций по поиску нового места работы, поощрения предпринимательства. С момента основания в 2007 г. Фонд получил более 150 заявок и оказал помошь около 140 тыс. работников на общую сумму свыше 560 млн евро¹. Проект по микрофинансированию (до 25 тыс. евро), действующий с 2010 г., предназначен для микропредприятий и безработных, не имеющих доступа к традиционным банковским услугам. Европейский фонд помощи наиболее нуждающимся людям (Fund for European Aid to the Most Deprived) с 2014 г. поддерживает программы государств-членов по помощи наиболее социально незащищённым группам населения, в том числе детям. Значительное содействие (пятая часть всех средств) социальному включению и изживанию бедности, уменьшению числа социальных аутсайдеров оказывает Европейский социальный фонд – основной донор по вложениям в человеческий капитал.

Развитие человеческого потенциала

Все государства ЕС, кроме Болгарии и Румынии, относятся к странам с очень высоким уровнем человеческого развития. Дания, Нидерланды, Германия и Ирландия входят в десятку мировых лидеров по индексу человеческого развития (ИЧР), рассчитываемому на основе данных об уровне доходов, продолжительности жизни и образования населения. В ЕС за последние годы произошёл заметный прогресс во многих областях развития человека, однако в то же время усилился рост неравенства как внутри стран, так и между ними. В конце первой декады нашего века возросла потребность в новых измерительных агрегатах, уточняющих ИЧР с учётом неравенства. Для этого специалисты Программы развития ООН разработали улучшенный инструмент анализа: ИЧР, скорректированный с учётом неравенства, вы-

---

¹ European Globalisation Adjustment Fund.
<http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=326&langId=en>

являющий потери в развитии человека по причине диспаритета в сфере здравоохранения, образования и доходов. Индекс развития человеческого потенциала во всех странах ЕС, с поправкой на неравенство ниже; суммарное падение составляет от 5,4% в Чехии до более 11% в Греции, Испании и Италии. Происходит это главным образом вследствие уменьшения субъиндекса дохода, в Испании, Греции, Португалии, Латвии, к примеру, более чем на 20% [Доклад о человеческом развитии, 2015]. Свою лепту в снижение ИЧР вносит и гендерное неравенство, среди компонентов которого участие в рабочей силе, получении образования, репродуктивном здоровье [Говорова, 2004]. На сегодняшний день в среднем по ЕС ситуация отличается большими гендерными разрывами в заработной плате – 16%, в пенсии – 40%. Обеспечение возможности получения достойной занятости для женщин, ведёт к сокращению бедности, более сбалансированному экономическому развитию, совершенствованию системы социальной защиты и социального обеспечения.

Расчёты индекса человеческого развития производятся без учёта расхождения показателей по широким группам населения (коренное население стран ЕС, мобильные граждане ЕС, мигранты) и возрастным категориям. Положение же различных категорий населения сильно отличается по социально-экономическим параметрам, включая бедность и неравенство.

Социальная инклузия мигрантов

Демографические перспективы Евросоюза требуют реализации эффективной миграционной политики [Потемкина, 2015], повышения привлекательности для квалифицированных трудящихся из третьих стран. Потенциал мигрантов, их вклад в ВВП можно и нужно существенно повысить, прежде всего создав равные условия в образовательной, трудовой и социальной сферах, рассматривая их как многообещающий источник развития и роста конкурентоспособности. В 2010 г. министрами стран Европейского Союза по вопросам интеграции мигрантов была принята Сарагосская декларация (Zaragoza Declaration)¹, в рамках которой страны Евросоюза согласовали индикаторы, оценивающие интеграцию мигрантов по четырем направлениям: занятость, образование, социальная включённость и гражданское участие. Единые нормативы интеграции мигрантов используются для мониторинга их социально-экономического положения и результатов интеграционной политики стран. Расчёт производится по данным обследования рабочей силы, статистики доходов и условий жизни населения и миграции Евростата, Международной программы ОЭСР по оценке образовательных достижений учащихся. На протяжении 2007–2014 гг. доля мигрантов, находящихся в зоне риска бедности и социального отчуждения, росла и существенно, почти вдвое, превышала показатели коренного населения стран ЕС и мобильных граждан (см. табл.3).

Наибольшая разница в данных *AROPE* наблюдалась в Бельгии (53,3%), Швеции, Греции (по 37,6%) и Испании (36,7%), наименьшая – в Чехии (3,1%) и на Мальте (12,9%); в наиболее тяжёлом положении оказались мигранты старше 55 лет. Самая благополучная ситуация для мигрантов, если судить по данному индикатору,

¹ Declaration of the European Ministerial Conference on Integration (Zaragoza, 15 & 16 April 2010) <https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/declaration-of-the-european-ministerial-conference-on-integration-zaragoza-15-16-april-2010>

Таблица 3

Социальная включённость, % от всего населения, 2014 год, ЕС-28

Индикаторы	Мигранты	Мобильные граждане ЕС**	Коренное население стран ЕС
Риск бедности или социального отчуждения (20–64)	49,3	30,2	24,1
Риск бедности или социального отчуждения (16–29 лет), %, 2013 г.	49,3	31,8	28,1
Доля населения за чертой бедности (%)	37,6	23,8	15,8
Работающие бедные	20,6	13,4	8,5
Средний доход, евро	12663	17938	16716
Наиболее нуждающиеся, %	18,9	7,6	8,8
Наиболее нуждающиеся (16–29 лет), %, 2013 г.	18,2	9,9	10,8
Детская бедность	36,4		19
Старшее поколение (55+)	46,7	28,4	20,6

** Граждане одной страны ЕС, временно проживающие в другой.

Источники: Eurostat.

сложилась в Польше, Дании, Литве и Чехии. Во всех широких группах населения женщины более уязвимы по отношению к бедности, хотя встречаются и ярко выраженные противоположные примеры: например, на Кипре и Мальте, в Бельгии, Чехии, Дании, Нидерландах и Финляндии женщин-мигранток, страдающих от бедности и социальной исключённости значительно меньше, чем мужчин. Схожая ситуация наблюдается только в Венгрии и Чехии среди мобильных граждан ЕС. Положение молодых мигрантов (16–29 лет) не отличается от ситуации в целом, они подвержены AROPE значительно сильнее мобильных и коренных граждан ЕС, особенно в Бельгии, Греции, Словении и Испании. В Эстонии разрыв минимальный, а на Мальте – максимальный. Ситуация с *наиболее нуждающимися* демонстрирует схожую картину, их число более чем вдвое выше среди мигрантов, включая молодёжный сегмент населения. В Греции более половины всех мигрантов относятся в данной категории, в Бельгии, Литве, Болгарии и Португалии – порядка трети.

В период 2005–2014 гг. средний доход мобильных граждан ЕС был выше не только у мигрантов, но и у коренных жителей стран ЕС. Разница начала увеличиваться с начала кризиса в 2008 г. и составила к 2014 г. по ЕС-28 более пяти тысяч евро с мигрантами и более одной тысячи с коренным населением, что неудивительно, поскольку мобильные работники, как правило, более мотивированы и квалифицированы. Средний доход в Прибалтийских государствах, а также в Хорватии, Великобритании, Португалии, Польше и на Мальте не сильно отличается у мигрантов, коренных и мобильных жителей Союза; а в Болгарии и Чехии даже превосходит его. Наибольшая разница наблюдается в Бельгии, Швеции, Финляндии, Австрии и Дании (порядка 10 тыс. евро).

Недостаток необходимых экономических ресурсов напрямую связан с проблемами оплачиваемой занятости. Одна из важных характеристик бедности – доля

работающих бедных; среди иностранных работников таковых почти в 2,5 раза больше, чем среди коренных европейцев. Существенный разрыв наблюдается *по доле населения за чертой бедности* в сравнении с коренным и мобильным населением – более чем вдвое и полтора раза соответственно. Антирекорд по этому показателю поставлен в Бельгии среди мигрантов старше 55 лет (74,7%), большой разрыв в Скандинавских странах, Ирландии, Греции и Испании; в то же время лучше, чем граждане ЕС, в этом отношении себя чувствуют мигранты в Болгарии, Польше и Чехии.

Из-за финансового кризиса условия жизни детей ухудшились во многих странах Союза, почти треть детей в ЕС живут на грани бедности и социального исключения, пятая часть из них находится в особенно тяжёлом положении. Это прежде всего дети из неполных либо больших семей, из среды мигрантов или инвалидов. В среднем по ЕС *риск бедности для детей 0–17 лет* почти вдвое выше среди детей мигрантов и детей с миграционным прошлым; в Испании, Литве, Греции и Словении он превышает 50%, в Нидерландах – 13,4%. Для улучшения ситуации требуется помочь их семьям, обеспечить занятость родителей, улучшить жилищные условия, усовершенствовать инфраструктуру по уходу за детьми младшего возраста. Роль ЕС состоит в том, чтобы поддерживать усилия национальных правительств, способствовать обмену лучшими методиками, оказывать финансовую поддержку. Инструменты для обеспечения равенства возможностей этнических, социальных и возрастных групп европейского общества в течение всей жизни заложены Комиссией в Социальном инвестиционном пакете 2013 г. (Social Investment Package), включающем рекомендации по борьбе с детской бедностью (Recommendation on Child Poverty), сокращению неравенства в молодом возрасте, увеличению финансовых средств в начальное образование, общие принципы и инструменты по доступу родителей к рынку труда, жилью, социальному обеспечению.

Говоря о проблемах старшего поколения по ЕС в целом, можно утверждать, что пенсии предоставляют большинству людей достаточную защиту от бедности. Пожилые граждане имеют уровень жизни близкий к работающему населению (средний совокупный чистый доход людей в возрасте 65 лет и выше достигает 93% дохода работоспособного населения). Даже во время кризиса эта категория населения была лучше защищена, чем другие возрастные группы (однако в отдельных государствах-членах наблюдаются риски и отсутствие гарантий финансового благополучия в старости). Благополучие же пожилых мигрантов оставляет желать лучшего по сравнению с гражданами Союза, особенно в Бельгии, Словении и Греции и только Дания подаёт хороший пример – там пожилых неимущих иностранцев меньше, чем где-либо в ЕС, кроме Люксембурга.

Высокий уровень занятости населения – ключевой фактор преодоления бедности и маргинализации. Многие люди потеряли работу из-за кризиса, а новые рабочие места возникают и будут создаваться в отраслях, требующих высокого уровня образования. Уже сейчас отмечается нарастание трудностей в поиске работы для низкоквалифицированных работников, в то время как возможности трудоустройства для отдельных категорий квалифицированных трудящихся улучшаются. Между гражданами Союза и легальными мигрантами имеется диспаритет и по некоторым показателям в области образования. Молодые мигранты чаще, чем в два раза, не заканчивают образовательные учреждения или профессиональное обучение, го-

раздо сильнее рискуют оказаться вне образования, обучения и занятости. Только менее трети мигрантов имеют законченное высшее образование, в то же время среди них почти 40% малообразованных, что значительно хуже показателей граждан ЕС. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что ЕС трудно будет достигнуть намеченных к 2020 году индикаторов в области образования (бросивших обучение – менее 10%, имеющих образование выше среднего – более 40%).

* * *

Сегодня можно утверждать, что неравенство между различными группами людей – бедными и богатыми, одинокими и семейными, мужчинами и женщинами, молодыми и пожилыми – критический вызов прогрессу в человеческом развитии. Свою миссию в XXI веке ЕС видит в обеспечении безопасности и содействии экономической и социальной солидарности европейцев [Fontaine, 2014]. Рост бедности, изоляции, неравенства в получении доходов и важнейших социальных благ можно отнести к основным рискам, порождаемым интеграцией мирового масштаба, играющим всё возрастающую роль в системе вызовов безопасности нынешнего столетия. Борьба с бедностью не только моральный долг общества, но и экономическая необходимость. В современной Европе миллионы граждан испытывают нищету и лишения, и именно такие люди более всего пострадали в результате экономического кризиса. В фокусе борьбы ЕС с бедностью и социальной исключённостью – интеграция долговременных безработных, улучшение доступа молодых людей к занятости и профессиональному обучению, устойчивое включение мигрантов в рынок труда. Европейское общество нуждается в активной политике в трудовой и образовательной сферах с учётом движения к низкоуглеродной, ресурсоэффективной экономике, структурных трансформаций, технологических изменений и инноваций, модификации промышленного и потребительского спроса [Каргалова, 2014]. Высокий уровень и качество занятости населения обеспечивают стабильность индивидуальных доходов, рост совокупных ресурсов общества для производства максимального количества общественных благ и их справедливого распределения.

Список литературы

- Говорова Н.В. (2001) Бедность в европейских странах с переходной экономикой // *Современная Европа*. №2. с. 96–103.
- Говорова Н.В. (2004) Гендерные аспекты занятости: новые тенденции, старые проблемы // *Проблемы теории и практики управления*. № 6. с. 107–114.
- Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития. Пер. с англ. Human Development Report 2015: Work for Human Development 2016 г. М.: Издательство “Весь Мир”. 284 с.
- Каргалова М.В. (2014) Путь Европы к социальной интеграции и новации в социальной сфере ЕС. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова. М.: Издательство “Весь Мир”. с. 327–346.
- Потемкина О.Ю. (2015) Европейская повестка дня по миграции - Новый поворот в иммиграционной политике ЕС // *Современная Европа*. №4. с. 28–40.
- Communication from the Commission Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels, 3.3.2010 COM (2010) 2020 final

Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union, Art. 151, 156. Official Journal of the European Union. C 83. 30.03 2010

Fontaine P. Europe in 12 lessons. European Commission Directorate-General for Communication Publications 1049 Brussels Belgium. 2014 <http://bookshop.europa.eu/en/europe-in-12-lessons-pbNA0213714/?CatalogCategoryID=tgUKABst4kkAAAEj5EY4e5L>

United Nations Economic Commission for Europe. Conference of European Statisticians. The measurement of poverty and social inclusion in the EU: achievements and further improvements. Working paper 25. 25 November 2013.

References

Govorova N.V. (2001) Bednost' v evropejskih stranah s perekhodnoj ekonomikoj // *Sovremennaya Evropa*. №2. s. 96–103.

Govorova N.V. (2004) Gendernye aspekty zanyatosti: novye tendencii, starye problemy // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. № 6. s. 107–114.

Doklad o chelovecheskom razvitiyu 2015. Trud vo imya chelovecheskogo razvitiya. Per. s angl. Human Development Report 2015: Work for Human Development 2016 g. M.: Izdatel'stvo "Ves' Mir". 284 s.

Kargalova M.V. (2014) Put' Evropy k social'noj integracii i novacii v social'noj sfere ES. Bol'shaya Evropa. Idei, real'nost', perspektivy pod obshch. red. Al. A. Gromyko i V. P. Fyodorova. M.: Izdatel'stvo "Ves' Mir". s. 327–346.

Potemkina O.YU. (2015) Evropejskaya povestka dnya po migracii - Novyj poverot v immigracionnoj politike ES // *Sovremennaya Evropa*. №4. s. 28–40.

Communication from the Commission Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels, 3.3.2010 COM (2010) 2020 final

Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union, Art. 151, 156. Official Journal of the European Union. C 83. 30.03 2010

Fontaine P. Europe in 12 lessons. European Commission Directorate-General for Communication Publications 1049 Brussels Belgium. 2014 <http://bookshop.europa.eu/en/europe-in-12-lessons-pbNA0213714/?CatalogCategoryID=tgUKABst4kkAAAEj5EY4e5L>

United Nations Economic Commission for Europe. Conference of European Statisticians. The measurement of poverty and social inclusion in the EU: achievements and further improvements. Working paper 25. 25 November 2013.

Poverty and inequality in European Union

Author. Govorova N.V., Leading Researcher, Institute of Europe RAS, Assistant Professor of Economics, Moscow Technological Institute. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** n_govorova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the poverty, inequality and social inclusion in the European Union, paying attention to the most vulnerable part of the population – migrants. The author emphasizes the heterogeneity of these phenomena among the EU countries, the negative impact on human development and economic competitiveness. She points out the necessity of socio-economic convergence of Member States and coordinated policy in the education and employment sectors.

Keywords: European Union, poverty, inequality, labor market, human development, migrants.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016111120>

УДК 332.85

Лилит ГУЛЯН

РЫНОК ЖИЛЬЯ В НОРВЕГИИ: УГРОЗА “ПУЗЫРЯ”

Аннотация. Жилищная политика Норвегии на протяжении последних десятилетий привела к росту привлекательности жилья в этой стране как прибыльной и перспективной инвестиции. Однако рост цен на рынке недвижимости, который наблюдается в последние годы, вызывает опасения в связи с возможностью возникновения состояния “жилищного пузыря”. В данной статье рассматриваются отличительные черты “пузыря” на рынке недвижимости вообще, а также вероятность его образования в Норвегии.

Ключевые слова: “финансовый пузырь”, “жилищный пузырь”, рынок недвижимости, Норвегия.

Экономический кризис, начавшийся в 2008 г. в Соединённых Штатах и в дальнейшем распространявшийся на всю мировую экономику, привёл к жилищному сектору особое внимание экономистов, так как в нём произошли изменения, приведшие к кризису. В последнее время эксперты нередко высказывают опасения относительно европейского рынка недвижимости. В частности, ситуация в Норвегии, как одной из самых экономически благополучных стран Европы, вызывает особый интерес. Так, Нуриель Рубини, известный экономист, профессор экономики Школы бизнеса Нью-Йоркского университета, в декабре 2013 г. считал, что угрожающие тенденции повторения коллапса жилищного рынка, который произошёл в США в 2008 г., наблюдаются в Швейцарии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Франции, Германии, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Великобритании (преимущественно в Лондоне), Гонконге, Сингапуре, Китае, Израиле, Турции, Индии, Индонезии и Бразилии. Он также высказал предположение, что возможное снижение цен на нефть может стать для страны-экспортера, какой является Норвегия, катализатором замедления роста экономики, а также тем фактором, который может послужить причиной обвала цен и дальнейшего кризиса в стране. [Roubini, 2013].

Подобные оценки жилищного сектора Норвегии звучат всё чаще, что заставляет более пристально взглянуть на ситуацию на рынке с целью установить, существует ли на нём “жилищный пузырь” как разновидность или составляющая финансовых “пузырей”.

© Гулян Лилит Григорьевна – аспирант Института Европы РАН. *Адрес:* 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. *E-mail:* lilith_ghulian@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016121130>

Опасность “жилищного пузыря”

Финансовыми “пузырями” называют явление, при котором рыночные цены на те или иные активы превышают их справедливую стоимость [Чиркова, 2012]. Таким образом, первым тревожным сигналом образования пузыря на рынке недвижимости может служить необоснованный рост цен на жильё, вызванный теми или иными объективными или спекулятивными факторами. За ростом цен закономерно последует рост спроса, который, в свою очередь, будет стимулировать ещё больший рост цен. Так образуется “пузырь”, который рано или поздно “лопнет” с последующим понижением цен.

Вторым важным показателем возможного наличия пузыря является доступная ипотека, когда он может быть спровоцирован ипотечным кредитом с низким процентом, в период возросшего спроса и повышением стоимости жилья. Оба эти фактора – возрастающий спрос и дешёвые кредиты – привлекают всё большее число участников на рынок. По мере нарастающей эйфории, вызванной ростом цен, на рынке появляется большое число мелких спекулянтов, продолжающих игру на повышение, пренебрегая аналитическими данными и игнорируя доводы опытных игроков рынка. Те, в свою очередь, первыми начинают выводить свои активы, при этом получая прибыль от уже выросших цен. Их уход становится причиной паники на рынке, вследствие чего цены на жильё начинают резко идти вниз, приумножая убытки оставшихся игроков.

Помимо показателей роста цены и доступного кредита, характеризующих практически все пузыри и справедливых для большинства рынков, у “жилищных пузырей” есть свои особенности, связанные со спецификой рынка недвижимости. Во-первых, это особенность жилища как товара и роль жилищного сектора в национальной экономике.

Жильё является не просто товаром, а одной из основных социальных потребностей, которую так или иначе стремится удовлетворить каждый человек в любой стране. Естественный спрос на жилую недвижимость делает её основной формой накопления капитала в большинстве развитых стран.

Во-вторых, жилищный рынок является мощным генератором так называемых волн спроса, которые могут охватывать практически все отрасли экономики, так как новые дома и жилые кварталы, как правило, нуждаются в новых дорогах, магазинах и прочих инфраструктурных объектах, стимулирующих смежные отрасли экономики. Как отмечает Л.Г. Ходов, “в отличие от других отраслей экономики, в жилищном строительстве произведённые капиталовложения, даже если квартира продана и хозяйственный цикл завершился, служит стимулом для новых инвестиций” [Ходов, 2008].

Банковский сектор также тесно связан с рынком жилья, так как одним из наиболее распространённых видов кредитования по-прежнему является ипотека.

Таким образом, жилищный сектор – одна из сфер, развитие которой предполагает задействование различных прямых и косвенных механизмов госрегулирования, – даже в тех странах, где участие государства в рыночных отношениях, в целом, минимально.

В-третьих, в отличие от рынка ценных бумаг, на рынке жилья предметом купли-продажи является продукт с менее эластичным предложением, поскольку строительство жилых объектов зачастую не только требует больше времени и капитало-

вложений, чем производство иных товаров и услуг, но также может ограничиваться дополнительными нормативно-правовыми регуляторами. Так, например, квоты на строительство объектов жилой недвижимости в том или ином районе непосредственно сказываются на предложении жилья на рынке. В то время как спрос на жильё более эластичен и подвержен изменениям. Подобное сочетание неэластичного предложения и эластичного спроса на жильё осложняет прогнозирование наличия пузырей на рынке.

В-четвёртых, нельзя не отметить, что рынок жилья изначально неоднороден и неравномерен. Если на рынке акций, например, существует текущая цена на тот или иной продукт, то на рынке жилья не существует текущей цены, примерно одинаковой для всего рынка, на единицу жилья. Цена может существенно разниться как внутри региона, так и в разных регионах страны по причине множества различных ценообразующих факторов.

Это означает неравномерное изменение цен в регионах. То есть во время раздувания пузыря и его схлопывания рынок недвижимости будет вести себя асинхронно, что только удлинит эти стадии. Эдвард Глазер, известный американский экономист, профессор экономики Гарвардского университета, пишет в своей статье, посвящённой жилищным пузырям, что в истории Соединённых Штатов можно выделить отдельные “бесславные даты”, связанные с обвалами цен на акции, такие, как 24 октября 1929 г. (так называемый Чёрный вторник) или 19 октября 1987 г. (Чёрный понедельник). Однако аналогичных “чёрных” дней для обозначения обвала на рынке жилья нет по той причине, что могут пройти годы, прежде чем цены достигнут нижней отметки, вернувшись к равновесной цене [Glaeser, 2014].

Вышеперечисленные особенности жилищного пузыря характеризуют его как опасное явление для национальной экономики, прежде всего из-за роли и значения жилищно-строительного сектора в экономике страны. Более того, неравномерность рынка и, как следствие, затянутость “схлопывания” могут привести к длительной рецессии.

Однако, несмотря на то что явление “пузырей” не ново, оно практически не-предсказуемо по двум ключевым причинам:

1. Возможные предпосылки образования экономических, или как их ещё называют ценовых, пузырей не установлены точно. Существуют различные гипотезы, дающие скорее теоретические описания и объяснения данного экономического явления. Более того, несмотря на негативные эффекты пузырей, неизбежно ведущих к обвалу цен и экономическому спаду, классическая и неоклассическая экономическая теория оправдывают их существование, защищая свободу рынка и призываая к невмешательству в процессы регулирования спроса и предложения, а зачастую и вовсе говоря о пользе пузырей как своеобразной “встряски” для экономики, после которой отсеиваются слабые игроки. Согласно такому видению, выявление причин, а также дальнейшее регулирование с целью предотвращения образования пузыря противоречат самой сути рынка.

2. Невозможно определить момент “схлопывания” пузыря. Непрерывный рост цен, который провоцирует больший рост спроса, в определённый момент обрывается, цены рушатся и происходит обесценивание имущества, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему обвалу в банковской сфере и государственной финансовой системе. Отсутствие способов более или менее точного определения времени обвала приводит к тому, что схлопывания избежать невозможно.

Эти особенности были присущи жилищному пузырю, лопнувшему в США в преддверии мирового финансового кризиса в 2008 г. и послужившего его катализатором. Нельзя оставить без внимания тот факт, что аналогичные кризисы имели место также в европейских странах: Великобритании, Испании, Франции, Ирландии [Проноза, 2014]. А в последние годы всё чаще звучат опасения относительно рынка недвижимости Норвегии. Йенс Столтенберг ещё в 2011 г., будучи премьер-министром Норвегии, в интервью Bloomberg сообщил, что “опасается схлопывания жилищного пузыря вследствие падения цен на недвижимость” [Kramer, 2011].

Заявление Столтенberга вызвало пристальный интерес к рынку жилья многих экономистов как внутри Норвегии, так и за рубежом. Если раньше инвестиции в недвижимость ассоциировались у норвежцев лишь с положительными экономическими перспективами, то теперь многие всерьёз опасаются грядущего экономического кризиса, причиной которого может стать переоценённое жильё.

Джесс Коломбо, экономический аналитик Forbes пишет со ссылкой на Всемирный мониторинг цен на жильё, проведённый экспертами МВФ, что текущее соотношение цены жилья и доходов населения составляет 125% от своего исторического значения, а соотношение цены и стоимости аренды жилья - рекордные 170% от исторического значения [Colombo, 2016]. Это, как и тот факт, что большей частью задолженность домохозяйств Норвегии является задолженностью по ипотечным кредитам, даёт основания ожидать разрастания жилищного пузыря в стране.

Для того чтобы понять насколько эти опасения обоснованы, следует обратиться к цифрам и соотнести данные по рынку недвижимости Норвегии с критериями образования пузыря, рассмотренными выше.

Тихая гавань или бомба замедленного действия?

Жилищные условия в Норвегии стабильно улучшались на протяжении последних десятилетий. Налоговая политика государства, поддержка жилищно-строительного комплекса, а также общий экономический курс страны привели к тому, что Норвегия на сегодняшний день является одной из стран с наиболее благоприятными жилищными условиями.

Согласно данным официальной статистики за 2015 г. в Норвегии зарегистрировано 2 205 191 жилище. Большая их часть (52,9%) – отдельные дома-особняки, 9,2% – дома с двумя отдельными жилыми помещениями, 11,8% – таунхаусы, 22,7% – многоквартирные дома, 3,4% – местопребывания коммун и иные виды жилья.

На сегодняшний день среднее число жильцов на одну единицу жилья составляет 2,1 человека, тогда как по данным 1980 г. эта цифра равнялась 2,7. Среднее число комнат на единицу жилья, напротив, возросло от 3,6 в 1980-м до 4 в 2015 г. Тем самым метраж жилого пространства на человека увеличился в среднем с 37 м² до 60 м². Помимо этого росло стандарт жилья и уровень внутреннего оснащения: данные 2015 г. показывают, что в каждом жилище есть как минимум один телевизор, в девяти из десяти жилищ есть холодильник и персональный компьютер, в восьми из десяти – посудомоечная машина и практически в каждом доме стиральная машина [This is Norway, 2015].

Благоприятные условия для жизни, а также стабильно развивающаяся экономика Норвегии привлекли немалые инвестиции на рынок недвижимости страны за

последние годы. Кроме того, мировой финансовый кризис повлёк за собой мощный отток капитала в так называемые тихие гавани – страны со стабильной и привлекательной для инвесторов экономикой, одной из которых является Норвегия. Наметившийся рост спроса повлёк закономерное повышение цен на недвижимость в стране.

Как отмечалось ранее, жилищные условия в Норвегии одни из лучших в мире, поэтому подобный интерес к недвижимости у них вряд ли был неожиданным для норвежцев. Однако существует опасность переоценённости жилья, вызванной внезапным увеличением спроса, что может означать назревающий “пузырь”.

Согласно данным официального статистического бюро Норвегии Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway), цены на жилую недвижимость заметно увеличились за последний год.

В таблице 1 показано, как менялись цены за последний квартал 2015 г., а также за весь 2015 г. Общий рост цен в этом секторе по всей стране составил 4,6%, а наибольшее подорожание заметно в крупных городах, таких как Осло и Акерсхус. Данные таблицы подтверждают упомянутую выше особенность неравномерного развития рынка недвижимости, так как подорожание жилья в Осло сопровождается низкими темпами или вовсе понижением цен в регионах, таких как Ругаллан, например, включая его областной центр Стравангер, где цены упали на 8,1%.

Таблица 1. Индекс роста цен на жильё в Норвегии с 2014 по 2015 г. (%)¹

	С устранением сезонных колебаний	С IV квартала 2014 г. по IV квартал 2015 г.
	С III квартала 2015 г. по IV квартал 2015 г.	
По всей стране	0,6	4,6
Осло (включая Берум)	2,0	9,2
Стравангер	-2,3	-8,1
Берген	0,1	4,5
Тронхейм	0,1	3,5

¹ Statistics Norway – House price index, Q4 2015. URL: <http://www.ssb.no/en/priser-og-prisindeks/statistikker/bpi/kvartal/2016-01-13>

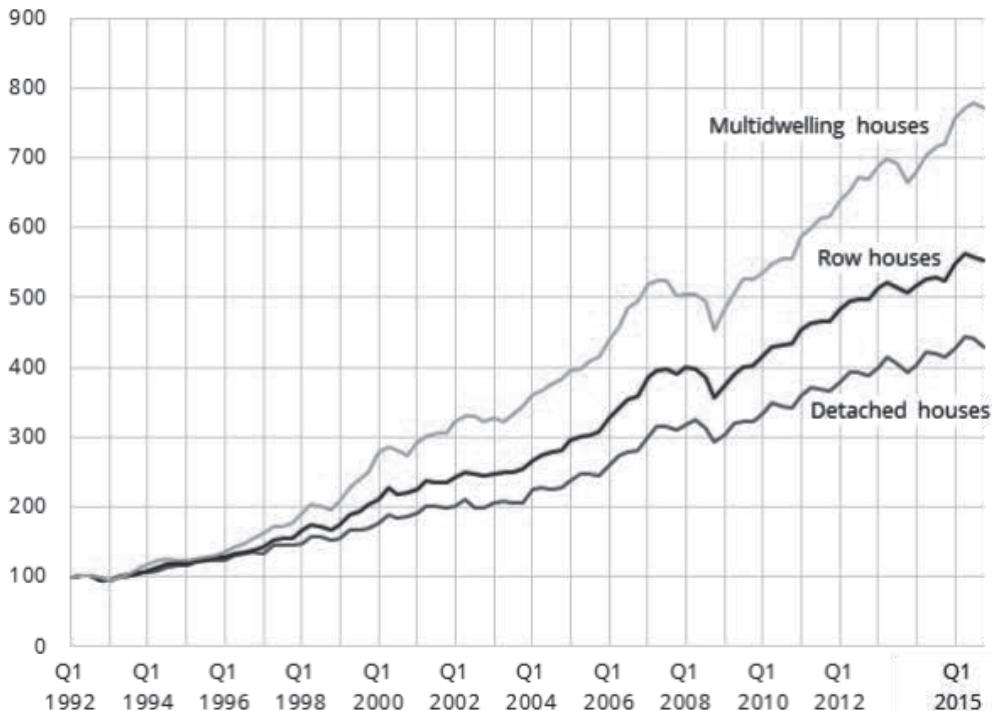
Акерсхус (за исключением Берума)	1,5	8,8
Эстланн	1,2	6,4
Хедмарк и Оппланн	1,7	5,1
Агдер и Ругаланн (за исключением Стравангера)	-1,4	-1,4
Вестланн (за исключением Бергена)	-0,2	2,7
Трёндэлаг (за исключением Тронхейма)	0,5	2,4
Нур-Норге	0,0	1,7

Однако общая тенденция к подорожанию жилья наблюдается с более раннего времени. На графике 1 можно увидеть, как изменились цены на три основных типа жилья, распространенных в Норвегии, – многоквартирные дома (Multidwelling houses), таунхаусы (Row houses) и отдельные дома-особняки (Detached houses) – в период с 1992 по 2015 г. Наибольший их рост произошел на многоквартирные дома, очевидно, из-за большего спроса населения на этот тип жилья. Цены на них выросли почти в восемь раз, тогда как таунхаусы и отдельные дома стали стоить больше в 5,5 и 4,5 раза соответственно.

Следует отметить, что в отличие от своих соседей шведов, норвежцы реже арендуют жильё, предпочитая быть собственниками домов. По данным 2015 г., 84% домохозяйств являются собственниками своего жилья, тогда как лишь 5% арендуют его.

В отчёте Евростата по жилищной политике за 2015 г. указано, что 65,6% населения Норвегии, живущего в собственных жилищах, приобрели недвижимость в ипотеку [Housing statistics, 2015]. В связи с преобладающим числом собственников жилья по отношению к арендаторам, ипотека и ипотечные ставки кредитования вызывают особый интерес, так как относительно низкие проценты по ипотеке являются вторым возможным катализатором развития “жилищного пузыря”.

График 1. Рост цен на жильё по типу жилища¹.

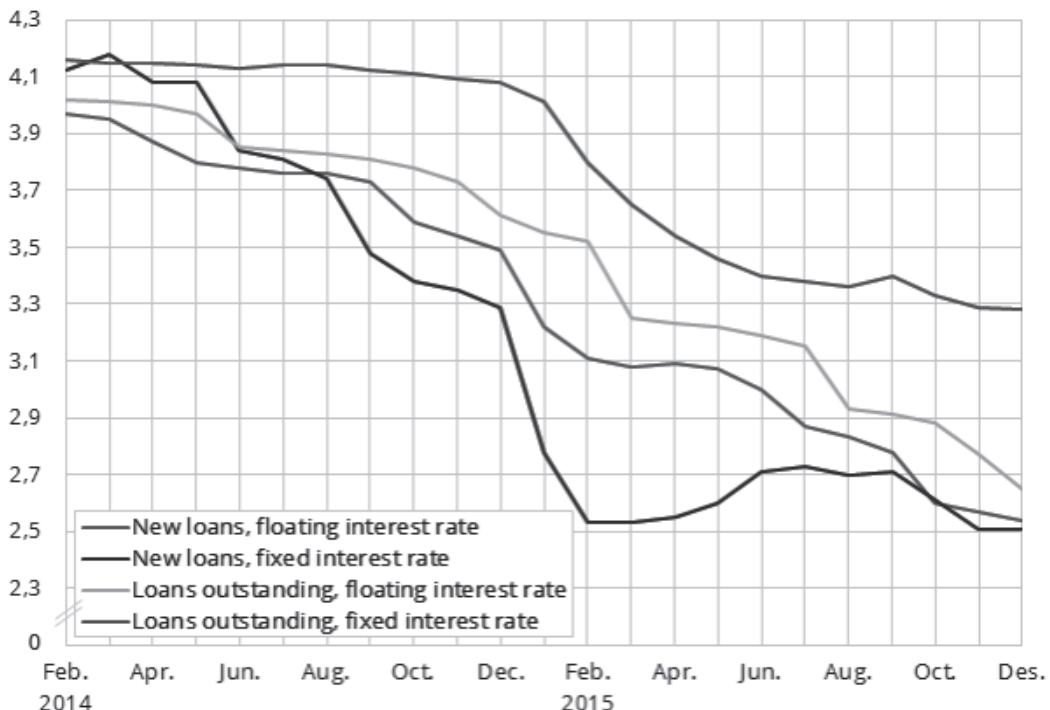
Source: Statistics Norway.

Ставка ипотечного кредитования, согласно данным StatBank Norway, постепенно снижается. В декабре 2015 г. процент по ипотеке на новые займы по фиксированной ставке составлял 2,53%, в ноябре – 2,57%, а в декабре 2014 г. эта цифра равнялась 3,48%.

На графике 2 показана тенденция изменения ставки за 2014–2015 гг., из чего можно сделать очевидный вывод о снижении процента ипотечного кредитования, как по новым займам, так и по непогашенным.

¹ Statistics Norway – House price index, Q4 2015. URL: <http://www.ssb.no/en/priser-og-prisindeks/statistikker/bpi/kvartal/2016-01-13>

**График 2. Процентные ставки по новым и непогашенным ипотечным кредитам.
Помесячные данные банков и ипотечных компаний¹.**

Source: Statistics Norway.

Рост цен и снижение ипотечной ставки, безусловно, не остались незамеченными норвежским правительством. Если раньше рост инвестиций в недвижимость не вызывал опасений у властей, в последнее время государство начало внимательнее присматриваться к процессам происходящим на рынке, пытаясь предотвратить разрастание “жилищного пузыря”. Возможным способом не допустить его развития и дальнейшего “схлопывания” могло бы стать, вероятно, повышение ставки по ипотеке. Подобная мера сократила бы спрос на жилье и частично замедлила рост цен. Однако норвежское правительство не может допустить повышения ипотечной ставки прежде всего по той причине, что это ещё больше укрепит курс норвежской кроны, что, в свою очередь, отрицательно скажется на экспорте страны.

Правительство также может сократить спрос на недвижимость с помощью повышения налога на недвижимое имущество, который, на данный момент, ниже всех других видов налогов на имущество. Либо, наоборот, снизить налоги на другие виды.

¹ Statistics Norway – Interest rates in banks and mortgage companies, December 2015. URL: <https://www.ssb.no/en/bank-og-finansmarked/statistikker/renter/maaned/2016-02-15>

ды активов, тем самым, направив инвестиции с рынка недвижимости на рынки ценных бумаг.

Среди возможных альтернативных решений, предлагаемых экспертами, звучат также призывы к сокращению кредитования. Благодаря низким кредитным ставкам на протяжении прошлых лет, стоимость недвижимого имущества для семьи существенно снизилась. Однако принимая во внимание, что повышение ставки в целях сокращения спроса на жильё нежелательно, банкам разумнее было бы сократить объёмы ипотечного кредитования в целом.

Исходя из этих доводов, а также базируясь на отчёте Государственного агентства по финансовому надзору (Finanstilsynet), Министерство финансов Норвегии приняло “Положение о требованиях к ипотечным жилищным займам” от 6 июня 2015 г. Документ вступил в силу 1 июля 2015 г. и направлен на “содействие более осторожной практике кредитования и снижению давления на рынке недвижимости”. В частности, положение закрепляет верхний предел процентного отношения суммы займа к оценённой стоимости заложенного под этот заем имущества на уровне 85%, а также оговаривает в качестве особого условия возможность повышения процентной ставки в пределах 5 процентных пунктов кредитором при оценке платёжеспособности заёмщика [Отчёт..., 2015].

Министерство ожидает увидеть результат подобного регулирования к концу 2016 года, однако допускает возможность дополнительных мер в сфере регулирования ипотечного кредитования, если того потребует объективная ситуация на рынке жилья.

Вероятно, правительство Норвегии рассчитывает как минимум обеспечить “мягкую посадку”, то есть смягчить падение цен на жилую недвижимость после “схлопывания” пузыря. Это вполне обоснованно ввиду специфики асинхронности рынка жилья, а также предпринимаемых мер государственного регулирования. Именно фактор активного государственного участия в экономике страны позволяет делать оптимистичные прогнозы, основанные на том, что централизованное регулирование ситуации на рынке недвижимости снизит ущерб от неизбежного падения цен на жильё в Норвегии.

* * *

Очевидно, что рынок недвижимости Норвегии подвержен воздействию эффекта “жилищного пузыря”, о чём свидетельствуют статистические данные, а также меры, предпринимаемые правительством Норвегии с целью сократить возможный ущерб неизбежного “схлопывания” пузыря. Законодательные шаги правительства Норвегии дают основания полагать, что при правильном и своевременном регулировании государством рыночных механизмов на рынке жилья удастся избежать сильных потрясений, которые в ином случае повлекли бы за собой экономический кризис в Норвегии.

Список литературы:

Макуха С.Н. Финансовые пузыри как фактор влияния на экономическую динамику. 2014. С. 2.
URL:<http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/2597/1/Финансовые%20пузыри%20как%20фактор%20влияния%20на%20экономическую%20динамику.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).

Отчёт Государственного агентства Норвегии по финансовому надзору о финансовых тенденциях 2015 года. URL: <http://www.finanstilsynet.no/en/Document-repository/Reports/2015/Summary-of-the-report-Financial-Trends-2015/> (дата обращения: 14.02.2016).

Проноза П.В. (2014) Теоретические аспекты возникновения “пузырей” в экономике/ Проблемы экономики, №1, 2014. С. 149–150. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-vozniknoveniya-puzyrey-v-ekonomike> (дата обращения: 13.02.2016).

Ходов Л.Г. (2008) Государственное регулирование жилищного хозяйства // Доклады Института Европы №227. 2008. С. 28–29.

Чиркова Е.В. (2012) Предпосылки возникновения финансового пузыря. Вестник Финансового университета. №1, 2012. С. 79. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/predposylnki-vozniknoveniya-finansovogo-puzyrya> (data obrashhenija: 14.02.2016)Colombo J. Norway's Housing Bubble URL: <http://www.thebubblebubble.com/norway-housing-bubble/> (Accessed: 13.02.2016).

References

- Chirkova E.V. (2012) Predposylnki vozniknovenija finansovogo puzyrja. Vestnik Finansovogo Universiteta. № 1, 2012. S. 79. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/predposylnki-vozniknoveniya-finansovogo-puzyrya> (data obrashhenija: 14.02.2016)Colombo J. Norway's Housing Bubble URL: <http://www.thebubblebubble.com/norway-housing-bubble/> (Accessed: 13.02.2016).
- Glaeser E. L., Nathanson C. G. Housing Bubbles. NBER Working Paper No. 20426. August 2014. URL: <http://www.nber.org/papers/w20426>
- Hodov L.G. (2008) Gosudarstvennoe regulirovanie zhilishhnogo hozjajstva // Doklady Instituta Evropy №227. 2008. S. 28–29.
- Housing statistics. Eurostat Annual report. 2015 URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Housing_statistics (Accessed: 13.02.2016).
- Kramer J. (2011) Norway Premier Stoltenberg Warns of Housing Bubble, VG Reports, Bloomberg Business. October 7, 2011. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2011-10-07/norway-premier-stoltenberg-warns-of-housing-bubble-vg-reports> (Accessed: 14.02.2016).
- Landmark K.C. (2013) Norwegian Housing: Bursting Bubble Or Gentle Landing? Copenhagen Business School. 2013.
- Makuhu S.N. (2014) Finansovye puzyri kak faktor vlijanija na jekonomicheskuju dinamiku. 2014. С. 2. URL:<http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/2597/1/Finansovye%20puzyri%20kak%20faktor%20vlijanija%20na%20jekonomicheskuju%20dinamiku.pdf> (data obrashhenija: 07.02.2016).
- Otchjot Gosudarstvennogo agentstva Norvegii po finansovomu nadzoru o finansovyh tendencijah 2015 goda. URL: <http://www.finanstilsynet.no/en/Document-repository/Reports/2015/Summary-of-the-report-Financial-Trends-2015/> (data obrashhenija: 14.02.2016).
- Pronoza P.V. (2014) Teoreticheskie aspekty vozniknovenija “puzyrej” v jekonomike/ Problemy jekonomiki, №1, 2014. С. 149–150. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-vozniknoveniya-puzyrey-v-ekonomike> (data obrashhenija: 13.02.2016).
- Roubini N. (2013) Housing bubble 2.0 can only end badly. The Guardian. December 2, 2013. URL: <http://www.theguardian.com/business/2013/dec/02/housing-bubble-bust-recession> (Accessed: 14.02.2016).
- This is Norway 2015. What the figures say? Statistics Norway. Oslo/Kongsvinger. 2015. URL: <http://www.ssb.no/en/befolknign/artikler-og-publikasjoner/this-is-norway-2015> (Accessed: 10.02.2016).

The real estate market of Norway: a Threat of a Bubble

Author. Gulian LG, Post-graduate student of Economics, Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009. **Email:** lilith_ghulian@mail.ru

Abstract. Norway's real estate market has lately become very attractive for the investments, because of the high quality of life and reasonable government policy. Nevertheless, the tendency of rising house prices seems to be a sign of emerging housing bubble. In this article the author describes main features of housing bubbles as well as analyses the possibility of bubble bursting in Norway's real estate market.

Key words: bubble, housing bubble, real estate market, Norway.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016121130>

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 336.741

Ольга БУТОРИНА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОНЕТ¹

Аннотация. Согласно превалирующему в экономической науке мнению, деньги появились стихийно в результате разделения труда и развития товарного производства. Представители государственных теорий денег утверждают, что деньги создаются законодательной силой государства. Задача данной статьи – проверить соответствие этих взглядов факту появления первых монет в Малой Азии и в Древней Греции. На основе анализа исторического материала показано, что импульс к первоначальной эмиссии исходил от государства. Быстрое распространение монет стало возможным благодаря созревшему общественному (и рыночному) спросу на новый тип денег.

Ключевые слова: первые монеты, теории денег, хартиализм, новая денежная теория, бартерная экономика, античные монеты, царство Лидия.

Первые монеты и их научная трактовка

Процесс создания монеты занял почти полтора тысячелетия, начиная от появления во многих местах дифференцированных по весу металлических слитков. Постепенно такие слитки трансформировались в несколько типов денежных объектов: в виде брусков, прутьев, вертелов. В первой половине первого тысячелетия до н.э. домонетные формы денег распространились по материковой и островной Греции, а также по всему восточному Средиземноморью [Зограф, 1951: 23; Davies, 2002: 61–63].

Первые монеты были отчеканены в первой половине VII в. до н.э. в царстве Лидия в Малой Азии царём Гигесом, основателем династии Мермнадов². На этот счёт в современной исторической науке существует прочно утвердившийся консенсус. Вскоре чеканку переняли многие соседние народы. Уже в VI в. до н.э. монеты ходили по всему Средиземноморью, включая его отдалённые уголки, не имеющие собственных монетных дворов. Штемпели на древнегреческих монетах указывали на место их выпуска: на монетах Афин изображалась сова; тюлень указ-

---

¹ Автор благодарит Андрея Валентиновича Стрелкова, к.и.н., доцента кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета за внимательное прочтение текста, содержательные замечания и доброжелательную консультацию. Ответственность за все возможные ошибки лежит целиком на авторе.

² Лидия в строгом смысле слова не относилась к Древней Греции, находясь на стыке двух древних миров – западного и восточного. В статье автор считает правомерным рассматривать эмиссию лидийских монет в контексте экономической истории античной Греции.

зывал на то, что монета происходила из Фокеи, львиная голова – из Милета, Пегас – из Коринфа, орел – из Элиды, роза – из Родоса и т.д.

Накладывая данные события на последовательность периодов в истории Древней Греции, следует констатировать, что изобретение и распространение монет произошло в архаическую эпоху – время вторичного возникновения цивилизации в форме городов-государств (VIII–VI века до н.э.). Ей предшествовали Темные века, или гомеровская эпоха (XI–IX века до н.э.). После архаического периода началась классическая эпоха – пора расцвета городов-государств, особенно Афин (V–IV века до н.э.), за которой последовала эпоха эллинизма – время греко-македонской экспансии на Восток, формирования эллинистических государств вплоть до их поглощения Римом (334–30 гг. до н. э.) [Фролов, 2008: 543–544].

Согласно первому традиционному и берущему начало от Аристотеля предположению, монета возникла из разделения труда и по общему договору людей. Необходимость обменивать излишки продукции породила меновую торговлю. Далее неудобство бартера сформировало общественную потребность во всеобщем эквиваленте – сначала в товарных деньгах (которыми служили зерно, соль, животные), а потом в чеканной монете. Приведём цитату из аристотелевой “Политики”.

“...Меновая торговля... вовсе не является разновидностью искусства наживать состояние, ведь её назначение — восполнить то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни. Однако из указанной меновой торговли развилось всё-таки вполне логически и искусство наживать состояние. Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например железо, серебро или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, и в конце концов, чтобы освободиться от их измерения, стали отмечать их чеканом, служившим показателем их стоимости”¹.

Примечательно, что ни здесь, ни в другом месте Аристотель не объясняет, как именно люди освободились от измерения денежных товаров (железа, серебра и других) и как на практике заменили их чеканной монетой. По словам влиятельного английского экономиста Лайонела Роббинса, идеи Аристотеля о природе денег “оставались влиятельными на протяжении всей истории экономической мысли... до тех пор пока в конце XVIII века не появились Петти, Адам Смит и Юм...” [Роббинс, 2013: 58]. Видимо, попав под обаяние Аристотеля, экономисты более позднего времени бессознательно пропускали вопрос о соотношении исторического опыта с теоретическими взглядами на возникновение монеты. Возможно также, что они не могли опереться на достоверные результаты исторической и археологической науки.

Беря на себя смелость оправдать величайшего мыслителя античности, отметим, что Аристотель жил в IV веке до н.э., когда греческой экономике была свойственна высокая степень monetизации. Монеты прочно вошли в повседневную жизнь, став неотъемлемой частью культуры, экономики и политики. Очевидно, Аристотель не располагал сведениями о том, как за три столетия до его рождения произошёл выпуск и распространение первых монет.

Надо признать, что и поныне сторонники стихийного происхождения денег ничего не говорят о том, как, по их мнению, общественная потребность в монете привела к её возникновению. Между спросом на монету со стороны торговли и самой

¹ Аристотель. Политика. Книга вторая. // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 391.

монетой они выставляют своего рода чёрный ящик со скрытым от наблюдателя содержанием. Этот логический пропуск по обыкновению присутствует в университетских учебниках экономической теории, как в России, так и за рубежом.

Согласно второму подходу, деньги создаются государством. Первоначально в рамках номиналистической теории денег оформилось представление о деньгах как о знаках стоимости, не имеющих товарной природы, и о праве государства выпускать необеспеченные деньги. В античности такие трактовки встречаются у Платона и Аристотеля, в XVIII в. номиналистическая теория денег получила развитие в трудах английских мыслителей Дж. Стюарта и Дж. Беркли, в России её продвигал Иван Посошков.

На этой теоретической основе в начале XX в. возникла государственно-номиналистическая теория денег, или харатализм. Наибольший вклад в неё внёс немецкий экономист Г.Ф. Кнапп, автор знаменитой работы “Государственная теория денег”. Представители государственных теорий денег внесли значительный вклад в осмысление перехода от полноценных денег из благородных металлов к необеспеченным бумажным деньгам и в понимание сути последних. Однако процесс возникновения монет и роли в нём государства остался на периферии их внимания.

В середине XX столетия получила развитие современная денежная теория (*modern monetary theory*), или неохартализм. Его сторонники (Рэндалл Рэй, Мэтью Форстейтер, Уоррен Мослер, Стефания Келтон, Майкл Хадсон и др.) утверждают, что деньги – кредитный инструмент суверенного государства, выпуская которые оно приобретает необходимые ему блага и облегчает себе сбор налогов. Например, Кристин Десан полагает, что деньги возникают в обстановке лояльности в группе (племени), где каждый участник вносит вклад в её выживание. Лидер группы использует особые жетоны для того, чтобы наградить людей, выполнивших дополнительные функции сверх обычной нормы. В дальнейшем такие жетоны используются их держателями для того, чтобы пропустить традиционную повинность или обменять их на полезные вещи. То есть первопричиной выпуска денег является *обязательство, возникающее у членов группы перед сообществом в целом и олицетворяющимися его представителями власти* [Desan, 2014].

Соглашаясь с положением неохарталистов о том, что государство выпускает деньги для получения необходимых ему благ, автор статьи оспаривает тезис о возникновении денег из обязательства граждан перед властью (будь то уплата налогов или несение службы). Данный взгляд не находит подтверждения в истории античных монет. Как будет показано далее, первые монеты возникли не из обязательства жителей перед властями, а из потребности властей получить некие блага, к представлению которых они не могли принудить население.

Обсуждая идею К. Десан, заметим, что в Древней Греции и в Древнем Риме действительно существовали жетоны за исполнение общественных обязанностей – тессеры. Несмотря на регулярное использование, они не превратились в полноценные деньги, между ними и монетами сохранялась непреодолимая сущностная пропасть. Главное отличие жетона от монеты состоит в том, что жетон не выполняет функцию меры стоимости и не становится всеобщим эквивалентом. Автору неизвестны примеры трансформации жетонов в монеты и монет в жетоны.

Деньги, создаваемые законодательной силой государства, в русскоязычной литературе называют декретными, что соответствует английскому термину *fiat money*. Близким по смыслу является понятие фидuciарных денег (англ. – *fiduciary money*), хотя первоначально так называли бумажные деньги, которые эмиссионный банк выпускал сверх установленной нормы покрытия банкнот имевшимся у него золотым запасом [Финансово-кредитный словарь: в 3-х т. Том. III, 1988: 289].

В общем виде сторонники традиционного подхода настаивают на рыночном импульсе к возникновению монеты, а сторонники альтернативного подхода указывают на основополагающую роль государства в эволюции денег вообще и монеты в частности.

Существовала ли бартерная экономика?

Центральным звеном концепции стихийного происхождения денег вообще и монет в частности является положение о существовании бартерной экономики. Аристотель и вслед за ним многие поколения экономистов повторяли, что из-за неудобства прямого бартера на роль эквивалента выдвигались различные распространённые товары: соль, зерно, скот, металлы и т.п. Закономерен вопрос: существовала ли бартерная экономика сколько-нибудь продолжительное время или она является более поздней логической конструкцией, заслонившей от нас историческую реальность? Для ответа на него проведём анализ реалий, свойственных гомеровской эпохе, то есть периоду XI–IX вв. до н.э.

Древние греки, как и другие современные им народы, высоко ценили золото и серебро, отождествляя с ним власть и богатство. Слитки и изделия из драгоценных металлов служили для совершения даров и всевозможных платежей. Гомер в своих произведениях не раз упоминает о платежах весовым золотом. Эпизод “Илиады”, где ахейцы просят Ахилла выступить вместе с ними против троянцев, содержит внушительный перечень даров. Обещанная награда включает двадцать блестящих лоханей, семь новых треножников, десять талантов золота, двенадцать боевых ко-ней и семь женщин-рукодельниц [Гомер. Илиада: 9, 21–124].

Богатый житель Фив по имени Полиб, персонаж “Одиссеи”, преподносит в дар царю Менелаю две серебряные ванны, два треножника и десять талантов золота [Гомер. Одиссея: 4, 126–129]. Герои эпоса по разным случаям назначают воинам и слугам вознаграждения в размере от половины до двух талантов. Вернувшись после долгих странствий на родину, Одиссей рассказывает не узнавшему его отцу, будто принимал у себя Одиссея и подносил ему богатые подарки: семь талантов золота в искусных изделиях, серебряную чашу, по двенадцать шерстяных и полотняных плащей, столько же хитонов и четырёх обученных рукоделию невольниц [Гомер. Одиссея: 24].

Важная для экономистов деталь: весовое золото являлось одной из нескольких частей дара наряду с дорогостоящими предметами быта, одеждой, лошадьми и рабами. В поэмах Гомера действующие лица и автор не отделяют весовое золото от изделий из золота, на производство которых был затрачен труд ремесленников. Судя по текстам, в современном Гомеру обществе люди не проводили сколько-нибудь чёткой границы между платежом и даром. Хотя в отдельных эпизодах говорится о продаже людей в рабство, об уплате долга, дани, откупа и выкупа, ни в одном из них не фигурирует *цена сделки* в мерах веса драгоценных металлов. Мерой стоимости выступают предметы роскоши, оружие (копья, клинки и т.п.), а также животные, чаще всего быки и лошади. Высокая цена также может обозначаться как много золота, меди и железа [Кулишер, 2014: 205; Гомер. Илиада: 6, 48. 10, 315].

Размытая граница между платежом и даром, как и нахождение весового золота в одном ряду с прочими богатствами, отражает общее состояние развития общества, которое, в частности, проявляется в невысоком уровне развития торговли и государственности. По наблюдению И.М. Кулишера, в гомеровском эпосе встречаются буквально единичные упоминания о торговле. Так, в “Одиссее” тафийский царь отправляется в Темессу с целью обменять железо на медь. В “Илиаде” ахейцы выменивают привезённое с острова Лемнос вино на железо, медь, быков, бычьи шкуры и рабов [Кулишер, 2014: 164]. Правда, внимательный читатель заметит, что в последнем случае речь идёт не об обмене в его чистом виде, а о дополнении к дару. Эвней отправляет с острова Лемнос тысячу мер вина в дар ахейским царям

Агамемнону и Менелаю. После вручения подарка на судах остаётся некоторое количество вина, которое рядовые ахейцы выменивают у посланцев на различные ценности [Гомер. Илиада: 7, 470].

У Гомера нет даже специального слова для обозначения торговца или купца. Понятие это выражается описательно – “корабельщики, которые разъезжают ради дела”. Слово *emporos*, которым позже именовали купца, в “Одиссее” имеет значение человека, которого берут с собой на судно, то есть попутчика [Кулишер, 2014: 166].

Согласно ёмкой формулировке экономического антрополога М. Салинза, *примитивный строй генерализован, в нём нет чёткого разделения на социальное и экономическое*. Обмен дарами является преобладающей формой обмена в примитивном обществе. Его главное предназначение – поддержание дружеских отношений, в основе которых лежит стремление к взаимной безопасности. Кроме того, дар позволяет подтверждать социальный статус участников обмена. Богатый подарок гостю повышает статус дарителя в глазах его соплеменников, позволяя в будущем рассчитывать на их добровольные услуги. При этом у одариваемого возникает *моральное обязательство* отплатить за гостеприимство, что формирует продолженную личную связь и повышает вероятность новой встречи (курсив мой – О.Б.) [Салинз, 2000: 115–119, 168].

Таким образом, дар – не только акт перемещения материальных ценностей от одного лица к другому, но и акт социальных взаимоотношений, возникающих как между дарителем и одариваемым, так и между каждым из них и их соплеменниками. Он в отличие от акта купли-продажи, совершив который участники сделки могут больше никогда не встретиться, задает режим повторного, встречного действия.

Случай предложения, совершения, принятия и отвержения дара постоянно встречаются в поэмах Гомера. Односторонние дары представляют собой плату за услугу, выкуп (например, за пленника или за тело убитого) или откуп – плату за воздержание одариваемого от нежелательного для дарителя действия. Взаимные дары преподносятся в знак дружбы или примирения врагов [Гомер. Илиада: 6, 215; 7, 295–300]. Прямая отсылка к социальной норме компенсировать полученный подарок содержится в диалоге Телемаха, сына Одиссея, и богини Афины, явившейся ему в виде друга отца Ментеса.

“С радостным духом потом унесёшь на корабль ты подарок
Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память,
Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу”.

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

“Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу.
Дар же, что милое сердце тебя побуждает вручить мне,
Я, возвращаясь обратно, приму и домой с ним уеду,
Дар получив дорогой и таким же тебя отдавши”¹.

При этом важно понимать, что стоимостные категории времён Гомера далеко не тождественны современным. Любое имущество, будь то дар, плата за услугу или возмещение ущерба, имело *индивидуальную ценность*. Треножники, скот и рабыни отнюдь не рассматривались взаимно заменимыми, какими сегодня являются, например, доллары. Герои Гомера совершали платежи не при помощи *всеобщего* платёжного средства, подходящего для оплаты чего угодно, а путем предложения даров – одновременно престижных и подобающих для каждого *конкретного* случая [Schaps, 2004: 67–68].

Примитивное общество построено на отношениях семейного типа, в которых все участники отношений связаны личными узами. Укоренённые в нём идеалы аль-

¹ Гомер. Одиссея. 1, 310–320. Перевод на русский язык В.В. Вересаева.

труизма и щедрости объясняются их высокой целесообразностью: в долгосрочном плане они реализуют стратегию выживания сообщества в целом. Распределение в таком обществе осуществляется при помощи внеэкономических механизмов. Возмещение благ, полученных одним членом сообщества от другого, может происходить как через короткие, так и через длинные промежутки времени. Оно может не состояться вовсе, если “кредитор” не нуждается в ответном благе или “должник” не в состоянии его предоставить. Такие моральные категории, как “родственный долг”, “причигающееся вождю” и “положение обязывает” побуждают к разумному возмещению, но не гарантируют его [Салинз, 2000: 115–119, 168].

Экономическая неуравновешенность – устойчивое состояние отношений в примитивном обществе. Она открывает дорогу для щедрости, генерализованной реципрокности, а также для ранжирования по социальной значимости. Пока долг не покрыт, получатель находится в “тени задолженности”, общественная традиция заставляет его быть дружелобным, внимательным и отзывчивым к дарителю. Щедрость создаёт уважение и является спусковым крючком лидерства, поскольку она создаёт сторонников [Read, 1959: 425–436; Denig, 1928–1929: 395–628; Цит. по: Салинз, 2000: 190].

Основываясь на анализе М. Салниза, можно обнаружить несколько характеристик, отличающих общество с товарно-денежными отношениями и полноценными деньгами от примитивного общества или рыночную экономику от экономики дара. Причём эти характеристики не являются статичными, а их проявления не возникают скачкообразно. Скорее, речь идёт о некоем континууме свойств, а не об их финальной фиксации той или иной стадии. Итак, по мере развития общества 1) происходит выделение экономических отношений из социальных, 2) нарастает обособление ресурсов отдельных домохозяйств друг от друга и от ресурсов сообщества, 3) увеличивается значение личной выгоды в мотивации и поступках людей, 4) личные узы уступают место деперсонифицированным контактам, 5) возрастают требования к эквивалентности обменов и их встречному характеру.

В отличие от отношений дара, товарно-денежные отношения не подразумевают односторонней передачи ценностей или невозврата полученного. Подобная льгота уместна при родственных связях, но неадекватна при обезличенных контактах между независимыми субъектами. Если в экономике дара имеет место *примерная эквивалентность* встречных подарков или услуг, то в денежной экономике действует *строгая эквивалентность* ценностей, особенно в условиях сложившейся рыночной цены на тот или иной товар или услугу. Монета упрощает реализацию этой эквивалентности, поскольку в отличие от слитка она не требует взвешивания и проверки пробы.

Следует признать, что в гомеровскую эпоху древнегреческое общество строилось на личных узах, а превалирующей формой распределения благ являлось дарение. В текстах Гомера мы не находим никаких указаний на существование системы обезличенных обменов и тем более бартерной экономики. Очевидно, начавшийся в X в. до н.э. подъём ремёсел, торговли и городов происходил медленно и имел очаговый характер. Именно поэтому период использования домонетных форм денег, включая слитки благородных металлов, оказался столь длительным. Рыночная экономика очень постепенно вызревала в недрах экономики дара. Бартер, по всей видимости, никогда не являлся экономической системой, в которую было бы включено всё общество. Сопутствуя торговле в очагах её развития, он тем не менее подготовил почву для общественного спроса на новый вид денег – монеты.

Монеты Лидии: торговый и военные аспекты

Первые монеты появились в VII в. до н.э. в царстве Лидия, располагавшемся в Малой Азии на территории современной Турции во время правления царя Гигеса

(680–650 гг. до н. э.¹) Лидийские монеты отличались от слитка металла тем, что они были классифицированы по весу и имели достаточно глубокие штемпели. Их номинал варьировался от одного статера (весом около 14 г) до $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$ и $\frac{1}{24}$ [Иглтон, Уильямс, 2011: 23; Davies, 2002:61–63].

Изобретению лидийцев благоприятствовала сама природа. Сбегавшие с гор реки Герм, Пактол и Меандр попадали на обширную равнину, где они долго петляли и извивались, чтобы в конце концов принести свои воды в Эгейское море. Нагретые солнцем мелководные излучины рек густо зарастали илом, а в нём накапливался вымываемый из породы золотоносной песок. Его бледно-желтые крупинки представляли собой природный сплав золота и серебра, который, благодаря внешнему сходству с янтарём, называли электром, или электрумом, что по-гречески значит “янтарь” [Иглтон, Уильямс, 2011: 23; Davies, 2002:61–63].

Если естественной предпосылкой выпуска монет было изобилие драгоценного металла, то вопрос об экономической мотивации пока не имеет ясного и аргументированного ответа. Могла ли торговля побудить лидийцев к выпуску монеты? Да, поскольку через Лидию проходили два главных торговых пути, которые связывали морское побережье с внутренними областями Малой Азии². Вместе с тем следует учесть, что в первой половине VII века до н.э., когда началась чеканка монет, Лидия представляла собой небольшое по размерам и замкнутое внутри материка государство. Со всех сторон её окружали другие государственные образования: Вифиния, Фригия, Мизия, Троада, Эолия, контролируемая Лидией Иония, а также Кария и Ликия. Все они, кроме, Фригии, имели выход к морю и потому должны были вести не меньшую, а большую торговлю, чем Лидия. Но монеты появились именно в Лидии.

Полагая, что коммерция создавала предпосылки для выпуска монет, следует задаться вопросом, почему такие же предпосылки не привели к появлению монет в Вифинии, Мизии и других соседних государствах. Не ответив на него, остаётся признать, что торговля не являлась достаточным и, значит, единственным условием для начала чеканки. Требовался дополнительный фактор. Но какой?

Проверяя гипотезу о государственном происхождении монет, целесообразно найти признак, который отличал бы Лидию как пионера чеканки, от соседних государств. Такое отличие действительно существует: начиная с правления Гигеса, Лидия вступила в период быстрой территориальной экспансии.

Гигес распространил свою власть до Пропонтиды и до Геллеспонта. К середине VII в. до н.э. лидийцы присоединили часть Фригии и Карии, Троаду и Мизию, выдержав нашествие киммерийцев, они получили выход к важнейшим морским проливам и торговым путям в Причерноморье. Во время правления Алиата (605–560 гг. до н.э.) и Крёза (560–546 гг. до н.э.) Лидия много воевала с ионийскими городами и Мидийской державой, расширив свои границы на востоке до реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак) [Любкер, 2005: 600]. К середине VI в. до н.э. Лидия занимала всю западную часть Малой Азии, восточная граница её владений проходила от Синопа на севере до памфилийской Перги на юге.

Данный факт позволяет выдвинуть новое объяснение первопричины выпуска монет, лежащее в русле государственных теорий денег. Многократное увеличение территории было невозможно без боеспособной армии. Лидийское войско набиралось как из коренного населения, так и из наёмников – жителей сопредельных государств. Наличие драгоценных металлов обогащало лидийскую казну и, соответ-

¹ Здесь и далее в скобках указаны годы нахождения правителей у власти, а не годы жизни.

² Оксфордовская иллюстрированная энциклопедия. Том. 3. Всемирная история с древнейших времён до 1800 года. М. Издательский дом “ИНФРА-М”. Издательство “Весь Мир”. 1999. С. 186.

ственno, расширяло возможности для финансирования военных кампаний. В древнем мире армии содержались за счёт государственного обеспечения, власти снабжали солдат оружием и провиантом на всем пути следования. Закупка, сохранение и доставка продовольствия до боевых порядков представляла собой отдельную, сложную в организации и весьма трудоёмкую задачу. Появление монет снимало с государства часть бремени по поддержанию боеспособности войска. Если местное население соглашалось принять монеты в оплату за продукты питания, значит, властям уже не надо было снаряжать и отправлять тяжеловесные продовольственные обозы. Говоря современным языком, функция снабжения солдат пищей и предметами первой необходимости отдавалась на аутсорсинг.

Выдвинутое предположение подкрепляется физическими свойствами монет. Они как нельзя лучше подходили для *массовых порционных* платежей. Будучи одинаковыми по весу, каждая в своём номинале, монеты позволяли выдерживать строгую соразмерность оплаты как между различными категориями военных (легкими и тяжелыми пехотинцами, командирами различных уровней, всадниками), так и равную оплату внутри каждой категории. Как средство платежа воинам, монеты имели преимущества перед традиционными формами вознаграждения, такими, как дежур военной добычи и раздача наград по итогам похода. Неизвестно, применялась ли в лидийском царстве повременная – ежедневная, еженедельная или ежемесячная – оплата ратного труда. В любом случае монета *позволяла производить её*, чего не подразумевала награда по итогам похода, при которой солдат де facto авансировал своих начальников, соглашаясь работать за еду.

Монета, несомненно, повышала степень свободы солдата при решении вопроса о пропитании. С ней он мог самостоятельно уменьшать или увеличивать рацион в зависимости от состояния здоровья и иных мотивов, а также создавать запасы. Налицо выделение экономических отношений из социальных, нарастание индивидуализма (частичное обособление солдата от товарищей и командиров), а также деперсонификация (снабжение продуктами уже не полностью зависело от командиров).

Прояснить вопрос о месте торговли в лидийском обществе и, следовательно, о роли рынков в появлении лидийских монет помогают сведения видного британского историка Николаса Хаммонда. В классическом труде “История Древней Греции” он пишет, что в VIII и VII вв. до н.э. восточногреческие государства эксплуатировали ресурсы Пропонтиды (Мраморного моря) и Чёрного моря, где на подъёме была возглавлявшаяся Милетом ионийская торговля. В остальных местах торговля развивалась медленно. Только после 610 г. до н. э., когда для Восточной Греции открылись рынки Египта и Лидии, ионийские государства, особенно Милет, оказались на перекрестке важных торговых путей. Греческие купцы проникли вглубь материка после 590 г. до н. э. [Хаммонд, 2008: 114].

То есть первые лидийские монеты появились как минимум за 40 лет (если считать датой их чеканки 650 г. до н. э.) до того, как Лидия начала активную торговлю с греческими полисами (в 610 г. до н. э.). Если же началом чеканки считать середину срока правления Гигеса (665 г. до н. э.), а временем расцвета торговли – 590 г. до н. э., то интервал между двумя событиями возрастает до 75 лет.

Отсюда правомерно сделать вывод, что импульс к чеканке монет происходил от государства, а не от рынков. Одержаный идеей территориальной экспансии Гигес особенно нуждался в преданном и боеспособном войске. Чеканка порционных электровых слитков – монет упрощала содержание армии и привлечение на службу наёмников. Эксперимент удался благодаря тому, что рынки были готовы к приёму монет. Даже среднего уровня развития торговли хватило для того, чтобы созданный государством новый денежный продукт был охотно принят торговцами, то

есть встретился с рыночным спросом. Очевидно, что подобный отклик был бы невозможен в условиях основанного на даре примитивного общества.

В середине VI века до н.э. успехи металлургии позволили отделить золото от серебра и выплавить каждый из металлов достаточно высокой пробы. Выпуск первых золотых и серебряных монет приписывают последнему из лидийских правителей – баснословно богатому Крёзу (560 – 546 гг. до н. э.). Его владычество распространялось на всю западную часть Малой Азии и расположенные там греческие города до тех пор, пока поход против персов не закончился пленом и потерей державы.

Выплавка серебра и золота высокой пробы, а также стандартизация состава металлов имела важное значение для становления денежных свойств монет. На это указывает в работе 1969 г. английский экономист, будущий лауреат Нобелевской премии Джон Хикс. Домашние животные, замечает он, были распространённой, но весьма неудобной формой денег. Ведь каждая голова скота имела высокую стоимость, не равнялась в точности другой и не делилась на части. Поначалу драгоценные металлы были ненамного удобнее скота. Разделение куска металла на мелкие части стандартного размера представляло собой весьма сложную операцию, при том, что отсутствовал металлический стандартный состав. Только после того как люди решили эти задачи, драгоценные металлы полностью раскрыли свои возможности в качестве денег [Хикс, 2006: 91].

Важное для понимания природы лидийских денег наблюдение делает британский историк Колин Краай. “Крёз нуждался в чеканной монете прежде всего для оплаты услуг наёмников, которые были необходимы для защиты его царства от персов (Геродот I.77); пока эти наёмники набирались из соседних с Лидией территорий, оплата царскими деньгами из электра была вполне приемлемой, но когда зону вербовки Крёз распространил на материковую Грецию и заключил союз со Спарой, его наёмники более уже не хотели получать оплату монетами из сплава с неясным составом, сплава, который в Элладе обычно был бесполезным, хотя и ценился в каком-то далеком царстве” [Краай, 2011: 527].

Другими словами, переход от электровой чеканки к монетам из чистого серебра и золота диктовался потребностями государства, а именно, военными нуждами. Крёз ощущал на себе давление внешнего фактора – недавно возникших, но уже укоренившихся практик международных рынков. К середине VI века до н.э. древнегреческие полисы активно чеканили и использовали серебряную монету, которая являлась стандартным средством платежа. Электровые деньги проигрывали серебряным по степени международного признания.

Монеты Эгина: связь с системой мер и весов

Завоевав Лидию, персы переняли у лидийцев чеканку монет. Вскоре ею занялись греческие города Малой Азии, а также полисы материковой и островной Греции. Почти одновременно с лидийцами или ненамного позже монету начал чеканить правивший на острове Эгина аргосский царь Фидон, которому “Паросская хроника” приписывает введение единобразной системы мер и весов.

Расположенный в Эгейском море между Аттикой и Пелопоннесом остров Эгина был в древности крупным центром торговли. Возникшая там денежная система исходила из серебряной мины весом в 630 г, где главной чеканной монетой являлся статер, или дидрахма весом 12–12,6 г [Кулишер, 2014: 210; Краай, 2011: 527]. Эгинские серебряные статеры с изображением морской черепахи находили в бесчисленных кладах второй половиной VI – начала V в. до н.э. на территории материковой Греции, на островах Эгейского моря и на восточном побережье Средиземного моря. Фактически они явились первой международной валютой античного мира [Touratsoglou, 2007: 24]. Эгинский весовой стандарт наряду с возникшим позже эв-

бейским явился одним из двух основных эталонов, к которым в основном сводилось огромное разнообразие древнегреческих монет.

Эгинские монеты, по мнению историков, могли возникнуть как под влиянием лидийских, так и независимо от них. На последнее указывают очевидные различия в материале: в Лидии использовали электр, а на Эгине – чистое серебро [Зограф, 1951: 23–25]. Легенда гласит, что, отчекав монеты, Фидон раздал их населению и взял в обмен вертела-оболы, которые он поместил в храм Геры в Аргосе. Поскольку в горсть (по-гречески, драхму) помещалось шесть оболов-вертелов, то основная монета стала именоваться драхмой. Она разделялась на шесть частей – оболов [Жестоканов, 2009: 44–52].

В истории с Фидоном заслуживает внимания связь между созданием системы мер и весов, с одной стороны, и выпуском монеты – с другой. Безусловно, унификация мер и весов требует достаточной степени развития общества и его властных структур. Введение такой системы едва ли может быть результатом действия рыночных сил, хотя власть обычно считается со сложившимися в обществе традициями. Государство (полис в древней Греции) не только вводит систему мер и весов, но и добивается её практического соблюдения на всей подвластной территории. Хотя рынки спонтанно создают практики использования определённых мер и весов, у них нет действенных механизмов её закрепления. Коммерческие традиции держатся на добровольном следовании: побудительным мотивом выступает удобство самой нормы, лояльность к профессиональному сообществу или страх быть исключенным из него. Государство может эффективно побуждать и принуждать к выполнению нормы, в этой роли оно выступает поставщиком общественного блага, которое не может быть создано никем другим.

Исполнение деньгами функции меры стоимости наталкивается на естественное ограничение, вытекающее из склада человеческого ума. Как правило, люди не способны одновременно производить измерения в двух или более системах мер. Лишь единицы умеют одинаково ловко оперировать сантиметрами и дюймами, литрами и галлонами, градусами по Цельсию и по Фаренгейту. Даже в современном мире высоких технологий, где миллионы людей путешествуют по свету и говорят на иностранных языках, очень немногие могут моментально и безошибочно сравнивать скорость автомобиля в километрах и в милях или судить о площади земельного участка в сотках и акрах. Раз мера стоимости в силу человеческой природы не может быть множественной, возникает естественная монополия в её определении, на которую и претендует верховная власть – будь то греческий полис или современное государство. Оно же закрепляет общую систему счисления, без которой деньги не могут быть объектом счёта, а значит, выполнять свои экономические функции. Напомним, что до III в. до н.э. в Древней Греции использовалась акрофоническая (непозиционная) система счисления.

Самой распространённой монетой античной Греции была афинская тетрадрахма с изображением смеющейся богини на аверсе и совы на реверсе. Её выпуск начался с 510 г. до н. э. из серебра Лаврионских рудников. Первые афинские монеты иных типов датируются первой половиной VI в. до н. э. Важно отметить, что их появление предшествовали проведённые в 594 г. до н. э. реформы Солона. Введённый им эубейский весовой стандарт строился вокруг таланта, который равнялся 26,196 кг и состоял из 60 облегчённых мин весом по 436,6 г каждая. В дальнейшем мина делилась на сто драхм весом по 4,36 г. Как видно, чеканке афинских денег предшествовала стандартизация мер и весов.

Две названные функции власти – унификации системы мер и выпуск денег – оказываются тесно связанными на протяжении мировой истории. Сначала унификация мер происходит на уровне отдельного государства (полиса), а по мере интернациона-

лизации хозяйственной жизни переходит на международный уровень. Не случайно первая международная валютная конференция, состоявшаяся в 1867 г., то есть спустя две с половиной тысячи лет после реформ Фидона, собралась на полях приуроченного ко всемирной выставке в Париже международного метрологического форума.

Отечественный историк античности Э.Д. Фролов пишет, что экономический и социальный прогресс в Греции нашёл своё выражение в совершенствовании ремесел, развитии внутренней и межгородской торговли, успехах в мореплавании и кораблестроении, а также в выработке правильных мер объёма и веса и в изобретении чеканной монеты (курсив мой. – О.Б.) [Фролов, 2008: 550]. Добавим, что этот прогресс прежде всего состоял в переходе от примитивного общества эпохи Гомера к обществу с более чёткими дефинициями и границами, как между социальным и экономическим, так и между общественным и личным. Потребность в более точном измерении расстояний, веса и материальных благ созревала по мере развития общества, совершенствования механизмов власти, роста благосостояния и, как следствие – имущественного неравенства. Все эти факторы вместе, а не только разделение труда, создали предпосылки для появления монеты.

Выходы

Опыт первой чеканки монет в Малой Азии и в Древней Греции в VII–VI вв. до н. э. свидетельствует о том, что развитие торговли является необходимым, но не достаточным условием для начала их эмиссии. В обоих рассмотренных случаях – Лидии и Эгипта – предложение монет проистекало от государства. Причём до начала чеканки власти должны были обеспечить такое общественное благо, как единобразная и общепринятая система мер и весов. Без неё создание классифицированных по весу слитков, которые могли бы служить мерой стоимости по счёту, а не по весу, невозможно в принципе.

Есть основания полагать, что лидийские цари выпустили монеты для удовлетворения собственных потребностей в боеспособной армии, возникшей в связи с планами территориальных захватов. Монеты нашли спрос в обществе благодаря тому, что оно уже совершило транзит от примитивной экономики, основанной на личных узах, к экономике, где существуют деперсонифицированные обмены, а экономические отношения выделились из социальных. Вместе с тем существование бартерной экономики как всеобъемлющей системы резонно поставить под сомнение.

Считая, что потребности в деньгах со стороны торговли стихийно привели к появлению монет, невозможно объяснить механизмы реализации этого спроса. Античная история не даёт примеров частной чеканки монет, например, объединениями торговцев или ремесленников. Напротив, государство (полис) с самого начала обладало монополией на эмиссию. Каналом монетизации служили потребности властных структур – в содержании армии, общественных работах и т.п. Монеты попадали на рынок через руки солдат, государственных чиновников, нанятых властями строителей и иных специалистов.

В целом появление монет стало возможным благодаря их предложению со стороны государства и спросу со стороны рынков.

Список литературы

- Аристотель. Политика. Книга вторая.
- Гомер. Илиада.
- Гомер. Одиссея.
- Жестоканов С.М. (2009) Фидон Аргосский: тиран и реформатор // Вестник Санкт-Петербургского гос. университета. Серия 2: История. 2009. № 3. С. 44–52.
- Зограф А.И. (1951) Античные монеты. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Иглтон К., Уильямс Дж. (2011) Деньги. История цивилизаций. М.: “Издательство ФАИР”.

- Краай К. (2011) Монетное дело. // Кембриджская история Древнего мира. Том IV/ III. Часть 3. Расширение греческого мира. VIII–VI века до н.э. Под редакцией Дж. Бордмана, Н.-Дж.-Л. Хэммонда, д.-М. Льюиса, М. Освальда. М.: Научно-издательский центр “Ладомир”.
- Кулишер И.М. (2014) Очерк экономической истории Древней Греции. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД.
- Любкер Ф. (2005) Иллюстрированный словарь Античности. Исправленное и дополненное издание. М.: ЭКСМО.
- Роббинс Л. (2013) История экономической мысли. Лекции в Лондонской школе экономики. Пер. с английского Н.В. Автономовой под ред. В. Автономова. М.: Издательство института Гайдара.
- Салинз М. (2000) Экономика каменного века. М.: ОГИ.
- Финансово-кредитный словарь: в 3-х т. Том. III. Гл. ред. Н.В. Гаретовский. – М.: Финансы и статистика, 1988.
- Фролов Э.Д. (2008) Античная Греция: обзор истории и анализ главных проблем (конспект лекционного курса). Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира под ред. проф. Э.Д. Фролова. Выпуск 7. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Исторический факультет. СПб.
- Хаммонд. Н. (2008) История Древней Греции. М.: Центрполиграф.
- Хикс Дж. (2006) Теория экономической истории. М.: НП “Журнал Вопросы экономики”.

References

- Aristotle, Politics, book II.
- Davies, Glyn. (2002) History of Money. University of Wales Press. Cardiff.
- Denig, Edwin Thompson (1929) Indian Tribes of the Upper Missouri. *Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology. Annual Report 1928–1929*.
- Desan, Christine (2014) Making Money: Coin, Currency, and the Coming Capitalism. Oxford, Oxford University Press, 2014.
- Eagleton, Catherine and Williams, Jonathan (2007) Money. A History. Firefly Books.
- Finansovo-kreditnyj slovar': v 3-h t. Tom. III. Gl. red. N.V. Garetovskij. – M.: Finansy i statistika, 1988.
- Frolov Je.D. (2008) Antichnaja Grecija: obzor istorii i analiz glavnih problem (konспект lekcionnogo kursa). Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira pod red. prof. Je.D. Frolova. Vypusk 7. Sankt-Peterburgskij gos. Unt-t. Istoricheskij fakul'tet. SPb.
- Hammond, Nicholas (1959) A History of Greece to 322 B.C.
- Hicks, John (1969) A Theory of Economic History. Oxford: Clarendon Press.
- Homer, Iliad.
- Homer, Odyssey.
- Kraay, Colin M. (1988) Coinage. *The Cambridge Ancient History: Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C.: Second Edition: Volume IV Edited by John Boardman, N. G. L. Hammond, D. M. Lewis and M. Ostwald*.
- Kulisher I.M. (2014) Ocherk jekonomicheskoy istorii Drevnej Grecii. Izd. 2-e. M.: LENAND.
- Lübker, Friedrich (1914) Reallexikon des classischen Alterthums für Gymnasien.
- Read K.E. (1959) Leadership and Consensus in a New Guinea Society. *American Anthropologist*. Vol. 61.
- Robbins, Lionel (2000) History of Economic Thought: The LSE Lectures. Princeton University press.
- Sahlins, Marshall (1972) Stone Age Economics. Aldine, Atherton, Inc.
- Schap's D.M. (2004) The Invention of coinage and the monetization of Ancient Greece. The University of Michigan Press.
- Touratsoglou, Ioannis (2007) Common Currency from Antiquity: Plus plus ça change, plus c'est la même chose. *Cottrell, Ph., Notaras G., Tortella G. (Eds.) From the Athenian Tetradrachm to the Euro: Studies in European Monetary Integration. Abingdon, Oxon, GBR: Ashgate Publishing Group*.
- Zhestokanov S.M. (2009) Fidon Argosskij: tiran i reformator. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta. Serija 2: Istorija*. 2009, № 3. P. 44 – 52.
- Zograf A.I. (1951) Antichnye monety. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.

The Origin of Coinage

Author. Butorina O.V., Doctor of Economic Science, Deputy Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** olgabutorina@mail.ru

Abstract. According to the prevailing view in economics, money appeared spontaneously in the process of growing division of labor and trade. The state theory of money claims that money is created by the legislative power of a state. The aim of this article is to check the compliance of the two explanations with the facts of first coinage in Asia Minor and in ancient Greece. The analysis of historical material reveals a key role of a state as the promoter of coinage and the unique supplier of specie. While the rapid spread of coins became possible due to the well-formed public and market demand for specie.

Key words: first coinage, theory of money, state theory of money, modern monetary theory, barter economy, ancient coins, kingdom of Lydia.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016131142>

ПАМЯТИ ДРУГА. 80 ЛЕТ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ШМЕЛЕВУ

18 июня исполнилось бы 80 лет Николаю Петровичу Шмелёву, которого уже больше двух лет нет с нами. Для его близких, друзей, учеников, читателей и сотрудников горесть утраты заставляет часто вспоминать об этом светлом человеке. Коля, а более чем полувековая дружба позволяет мне так его называть, был редким представителем шестидесятников, доживших до перестройки и сохранивших идеалы того времени до своего ухода из жизни. Редким, поскольку он не поддался на соблазны рыночной экономики и не встал на губительный путь стяжательства и мелкой суэты.

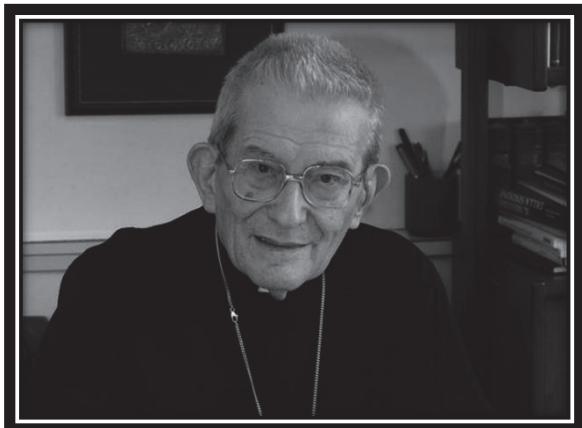
Ему было особенно тяжело в последние годы, когда политика государства в отношении науки стала использоваться для систематического разрушения академии, служению которой он посвятил свою жизнь. Говоря о новоявленных реформаторах, он всегда называл их «шулерами», цитируя песню «Без женщин» любимого им Александра Вертинского:

«когда партнёры ваши – шулера, а выход из игры уж невозможен!». При этом он грустно вздыхал и говорил с надеждой: «это когда-нибудь закончится». К сожалению, мы надеемся до сих пор, и при этом, хотя и жалуясь на свою горькую судьбу, продолжаем эти игры.

Если сегодня он был бы с нами, часам к 4 вечера закончилось бы формальные, хотя и для многих искренние церемонии вручения цветов и адресов. Коля остался бы с близкими и проверенными временем друзьями, многих из которых, к сожалению, тоже уже нет с нами. Мы бы подняли рюмки за его здоровье. Сегодня мы пьём за него как за живого, ибо настоящая дружба не знает частицы «бы». Возможно, мы ещё не полностью осознаём, что с уходом Коли мы потеряли часть себя. Но думая о нём, поступая в соответствии с его заветами, мы продолжаем общаться с ним, любить его и помнить о нём.

*Михаил Носов, член-корреспондент РАН,
заместитель директора Института Европы РАН.*

СКОНЧАЛСЯ ПОЧЁТНЫЙ ДОКТОР ИЕ РАН КАРДИНАЛ КАПОВИЛЛА

26 мая 2016 года на 101 году жизни скончался бывший секретарь папы Иоанна XXIII, почётный доктор Института Европы РАН кардинал Лорис Франческо Каповилла. Ближайший помощник инициатора Второго Ватиканского собора лично познакомил папу с будущим главой Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН профессором А.А. Красиковым. Каповилла – хранитель и публикатор “Дневника души” и других документов архива Иоанна XXIII,

урожденного Анджело Джузеппе Ронкалли, он ввёл в научный оборот ценнейшие материалы, которые были положены в основу множества статей и монографий учёных всего мира. “Дон Лорис”, как его попросту называли близкие друзья, двадцать лет оказывал консультативную помощь российским исследователям, в том числе сотрудникам нашего Института. В связи с его кончиной директор ИЕ РАН Ал.А. Громыко, заместитель директора Института В.П. Фёдоров и главный научный сотрудник А.А. Красиков направили внучатому племяннику папы президенту Фонда Иоанна XXIII Марко Ронкалли следующее письмо:

Уважаемый Марко, уважаемые члены семьи Ронкалли!

Выражаем вам глубокое соболезнование в связи с кончиной его Высокопреосвященства кардинала Лориса Франческо Каповиллы, почётного доктора Института Европы Российской Академии Наук. Нам будет не хватать его доброго слова, советов, на что следует обратить особое внимание, исследуя обновление церкви, начатое святым Иоанном XXIII и продолженное блаженным Павлом VI, святым Иоанном Павлом VI, папой на покое Бенедиктом XVI и нынешним папой Франциском.

Вспоминаем не только добрые дела тех лет, когда дон Лорис трудился бок о бок с автором энциклики “Мир на земле”, но и его радость в связи с исторической встречей папы Римского и патриарха Московского. Вспоминаем также его недавние слова, которые подвели итог замечательной жизни: “Мне посчастливилось стать свидетелем приближения зари на церковном небосводе. Готов покинуть сей мир в любой момент: Заря – на горизонте”.

Дирекция Института Европы РАН.

РОЛЬ “БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ” (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ФРАНЦИЯ, ГЕРМАНИЯ) ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

14 марта 2016 г. в Москве состоялась конференция “Германия, Франция, Великобритания в ЕС – разносторонний треугольник?”, организатором которого выступил отдел страновых исследований Института Европы РАН (ИЕ РАН). В мероприятии приняли участие видные эксперты и учёные из ИЕ РАН, ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, МГИМО (У) МИД РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, представители РСМД, Фонда им. К. Аденауэра в Москве, филиала фонда Ф. Эберта в Москве, Российско-британской торговой палаты, российские и зарубежные дипломаты. Модератор конференции заместитель Директора ИЕ РАН по научной работе к.э.н. В.Б. Белов напомнил, что двусторонние отношения внутри ЕС и ранее обсуждались на конференциях в ИЕ РАН: так, в 2015 г. в стенах института состоялся круглый стол, посвящённый отношениям внутри франко-германского тандема, кроме того, Центр британских исследований и Центр германских исследований ИЕ РАН на регулярной основе проводят круглые столы, к участию в которых привлекают ведущих экспертов-англоведов и германистов РФ. Прошедшая конференция стала в определённом смысле уникальной, поскольку привлекла к дискуссии специалистов по трём ведущим странам ЕС, предложив новый формат для обсуждения. Перед участниками были поставлены актуальные вопросы, связанные с траекторией развития ЕС, в частности, можно ли говорить о появлении geopolитического треугольника Великобритания–Франция–Германия, каким образом пересекаются интересы трёх держав и какое влияние они могут оказывать на формирование стратегии Европейского Союза.

Конференцию открыл директор ИЕ РАН д.полит.н. Ал.А. Громыко. Он отметил, что на протяжении многих лет исторически тесно связанные страны Великобритания, Франция и ФРГ практически никогда не выступали единым фронтом. Сегодня эти три государства схожи статистически, но не концептуально. В понимании экспертного сообщества, они никогда не были “Большой тройкой” ЕС, этот термин обычно относили к другим geopolитическим союзам и блокам (коалициям). В частности, он скорее ассоциируется со странами–участницами Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций. История нередко ставила эти три государства по разные стороны баррикад, и сегодня они как экономически, так и политически отличаются друг от друга, выступая при этом своеобразными “законодателями мод в Европе”. Динамика развития отношений между вершинами этого треугольника, в том числе соперничество, конфронтация и сотрудничество между отдельными его углами не только становились предпосылками к развитию Европы, но и создавали им самим немало проблем (например, в случае отсутствия единого курса по отношению к России). Таким образом, перетягивание каната между тремя крупными игроками в интеграционном объединении становится как препятствием для ЕС, так и залогом его внутреннего развития.

На конференции были представлены четыре вводных доклада, которые определили содержание дискуссии и позволили составить максимально полную картину расклада политических сил в Европе. Обсуждались вызовы, с которыми сталкивается ЕС на современном этапе: ситуация на Ближнем Востоке и Украине, вопрос выхода Великобритании из ЕС, миграционный кризис, а также отношения с Россией.

Г.н.с. отдела страновых исследований ИЕ РАН д.полит.н. А.А. Синдеев открыл дискуссию, представив доклад о позиции Европейского Союза в отношении актуальных проблем как внутри самого ЕС, так и внешних вызовов и угроз. Он подчеркнул, что попытки говорить сегодня о Европе как о едином целом свидетельствовали бы о поверхностном понимании происходящих в ней процессов. ЕС, как случалось и ранее, переживает очередной этап своего развития через политический кризис. Так, председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер отмечал, что Европейский Союз, несмотря на кризисную ситуацию и проблему десолидаризации, не утратил потенциал к росту. Разногласия в вопросе концептуальных основ интеграции и определение её целей – главные проблемы ЕС на современном этапе. В период кризисного регулирования идеи политического реализма должны превалировать над таким элементом демократической модели, как коллективный метод принятия решений, который в условиях политического кризиса становится скорее тормозящим фактором в управлении интеграцией. Вторым важным вопросом повестки дня в Брюсселе наряду с миграционным кризисом становится проблема разночтений среди стран-участниц принимаемых решений и их невыполнение. Одна из главных задач, стоящих перед ЕС сегодня, – создать механизмы эффективного управления. В этом контексте нельзя недооценивать высокий потенциал tandem Франция – Германия в разработке мер по преодолению кризисных явлений в ЕС.

Руководитель Центра британских исследований ИЕ РАН к.филос.н. Е.В. Ананьева подчеркнула, что грядущий референдум о выходе Великобритании из ЕС и прогнозы его исхода стали центральной темой не только политической жизни этой страны, но и во многом определили текущую повестку Брюсселя. Докладчик представила феномен “брексит” (Brexit) как результат тактических, конъюнктурных шагов премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона в попытке умиротворить евросkeptиков в собственной партии и предотвратить отток избирателей к Партии независимости Соединённого Королевства в преддверии парламентских выборов 2015 г., что поставило под угрозу стратегические цели страны. Важно отметить, что проведение референдума напрямую зависело от победы партии тори на выборах. По мнению Е. В. Ананьевой, на результат референдума окажут влияние три фактора: во-первых, рост численности иммигрантов в стране, во-вторых, отсутствие понимания большинством населения Великобритании различий между мобильными гражданами ЕС и мигрантами из третьих стран (не членов ЕС), в-третьих, тот факт, что, по данным опросов, сторонники и противники членства Британии в ЕС распределены примерно поровну (по 37–38%), а 25% ещё не определились. Именно за голоса неопределившихся и идёт жёсткая борьба. При этом деловые круги Великобритании не считают брексит желательным.

Что касается внешнеполитических задач страны, то британское правительство считает основной угрозой национальной безопасности деятельность террористической организации “Исламское государство”, хотя борьба с ней служит одновременно и точкой соприкосновения российско-британских интересов. Тем не менее Великобритания продолжает антироссийскую риторику, не исключая агрессию со стороны РФ в отношении партнёров по НАТО. Такая риторика объясняется не только украинским кризисом: она выступала как средство косвенного давления на партнёров по ЕС при переговорах по условиям членства Британии в нём, средства прямого давления на население перед референдумом, и её активная фаза может продлиться до голосования в парламенте по модернизации системы “Трайдент”.

Заместитель руководителя Центра германских исследований к.и.н. Е.П. Тимошенко представила анализ роли ФРГ в ЕС и в сложившемся треугольнике. Она напомнила о многолетней дискуссии о необходимости трансформации Германии из мощной экономической державы в регионального политического лидера Евросоюза и её большего участия в формировании его внешней политики. Правительство А. Меркель реагирует на кризисные явления в ЕС “как пожарный”. Одна из причин – отсутствие внятной внешнеполитической стратегии. Аналитики сходятся во мнении о том, что сложившуюся кризисную ситуацию следует использовать как шанс, чтобы повысить поли-

тический вес страны и перейти к активному посредничеству. Германия должна вырабатывать новые формы сотрудничества, например, такие как формат “Нормандской четвёрки”. Одновременно она должна придерживаться идеи политического урегулирования конфликтов. Так, разрешение сирийского кризиса и напрямую связанного с ним миграционного кризиса в Европе могут дать ЕС стимул к объединению, а активное участие немецкого государства в решении этих вопросов поможет заработать репутацию страны-миротворца. Так же важно участие в посткризисном урегулировании. На настоящий момент ФРГ уже согласовала с Великобританией комплекс мер по представлению гуманитарной помощи Сирии. Важно, что среди немецких политиков существует консенсус по “брекситу” – etabliрованные немецкие политические партии не поддерживают выход Великобритании из ЕС.

Свой взгляд на позицию Франции представил руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН д.и.н. Ю.И. Рубинский. Отметив важную роль франко-германского тандема в становлении и развитии Евросоюза, он констатировал изменение баланса сил в сторону ФРГ. Разные экономические модели трёх держав обусловили различный уровень устойчивости к кризисным явлениям в экономике, а их понимание посткризисного устройства Евросоюза стало расходиться. В отношении британского референдума французское руководство занимает более жёсткую позицию, чем ФРГ. Франция не намерена идти на уступки и подвергать угрозе дальнейшую интеграцию в ЕС. Важная особенность французской внешней политики – приоритетное развитие южного вектора: особая позиция по разрешению греческого кризиса и поддержка южноафриканских стран, в то время как вектор внешней политики Германии направлен на восток ЕС. Франция также открыто критикует правительство А. Меркель за попытки найти выход из миграционного кризиса в Европе за счёт соглашения с Турцией. Великобритания, в свою очередь, с самого начала миграционного кризиса в Европе занимала жёсткую позицию, отказываясь в рамках квот принимать мигрантов, незаконно пересекших границу ЕС. Однако соглашение между Брюсселем и Анкарой, в рамках которого все мигранты, нелегально пересекшие Эгейское море и прибывшие в Грецию, будут депортированы в Турцию, было положительно встречено британским руководством. По мнению Д. Кэмерона, возвращение мигрантов из Греции в Турцию заложит основу для решения миграционного кризиса и пресечёт маршруты нелегальной миграции через Балканы.

В ходе дискуссии руководитель Центра политической интеграции ИЕ РАН к.полит.н. Л.О. Бабынина рассмотрела вопрос институционального оформления механизма т.н. разноуровневой интеграции. Появление нескольких мощных интеграционных групп по аналогии с франко-германским тандемом, по её мнению, усложнит процессы регулирования в ЕС. Она отметила, что концепции отношений по формуле “центр–периферия” ещё менее жизнеспособны в силу того, что политические центры в ЕС не совпадают с экономическими. В конечном счёте подобные модели вносят разноголосицу в сложные и неоднородные интеграционные процессы на европейском пространстве. Возможный выход Британии из ЕС не повлечёт за собой эффект домино, поскольку в ЕС нет другой страны, которая по политическому влиянию и инициативе была бы сравнима с Великобританией, а значит, была бы способна добиться подобных уступок со стороны ЕС. Брюссель заявил, что договорённости об “особых условиях” для Великобритании не будут распространяться на остальные страны-члены, если она решит выйти из ЕС по итогам референдума. Ассоциация свободной торговли и Единое экономическое пространство, в которых состоит Великобритания, не смогут восполнить Соединённому Королевству утрату выхода на Единый внутренний рынок ЕС.

Директор Российской-британской торговой палаты А. Томпсон отметил, что предстоящий референдум предоставит уникальную возможность британцам выразить своё отношение к европейской интеграции, поскольку с 1973 г. (год вступления Британии в ЕС) в стране выросло целое поколение, которое не имело шанса высказаться по данному вопросу. Предыдущий референдум об участии Великобритании в европейской интеграции состоялся в 1975 г. Тогда 67% населения выступили за сохранение членства страны в ЕЭС.

В дискуссии также приняли активное участие заместитель директора ИЕ РАН по научной работе член-корр. РАН проф., д.э.н Фёдоров В.П., руководитель Информационного центра Европейского Союза в ИЕ РАН, проф., д.э.н. Борко Ю.А., руководитель Центра партийно-политических наук ИЕ РАН к.и.н. Швейцер В.Я.; ведущий научный сотрудник Центра социальных исследований ИЕ РАН, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ к.полит.н. Фёдоров С.М., научный сотрудник ИЭ РАН Меден Н.К.

Состоявшаяся конференция дала уникальную возможность специалистам в области изучения отдельных стран шире взглянуть на предмет своего исследования, сопоставить разные подходы к решению актуальных проблем, с которыми сталкивается ЕС, а также сформулировать перспективы выхода из современных кризисов, основываясь на предложениях, выдвигаемых странами “Большой тройки”.

Годованюк К.А., с.н.с. Центра британских исследований ИЕ РАН,
Иванова А.К., м.н.с. отдела стран Западной Европы и Америки ИНИОН РАН,
аспирант ИЕ РАН, сотрудник ФМП МГУ.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО («Круглый стол»)

В Институте Европы РАН 20 апреля 2016 г. прошёл международный круглый стол “Роль гражданского общества в европейском интеграционном процессе”. В его работе приняли участие учёные, общественные деятели, представители российского гражданского общества, зарубежные специалисты.

Открывая мероприятие, зам. директора ИЕ РАН член-корр. РАН М.Г. Носов подчеркнул важность обсуждаемой темы, поскольку в современном мире гражданское общество находится в центре внимания не только политических элит многих стран, но и академического сообщества. В этой связи было бы важно анализировать и изучать опыт деятельности гражданского общества в странах ЕС, соотнося его с процессами формирования гражданского общества в РФ.

Зам. директора ИЕ РАН д.э.н. профессор О.В. Буторина обратила внимание на необходимость всестороннего изучения и объективной оценки опыта деятельности гражданского общества в странах ЕС. Со вступительным словом к собравшимся обратился также зав. отделом социально-политических исследований ИЕ РАН д.и.н. В.Я. Швейцер.

Руководитель Центра проблем социального развития д.и.н. М.В. Каргалова сделала доклад на тему: “Гражданское общество как один из акторов развития европейской интеграции на современном этапе”. С докладами также выступили: ведущий научный сотрудник ИЕ РАН к.и.н. А.А. Канунников – “Опыт Европейского союза в выстраивании диалога с гражданским обществом”, директор Института федерализма и гражданского общества д. полит. н. А.Н. Аринин – “Проблемы развития гражданского общества в странах ЕС и России”, сотрудник Национального института развития к.и.н. Е.И. Новоселов – “Профсоюзы в современном гражданском обществе государств–членов ЕС”, ведущий научный сотрудник ИЕ РАН к.и.н. В.П. Журавель – “Взаимодействие гражданского общества и органов власти стран ЕС и России в противодействии терроризму (сравнительный анализ)”.

В докладе М.В. Каргаловой отмечалось, что в странах ЕС гражданское общество воспринимается как один из активных акторов развития европейской интеграции на современном этапе. Такое отношение к гражданскому обществу сложилось в том числе в связи с поисками ответов на вызовы времени и созданием новых механизмов управления социально-политическими процессами в условиях глобализации.

Выступая в дискуссии, зам. директора ИЕ РАН член-корр. РАН В.П. Фёдоров отметил, что часто давая оценки гражданскому обществу в той или иной стране, уровню его развития и вкладу в решение проблем общества, многие авторы исходят исключительно из собственных политических убеждений и идеологических предпочтений. При этом термин “гражданское общество” сразу обретает ярко выраженную политическую и эмоциональную окраску, а его значение меняется в зависимости от цели, которую преследует тот или иной автор. В этой связи нередко встречается ошибочное утверждение, что гражданское общество – это “панацея от всех социальных бед”, что не соответствует истине и не имеет никакого отношения к истинной природе гражданского общества и особенностям его формирования в разных странах.

Раскрывая тему взаимодействия гражданского общества и органов власти стран Европейского Союза и России в противодействии терроризму, В.П. Журавель, ведущий научный сотрудник отдела страновых исследований ИЕ РАН, канд. педаг. наук, отметил, что терроризм в современных условиях принадлежит к числу наиболее опасных и трудно прогнозируемых явлений современного мира. В этих условиях для гражданского общества и органов власти России и стран Европейского Союза важно добиваться единства в понимании терроризма и определении оптимальных, но необходимых мер и механизмов противодействия террористической угрозе.

Прошедший международный круглый стол показал, что изучение проблем участия гражданского общества в европейском интеграционном процессе остаётся крайне актуальным. Участники круглого стола рассмотрели успехи и неудачи включения гражданского общества в европейский интеграционный процесс на разных этапах, а также эволюцию институционализации отношений ЕС с гражданским обществом как на национальном, так и наднациональном уровне. Выступления участников показали, что было бы серьёзной ошибкой считать, что участие гражданского общества европейских стран в интеграционном процессе носило бесконфликтный характер и что на пути создания и развития механизмов взаимодействия организаций гражданского общества с институтами ЕС не возникали проблемы и противоречия. В этой связи российские исследователи проявляют большой интерес к вопросам участия гражданского общества в интеграционном процессе в странах ЕС, причём как положительный, так и отрицательный. Во многом это связано с тем, что исследователи рассматривают опыт участия гражданского общества в европейском интеграционном процессе как один из возможных примеров для развития интеграции на постсоветском пространстве.

Руководитель филиала Фонда Розы Люксембург (Германия) в Москве г-жа Керстин Кайзер в своём выступлении, выражая общее мнение участников дискуссии, отметила, что рассматривает круглый стол как начало большого совместного разговора о проблемах развития гражданского общества. Со своей стороны филиал Фонда Розы Люксембург в Москве готов участвовать в изучении и анализе деятельности институтов гражданского общества в России и Германии.

Предполагается, что материалы работы международного круглого стола будут опубликованы, а Центр проблем социального развития Европы ИЕ РАН продолжит изучение проблем развития гражданского общества в странах Европейского союза.

Канунников А.А., к.и.н., ведущий
научный сотрудник Центра проблем
социального развития Европы ИЕ РАН.

ЕВРОПА: ПОИСК РЕШЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Институт Европы РАН и Балтийский Федеральный университет им. Иммануила Канта в сотрудничестве с Фондом им. Фридриха Эберта и Ассоциацией европейских исследований (АЕВИС) провели 27-28 мая в Калининграде и Светлогорске (Калининградская область) международную конференцию “Миграционные проблемы в Европе и пути их решения”. В работе конференции приняли участие исследователи научных центров России, Германии, Франции, Польши, представители российских неправительственных организаций, а также органов государственной власти Калининградской области и дипломатического корпуса стран ЕС в Калининграде.

Первый день конференции прошёл в Калининграде на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта. С приветственными словами к её участникам обратились А.В. Юров, проректор по научной работе БФУ; В.Б. Белов, зам. директора ИЕ РАН; Симон Руппрахт, проект-ассистент Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Москве; Д.А. Данилов, вице-президент АЕВИС и зав. Отделом европейской безопасности ИЕ РАН.

Утренняя сессия была посвящена основным проблемам миграционной политики ЕС (moderator – Г.М. Фёдоров, директор института природопользования, территориально-го развития и градостроительства БФУ). С докладами на ней выступили В.В. Войников, вице-президент АЕВИС, председатель Калининградского регионального отделения АЕВИС, доцент кафедры международного и европейского права БФУ; Тамара Вагнер, политический советник депутата Европарламента Арне Литца; Нора Эль Кадим, профессор Департамента политических наук Университета Париж-8; Д.А. Данилов, вице-президент АЕВИС, зав. Отделом европейской безопасности ИЕ РАН; А.В. Туркина, директор Центра международного и европейского права БФУ, Женгота Кшиштоф и Котович Войцех, сотрудники Института политических наук Варминьско-Мазурского университета.

Участники обсудили реформу политики предоставления убежища, проблему интеграции мигрантов, влияние миграционного кризиса на социально-политическую ситуацию.

Особенность нынешней миграционной ситуации в ЕС, как отметили участники, состоит в слиянии двух иммиграционных потоков – экономических иммигрантов, по большей части нелегальных, и беженцев из зон военных действий, что создаёт комплекс трудноразрешимых проблем.

Эксперты пришли к выводу о том, что миграционный кризис стал поводом для очередного расширения полномочий Евросоюза. ЕС движим упрёками со стороны государств-членов, принимающих на себя основные миграционные потоки, вынужденных выстраивать на своих границах заборы с колючей проволокой и решать бытовые проблемы переселенцев. ЕС в не меньшей мере движим осознанием конструктивной роли такого явления, как кризис, для системы его институтов и полномочий (следует учитывать, недавнюю попытку расширения полномочий ЕС в момент острой фазы долгового кризиса). Это означает, что ответственные лица со стороны ЕС вместе с обретением компетенций должны будут взять на себя ответственность за будущую миграционную ситуацию. Однако о состоятельности ЕС как организации в преодолении нынешнего остройшего кризиса, о достижении эффекта от создания общей пограничной службы и договоренностей с Турцией об обмене нелегалов на беженцев, как и о достижении согласия между государствами-членами по вопросу расселения прибывших по террито-

рии ЕС, говорить ещё слишком рано. За текущими дебатами в институтах не ясна также судьба мультикультурализма – одной из концептуальных основ ЕС.

Вместе с тем, очевидно, что для ЕС становится нормой рассматривать кризисные ситуации именно как повод и способ повышения своего веса в регулировании политического, социального и экономического развития континента. Уже практически зримо и то, что ЕС готов отвечать за миграционный кризис, созданный во многом им самим. От своей миссии (а именно: видения себя в роли распространителя идеалов демократии, рыночной экономики, толерантности в качестве общих основ поведения в мировом сообществе, а также позиционирования себя благополучным, щедрым обществом, сочувствующим тем, кто нуждается в защите) Евросоюз не отказался, хотя в свете событий эта миссия представляется части наблюдателей почти провальной. Нет оснований утверждать, что ЕС свернёт с “пути истинного” перед продолжающимся ростом издивленческих настроений в странах иной идеологии и догоняющей экономики. Напротив, ЕС готов платить и за интеграцию тех, кто намерен остаться, и за возврат тех, кто рассчитывает отправиться на родину после восстановления там мирной жизни. В речах лидеров ЕС, как всегда твёрдо, звучит его намерение быть примером для подражания, хотя в ряде стран в результате применения опыта ЕС возник эффект кривого зеркала; выстраивание подобных моделей не удается. В свете недавнего признания Германией геноцида армян в Турции в начале XX века (которую всё же официально продолжают считать важным звеном в урегулировании кризиса) вряд ли следует ожидать, что ЕС поступится своими идеалами, признав легитимность и надёжность альтернативных моделей развития.

Основными направлениями дискуссии в рамках второй сессии (moderator – В.Б. Белов, зам. директора ИЕ РАН) стали иммиграционная политика на уровне государственных членов ЕС, защита прав мигрантов и работа неправительственных организаций по оказанию помощи мигрантам, политика Франции и Германии. С докладами выступили Е.В. Герасимова, зав. кафедрой международного и европейского права юридического института БФУ; А.В. Косс, доцент кафедры международного и европейского права БФУ; Р.Н. Лункин и С.М. Фёдоров, ведущие научные сотрудники Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН; А.В. Лялина, аспирантка Института природопользования территориального развития и градостроительства БФУ.

Второй день работы конференции прошёл в Светлогорске и был посвящён российским проблемам (moderator – О.Ю. Потемкина, зав. Отделом исследований европейской интеграции ИЕ РАН). С докладами выступили Р.Ш. Давлетгильдеев, доцент Казанского (Приволжского) государственного университета, директор НОЦ по правам человека, международному праву и проблемам интеграции, руководитель Центра пре-восходства в области европейских исследований VOICES+: И.В. Ивахнюк, профессор, член Глобальной ассоциации экспертов в области миграционной политики (GMPA); И.М. Узнародов, член Правления и председатель Ростовского регионального отделения АЕВИС, зав. кафедрой зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета, директор Центра Европейского Союза на Юго-Западе России; О.В. Корнеев, ведущий научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета; И.Л. Ландау, доцент кафедры международного и европейского права БФУ; Л.Л. Емельянова, доцент кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ. В докладах были освещены такие вопросы, как этапы формирования иммиграционной политики России, основные черты трудовой миграции и способы привлечения иностранных работников, миграционные процессы в регионах России, в частности, в Калининградской и Ростовской областях, разноплановые задачи иммиграционной политики: стимулирование эко-

номического роста, развитие евразийского интеграционного процесса, минимизация негативных последствий иммиграции.

Главными направлениями обсуждения стали изменения в миграционной политике РФ и её законодательной базе под воздействием евразийского интеграционного процесса. В дискуссии выступили Н.Б. Кондратьева и Л.О. Бабынина, ведущие научные сотрудники Отдела исследований европейской интеграции, и Н.В. Говорова, ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований ИЕ РАН.

Участники сессии отметили усиление требований к приезжающим в Россию в поисках краткосрочной занятости и возникающий в связи с этим рост нелегальной миграции и коррупции. Часть требований была подвергнута резкой критике, например, положение об оплате патента на осуществление индивидуальной трудовой деятельности до момента её реального осуществления, обязательная сдача экзамена на знание русского языка независимо от специфики профессии и др. Вместе с тем были отмечены риски для российского потребителя, вытекающие из отсутствия порядка признания дипломов о квалификации работников-мигрантов.

В целом, участники пришли к выводу о недопустимости подчёркнуто пренебрежительного отношения к мигрантам, приезжающим в Россию из стран ближнего зарубежья, проявляющегося в действиях региональных чиновников. Недопустимо и то, что миграционная тема подчас становится разменной монетой в переговорах на официальном уровне в рамках Содружества. Сложившийся порядок не вписывается в риторику евразийской интеграции и партнёрства на пространстве СНГ; тем более эту практику нельзя позиционировать как достойный, альтернативный европейскому, опыт контроля миграционной ситуации. Понятен и урок, который преподал ЕС нынешний миграционный кризис. А именно, необходимо развивать комплексный подход в отношениях РФ со странами Содружества и не допускать дестабилизации ситуации, которая может создать угрозу массового бегства людей в Россию в поисках убежища и лучшей доли.

Кондратьева Н.Б., к.э.н., уч. секретарь,
руководитель центра экономической
интеграции Института Европы РАН,
доцент НИУ “Высшая школа экономики”.

УЧЁНЫЙ СОВЕТ ИЕ РАН: ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТРЕЧИ ПАПЫ И ПАТРИАРХА

11 мая 2016 г. на заседании Учёного совета Института Европы РАН состоялось выступление посла Итальянской Республики в Российской Федерации Чезаре Мария Рогальини. Оно было посвящено отношениям России и ЕС и российско-итальянскому диалогу.

Следующим пунктом повестки дня был доклад профессора А.А. Красикова, главного научного сотрудника Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, о встрече лидеров двух крупнейших христианских церквей, католической и православной, — папы Франциска и патриарха Кирилла 12 февраля 2016 г. в Гаване. Учитывая, что эта тема уже была представлена в аналитической записке ИЕ РАН (Современная Европа. №2, 2016. С. 38–44), докладчик сосредоточил внимание на последствиях этого события.

Он отметил, что главной темой встречи были гонения на христиан – и не только христиан – на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и констатировал, что её результаты, согласно заключению председателя ОВЦС митрополита Илариона (Алфеева), произвели “немедленный положительный эффект”.

В комплексе отношений между Ватиканом и Москвой, несмотря на объятья папы и патриарха, проблемным пунктом является существование униатской Украинской греко-католической церкви. Это единственная крупная церковная юрисдикция среди “восточных католических церквей”, члены которой, придерживаясь православных обрядов, находятся в каноническом общении с Римским престолом. Уния была заключена большей частью украинского православного епископата с католиками на соборе в Бресте в 1596 г. и отменена 350 лет спустя, в 1946 г. Львовским собором, проведённым по указанию Сталина, – псевдособором, с точки зрения сегодняшней ГКЦП, инспирированным советскими властями.

Профессор Красиков привёл пример двух резолюций “согласен”: первая была написана Николаем II в 1916 г. на донесении протопресвитера русской армии и флота Г. Шавельского, вторая – Сталиным – в последние месяцы Отечественной войны (1941–1945 гг.) – на записке председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова. В первом из этих документов, подготовленном по просьбе царя, говорилось, что “церковная политика в Галиции должна не раздражать, а успокаивать население и всячески ограждать доверяющих нам униатов”. Чтобы расположить галицийских униатов к православной церкви, предлагалось “сделать всё возможное для наилучшего удовлетворения их духовных нужд”. Для этого надо было командировать в униатские приходы, оставшиеся без священников, убежавших вглубь Австрии, “самых лучших, идейных, образованных и бескорыстных наших священников”. Идея эта не была реализована из-за изменения обстановки на фронте и двух революций, потрясших Россию в 1917 году.

Карпов, со своей стороны, предложил Сталину “организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие” и одновременно “от имени патриарха и синода Русской православной церкви выпустить специальное обращение к духовенству и верующим униатской церкви и широко распространить его по униатским приходам”. А 4 января 1957 г. тот же Карпов доложил в ЦК КПСС:

“В 1946–1949 гг. во Львовской, Станиславской, Дрогобычской, Тернопольской и Закарпатской областях была проведена ликвидация Греко-католической (униатской) церкви путём воссоединения её с Православной церковью. В настоящее время в этих пяти областях насчитывается 3215 действующих православных церквей, из которых около 3000 бывших униатских, а из 1254 священников около 1000 бывших униатов. В 230 храмах, которые не были воссоединены, церковная служба была прекращена. Имевшиеся 48 греко-католических монастырей были закрыты. Глава униатской церкви митрополит Слипый, четыре епископа и 344 человека духовенства и монахов из 590 человек отказавшихся от воссоединения, были арестованы и осуждены.

Сам автор записки признавал, что “воссоединение среди значительной части духовенства было формальным, и если все стали вместо папы Римского поминать патриарха Московского, многие внутрицерковные униатские порядки остались неизменными”. В этом содержится, по мнению Красикова, ответ на вопросы, связанные с насильственным вытеснением православных клириков из “подаренных” им Сталиным храмов при первой же реальной возможности сделать это после наступления религиозной свободы в начале 1990-х годов. И нет ничего удивительного в том, что папа Франциск в послании верховному архиепископу УГКЦ Святославу 5 марта 2016 г. назвал львовское собрание псевдособором. Что касается критической реакции архиепископа Святослава на пассаж об униатстве в совместной декларации епископа Римского и патриарха Москов-

ского, Франциск, беседуя с журналистами во время поездки в Мексику, сказал: “Я хорошо знаю Святослава. В Буэнос-Айресе на протяжении четырёх лет мы работали вместе. Его интервью больше, чем на две страницы, а приведённые вами слова – в третьем с конца коротком абзаце. Шевчук заявляет о себе как о сыне церкви, находящемся в общении с епископом Рима. В догматической части нет никаких проблем, он ортодоксален в хорошем смысле этого слова”. “Затем, – добавил Франциск, – в любом интервью, – и в том, что я даю сейчас, тоже, – каждый имеет право сказать что-то своё”.

В свете встречи с папой Франциском патриарх Кирилл, со своей стороны, вынужден лавировать между консерваторами и либералами внутри РПЦ. Выступая 20 марта в московском храме Христа Спасителя, он осудил “глобальную ересь человекопоклонничества”, которая, по словам патриарха, является “главной ересью современности” и “может привести к апокалиптическим событиям”. Выступление предстоятеля РПЦ в храме Христа Спасителя вызвало немедленную реакцию Конгресса интеллигенции РФ, разместившего в социальных сетях заявление группы известных деятелей культуры, в котором, в частности, говорилось: “Мы считаем, что осуждение патриархом РПЦ МП Кириллом гуманистической основы современной цивилизации как “глобальной ереси человекопоклонничества” бросает вызов всем, кто ценит жизнь человека, его достоинство и права. Неприемлемый для современной культуры поиск “кощунства” и “богохульства” в искусстве и науке перерос в охоту на “еретиков” среди защитников прав человека”. Председатель ОВЦС митрополит Иларион (Алфеев), со своей стороны, заявил в интервью агентству ТАСС 25 февраля, что считает грехом выступления части паствы РПЦ против сближения христиан. А личный духовник Путина игумен Сретенского мужского монастыря епископ Тихон (Шевкунов), в котором СМИ видят одного из потенциальных кандидатов на пост следующего патриарха, обращаясь 7 апреля к студентам социологического факультета МГУ, подверг критике экуменизм. При этом, он говорил о “болезни экуменизма”, от которой большинство членов церкви “надёжно привито”. Кем и как оно было привито, – другой вопрос.

Лункин Р.Н.,
к.филос.н., ведущий научный сотрудник ИЕ РАН.

БОЛЬШОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ГЕОЭКОНОМИКИ

8 июня 2016 г. в Институте Европы РАН состоялся круглый стол “Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики”. В мероприятии, наряду с сотрудниками ИЕ РАН, приняли участие специалисты МИД РФ, ИМЭМО РАН, ИЭ РАН, Института востоковедения РАН, ИСКРАН и других научных учреждений Москвы.

Участники круглого стола в своих приветственных словах отметили чрезвычайную актуальность Большого Причерноморья на фоне современных геополитических вызовов. В ходе заседания были обсуждены интересы и позиции причерноморских государств, а также внешних “игроков” в регионе – США и НАТО. Особое внимание было уделено политике Европейского Союза в отношении стран Балканского региона, Южного Кавказа. В докладах второй части круглого стола были специально рассмотрены проблемы энергетической политики, региональных конфликтов в Причерноморье, а также нелегальной иммиграции в Европу через Италию и Грецию. Большой интерес участников вызвало обсуждение региональной политики Китая, конкуренции транс-

портных путей на европейские рынки через Причерноморье. Важное место в работе было отведено проблемам, касающимся создания, современной роли и перспективам Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), созданной в 1999 г. и насчитывающей 12 стран Причерноморья, суммарная численность населения которого составляет около 350 млн чел.

Большой черноморский регион “Большое Причерноморье” появился на карте Европы в начале 1990-х гг., а само понятие было согласовано в 2005 г. на встрече Черноморской комиссии по конфликтам (BSCC). В него вошли расположенные вокруг Чёрного моря страны Западных и Восточных Балкан, Украина, Молдавия, Россия и Турция. Группу прибрежных стран (“Черноморская семёрка”) объединяют общие задачи поддержания безопасности и соблюдение режима Черноморских проливов, а также решение проблем внутреннего судоходства, экологии, рыболовства и др.

В представленных на конференции докладах много внимания было уделено воздействию конфликтов на Ближнем Востоке на ситуацию в Причерноморье, а также интересам и политике Китая: воссозданию “Великого шёлкового пути” и перспективам выхода к Чёрному морю.

Круглый стол “Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики” был организован совместно с коллегами из ИМЭМО РАН, и в этой связи ведущими сотрудниками А.В. Рябовым и Ю.Д. Квашнином был предложен новый взгляд на проблематику Большого Причерноморья.

А.В. Рябов сосредоточился на современном состоянии региональной безопасности применительно не к Большому Черноморью, а в более узком смысле – региону, охватывающему страны, которые непосредственно расположены вокруг Черного моря, или тесно примыкают к нему – как два из трёх государств Южного Кавказа (Азербайджан и Армения). До последнего времени важную роль в обеспечении относительно равновесного состояния региональной безопасности на Чёрном море играло российско-турецкое взаимодействие. Но в ноябре прошлого года начался острый кризис в российско-турецких отношениях, который принял затяжной характер. Политика Турции в регионе резко изменилась и стала более ориентированной на США и НАТО. В этих условиях большинство стран региона стали рассматривать США как ключевой элемент равновесия в регионе, гарант их безопасности и противовес влиянию на Чёрном море. В итоге началась стремительная консолидация черноморских государств вокруг США. Вернуть ситуацию к прежнему уровню безопасности едва ли возможно. Но всё-таки снижение напряжённости было бы и в интересах России, и региональной безопасности в целом. Заметно изменить обстановку к лучшему можно лишь в результате нормализации российско-турецких отношений.

В комментарии к докладу А.Д. Хайтуна “Энергетические потоки Большого Причерноморья” к.и.н. Ю.Д. Квашнин (ИМЭМО РАН) коснулся возможностей и перспектив энергетического сотрудничества России с расположенными в Причерноморье Балканскими странами, в первую очередь с Грецией. По его оценке, страны Восточной Европы постепенно снижают свою зависимость от российского газа. В ближайшие годы Россия сохранит статус главного поставщика голубого топлива в государства этого региона, но уже в среднесрочной перспективе (5–10 лет) ситуация может измениться.

Языкова А.А. д.и.н.,
руководитель отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

В Институте Европы РАН прошла конференция «Настоящее и будущее мировой валютной системы», собравшая известных российских специалистов в области валютных проблем.

Открывавший заседание директор ИЕ РАН Алексей Громыко, предложил участникам три актуальные проблемы для обсуждения. Во-первых, должны ли процессы в мировой валютной системе следовать за происходящей в последние годы политической и экономической диверсификацией международных отношений, получившей название «полицентричности»? С одной стороны, очевидно, что постепенное превращение евро во вторую резервную валюту как раз и отражает эту тенденцию. Но, с другой, если многополярная мировая валютная система все-таки будет создана, будет ли она более стабильной, или, наоборот, в ней будут скрыты ещё более высокие риски, чем те, с которыми сталкивается международная финансовая архитектура в последние годы? Во-вторых, какое будущее ждет МФВ?

Недавнее решение Фонда продолжить программу помощи Украине после отказа Киева возвращать России долг в 3 млрд долл. не только беспрецедентно само по себе, но и способно стать бомбой замедленного действия, как знак того, что эта организация не справляется со стоящими перед ней вызовами, что ее всё больше используют, исходя не из рыночных принципов, а из geopolитических пристрастий. В-третьих, как будет меняться мировая валютная система по мере роста значения китайского юаня? В торговом финансировании юань уже вышел на второе место в мире, потеснив евро. В качестве расчётной валюты за последние пять лет юань поднялся с тридцатого на четвертое место в мире (после фунта, евро и доллара). А в регионе АТР юань стоит уже на первом месте.

Заместитель директора ИЕ РАН Валентин Фёдоров подчеркнул, что в последние десятилетия мировая валютная система серьёзно усложнилась. Появились совершенно новые денежные единицы и разновидности ценных бумаг. Тем не менее, американский доллар по-прежнему остаётся ключевой международной валютой, в которой находит очевидное отражение великодержавная политика США. В целях защиты от США и захвата ими экономического и политического контроля менее мощные страны стремятся отгородиться от доллара. В этом первопричина появления евро, даже несмотря на то, что члены Евросоюза относятся к числу давних союзников заокеанской державы. Бились против доллара, не учитывая его обеспеченность мировым торговым и инвестиционным оборотом, бесполезно. Не сбросят доллар с пьедестала и локальные валюты, не подготовленные для обслуживания мирового хозяйства.

Дollar может потерять свою привлекательность только на фоне уменьшения экономического потенциала США. Одним из направлений развития этого процесса может стать рост влияния китайского юаня, которому способствует решение о вхождении юаня в корзину валют, на основе которых подсчитывается размер специальных прав заимствования МВФ.

Заведующая кафедрой международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО МИД РФ Ирина Николаевна Платонова обратила внимание собравшихся на то, что в октябре 2015 года Китай объявил о запуске собственной трансграничной межбанковской платёжной системы. Для этого КНР создала 19 клиринговых банков в разных регионах мира, заключил 30 своих соглашений, в том числе с ЕЦБ, для расчётов в национальной валюте, поскольку данная система будет концентрировать все расчёты именно в юанях. Китай создал эту систему на базе иностранных

банков, которые ныне так или иначе принадлежат КНР. Среди таких банков крупнейший и старейший французский банк семьи Ротшильдов, в котором Китай приобрел 20% акций. Аналогичная схема была применена при создании клиринговых центров в Швейцарии, Люксембурге, во Франкфурте-на-Майне и так далее.

Китаю действительно удалось ускорить вхождение в мировую валютную систему. Для дальнейшего укрепления позиций руководством КНР было предпринято изменение всей инфраструктуры китайских банков. Она была открыта для иностранных банков, которые давно присутствуют в Китае, но ранее не могли осуществлять операции в юанях. Теперь эти банки допущены и к ним. В Шанхае создана не только Шанхайская биржа, но и специальный оффшорный центр, подобный тому, который существует в Лондоне. Скопировав уже имеющийся опыт, в Китае освободили от налогов банки, которые находятся в этом центре. При этом, в первую очередь, льготы получили иностранные банки, которым разрешили осуществлять более широкий круг операций с большим количеством инструментов. В результате, уже в 2015 году платёжный оборот КНР в юанях вырос на 20,3%. И Китай продолжает проводить изменения в собственном механизме интернационализации юана.

Заведующий Отделом экономических исследований ИЕ РАН Анатолий Бажан отметил, что доля доллара в международных расчётах составляет сегодня 80%, а в кредитах, депозитах и официальных резервах – 60%. Это позволяет США использовать свою валюту как орудие глобального управления, а остальные страны фактически платят им дань. Во-первых, доминирование доллара позволяет поддерживать в Америке высокий уровень потребления, превосходящий уровень внутреннего производства, за счёт неэквивалентного обмена с другими регионами земного шара и прежде всего развивающимися странами.

Этот механизм связан с постоянным увеличением госдолга США, который сегодня составляет около 18 трлн долларов и существенно превосходит объём ВВП. Во-вторых, доллар как национальная валюта концентрируется в американских коммерческих банках и является для них источником колоссальных ресурсов, эмитируемых ФРС. Это способствует глобальной экспансии американских банков. В-третьих, США регулируют обращение доллара с помощью изменения процентной ставки ФРС, которое, как правило, не отвечает интересам других стран. Снижение этой ставки и связанная с ним кредитная экспансия доллара на мировых финансовых рынках способны провоцировать «пузыри», приток «горячих денег», игру на курсах валют и прочие явления, подрывающие экономику атакуемых стран.

Ограничить власть доллара можно лишь путём расширения международного использования других национальных и региональных валют. Скорее всего, трансформация мировой валютной системы будет происходить в направлении формирования мультивалютного механизма при доминировании в недалёкой перспективе трех валют: доллара США, китайского юана и евро, при условии, что евро продолжит своё существование, а не дезинтегрируется под ударами финансового кризиса и набирающих силу центробежных тенденций в ЕС.

Существенную поддержку этому процессу оказала бы политика Китая по превращению юана в резервную валюту. Здесь у КНР особые перспективы, поскольку страна уже сейчас является крупнейшим мировым экспортёром товаров и по некоторым данным уже догнала США по объёму ВВП. Вхождение юана в разряд мировых валют не связано с какими-либо техническими сложностями. Для этого потребуется, помимо официального признания юана в качестве резервной валюты, введение свободной обра-тимости юана и оплаты китайского экспорта в национальной валюте – эти условия целиком зависят от воли китайского руководства.

Вытеснение доллара постепенно идёт и на постсоветском пространстве. Но этой стратегии мешает российская денежно-кредитная политика, которая, с одной стороны,

не способна обеспечить стабильность курса рубля, а с другой, побороть высокую инфляцию. И то, и другое ослабляет интерес участников расчётов в рамках Евразийского союза к использованию рубля. Волатильность курса российской валюты не только снижает ее способность конкурировать с долларом. Она также отрицательно сказывается на развитии торговых отношений с партнёрами по евразийской интеграции, вносит дезорганизацию во взаимную торговлю, обесценивает межреспубликанское разделение труда и подрывает значение самой идеи интеграции.

Интеграция на постсоветском пространстве требует не только стабильности, но и координации курсов валют, в которых осуществляются расчёты. Это значит, что страны-участники должны обладать одинаковыми механизмами управления курсами, с помощью которых можно эффективно добиваться согласования. До 2014 года Россия обладала таким механизмом, и он был идентичен тем, которые используют наши партнёры по Евразийскому союзу – регулирование курса с помощью валютных интервенций. Однако с 2015 года рубль отпущен в свободное плавание. И в этих условиях поддерживать курсовую стабильность в рамках Евразийского союза стало практически невозможно.

Ответ на вопрос, почему российские власти отпустили рубль в свободное плавание, остаётся загадкой. Объяснение Банка России о том, что это необходимо для эффективного регулирования денежного предложения путём воздействия на процентную ставку, то есть таргетирования инфляции, не выдерживает критики. Инфляция в РФ носит преимущественно немонетарный характер и вызвана давлением естественных монополий, а также монополизированных торговых структур. Никакое сокращение денежного предложения замедлить темпы такой инфляции не может. Нужна эффективная работа правительства по антимонопольному регулированию. Это же подтверждает и более чем 20-ти летний опыт Банка России, постоянно сжимавшего денежную массу, но так и не добившегося заметного сокращения роста цен.

Практическая бесполезность таргетирования усиливает прямой вред от свободного плавания рубля, чей курс неизбежно становится нестабильным из-за ориентации российской экономики на экспорт углеводородов и других видов сырья. Поскольку цены этих товаров на мировых рынках подвержены резким колебаниям, курс рубля также испытывает соответствующие резкие перепады, имея в долговременной перспективе тенденцию к падению из-за неспособности властей победить инфляцию. Выбор, который сделало руководство России в пользу таргетирования инфляции, следует рассматривать как ошибочный. Целесообразно возвратиться к системе регулирования курса и произвести соответствующие изменения в антиинфляционной политике.

Заместитель директора Института Экономики РАН Михаил Головнин обратил внимание собравшихся на важную особенность современной мировой валютной системы: она даёт возможность странам самостоятельно выбирать режим валютного курса. Тем не менее, подавляющее большинство стран предпочитает этот курс регулировать. Жёсткого регулирования, эквивалентного одностороннему отказу от национальной валюты, придерживается достаточно небольшое число стран – 25. Но, различные формы фиксации присутствуют еще в 83 странах, а управляемое плавание – в 54 странах. То есть, на самом деле одной из составляющих современной мировой валютной системы, в том числе поддерживающих доллар как резервную валюту, являются действующие национальные режимы валютного курса, представляющие собой свободный выбор конкретных стран.

Сегодня предлагаются три основных варианта создания новой мировой валюты: на основе золотого или товарного стандарта, на основе специальных прав заимствования или на основе принципиально новой системы с глобальным центральным банком. При товарном стандарте все страны фактически потеряют такой инструмент регулирования как национальная денежно-кредитная политика. Специальные права заимствования

нуждаются в кардинальной реформе, поскольку сейчас они совершенно не приспособлены к функционированию в качестве мировых денег. Третий вариант теоретически был бы, наверное, наиболее удачным, но он требует принципиально иной политической конфигурации и признания гораздо более высокого уровня глобализации мировой экономики. Этот вариант позволил бы сохранить денежно-кредитную политику хотя бы на глобальном уровне. Но все-таки все эти три варианта не реалистичны даже в долгосрочной перспективе. Вместо этого вероятно создание неких новых финансовых инструментов, выступающих в роли тихой гавани, но не привязанных к конкретным валютам. Такие предложения уже были: это могут быть инструменты, привязанные к динамике глобального ВВП или каких-то иных показателей развития мировой экономики.

Одна из ключевых проблем сегодня – это учёт интересов более широкого круга стран в мировой экономике и прежде всего стран с формирующимиися рынками. Налицо рост доли стран БРИКС в мировой экономике даже по текущим валютным курсам. По паритетам покупательной способности их доля выросла ещё больше, при этом почти весь этот прогресс обеспечен ростом экономики Китая в абсолютном выражении. Необходимо усиление представительства стран с формирующимиися рынками в мировой финансовой системе, без этого не произойдёт рост их роли в мировой валютной системе. Необходимы именно финансовые инструменты, номинированные в этих валютах, которые обращались бы на мировых финансовых рынках. На примере Китая видно, что простое увеличение доли юаня в торговых расчётах даёт крайне мало с точки зрения его роста как мировой валюты. Нужно, чтобы валюта обращалась на мировых финансовых рынках.

Но подобное расширение обращения валют стран с формирующимиися рынками автоматически сделает их более уязвимыми для внешних шоков: оно может оборачиваться ростом спекулятивных притоков капитала, возникновением кризисов и последующим внезапным оттоком капитала, вследствие которого их доля будет столь же быстро снижаться. Поэтому следующий важный элемент – это формирование защитных механизмов от неблагоприятных последствий воздействия спекулятивного капитала. Такие механизмы уже создаются: соглашения о валютных swapах, предложения в области налогообложения спекулятивных потоков капитала и меры макропруденциальной политики на национальном уровне. Но чтобы сделать эти механизмы более устойчивыми, необходимы глобальная координация и политическая воля.

Заместитель директора ИЕ РАН Ольга Буторина напомнила собравшимся о том, что к лету 1944 года США аккумулировали у себя от двух третей до трёх четвертей мировых монетарных запасов золота. Если бы золото не стало тогда обеспечением будущей мировой валюты, то оно превратилось бы в очень дорогостоящее сырьё, но не более того. Однако благодаря усилиям дипломатов США получили на Бреттон-Вудской конференции очень важное преимущество. В ее работе принимали участие в основном страны Америки, в том числе Латинской, которые играли минимальную роль в мировой экономике. Страны, воевавшие на стороне Германии, естественно, были отстранены. Не были направлены приглашения и нейтральным государствам, которые, якобы, прятали у себя нацистские капиталы. От остальной Европы принимали участие правительства в изгнании, за исключением английского. СССР и КНР участвовали в конференции, но их роль в международной валютной системе была нулевой, поскольку они не имели конвертируемых валют. Именно в этот промежуток между открытием второго фронта и окончанием Второй мировой войны, только и могла быть создана мировая валютная система, основанная на золоте.

Официально золото прекратило свою денежную функцию в 1971 году и больше не является деньгами. Теперь это инвестиционный товар. Возврат к золотому обеспечению ныне мало вероятен, потому что темп развития мировой экономики, который создаёт спрос на деньги, сильно отличается от добычи любого обеспечения, будь то золо-

то или любой другой товар. Но история Бреттон-Вудской конференции весьма поучительна. Конечно, спрос рынков на ту или иную валюту, и круги, идущие от того, что, например, в долларах устанавливается цена нефти и большинства других сырьевых товаров – все эти рыночные факторы очень важны. Но не менее важны и усилия государства и дипломатии.

Самый свежий пример – 1 декабря 2015 года Кристин Лагард сообщила, что корзина СДР пересмотрена: теперь 42% будет приходиться на доллар, 31% на евро, 11% на юань и примерно по 8% на иену и на фунт. Как вышло, что юань занял такую высокую позицию сразу? МВФ пересмотрел критерии, по которым валюты теперь включаются в корзину. Первое – это экспорт. Причём не экспорт, номинированный в данной валюте (у юаня этот показатель невелик), а экспорт данной страны в целом. Второе – доля резервов третьих стран в данной валюте (и здесь у юаня позиции слабые: 2% оборота мировых валютных рынков и международных банковских пассивов и обязательств). Но МВФ добавил к этому ещё один пункт: теперь речь идёт не о свободно конвертируемой валюте, а о реально используемой валюте (*really usable currency*). А вместо критерия по либерализации операций с капиталом прозвучали слова Лагард о том, что Китай очень много сделал для движения к более рыночным основам финансовых операций в стране.

В МВФ давно существовал запрос на диверсификацию и увеличение роли развивающихся стран. Китай очень вовремя этот запрос осознал и реализовал в свою пользу. На данный момент – это, скорее, символическая акция, потому что у КНР нет независимого курса – юань жестко привязан к доллару. Но, тем не менее, этот символический акт будет развязывать Китаю руки в плане других действий на пространстве экономической дипломатии, которая неразрывно связана с дипломатией политической. Возможно, резервы в юанях будут расти у тех стран, которые торгуют с КНР. Возможно, это откроет дорогу и для формирования самостоятельного курса юаня, тем более что процентные ставки и инфляция в КНР очень низки.

Совершенно очевидно, что для построения столь сложной конструкции Китаем были предприняты целенаправленные усилия дипломатического характера. Вывод для России ясен: если мы хотим, чтобы рубль использовался в качестве валюты в мировых расчётах и имел больший международный вес, нужны не только рыночные инструменты. Нужна умная, обеспеченная высококвалифицированными кадрами и, естественно, запросом со стороны государственных органов, экономическая дипломатия.

Гусев К.Н.,
к.э.н., ведущий научный
сотрудник Института Европы РАН.

80 ЛЕТ – АЛЕКСЕЮ ДАВЫДОВИЧУ ХАЙТУНУ

Алексей Давыдович Хайтун является руководителем Центра энергетической политики Института Европы РАН и главный научный сотрудник ИЕ РАН.

Профессор, доктор экономических наук А.Д. Хайтун родился 9 мая 1936 года. В 1958 году окончил Московский институт инженеров транспорта, факультет электротехники. В 1968 году (заочно) Таджикский госуниверситет, факультет экономики. В 1991 году обучался в DMAN, ФРГ.

Профессиональная деятельность:

1958-1963 - Красноярская железная дорога, инженер-электромеханик

1963-1970 - проектный институт Таджикгипрострой (Душанбе, Тадж.ССР), руководитель мастерской.

1970-1985 - НИИ Миннефтегазстроя, руководитель сектора, завотделом.

1995-2005 - Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, завкафедрой экономики инвестирования и строительства.

2005 – настоящее время - главный научный сотрудник Института Европы РАН. Автор 170 статей, 5 монографий.

Государственная премия СССР «за разработку и внедрение системы освоения природных ресурсов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса вахтовым методом» (1986 г.).

В 1990-2003 годах руководил более 40 коммерческими НИР по проблематике нефтегазового комплекса.

Центр под руководством профессора Хайтуна проводит исследования российского ТЭК и мирового рынка энергоресурсов в контексте укрепления европейского единства, формирования общеевропейского энергетического пространства, усиления геоэкономической позиции России, обеспечения общеевропейской энергетической безопасности, привлечения и регулирования иностранных инвестиций в добывающие отрасли и российскую энергетику.

Дирекция Института Европы РАН и редакция журнала «Современная Европа» искренне поздравляют юбиляра, благодарят за многолетнюю и плодотворную работу, желают здоровья и творческого долголетия.

РЕЦЕНЗИИ

СЕРБИЯ, КОТОРУЮ ОНИ ПОТЕРЯЛИ

Вышла в свет книга посла в Сербии в России Славенко Терзича “Старая Сербия. Драма европейской цивилизации”¹. Автор книги, четвёртый год представляющий Сербию в Российской Федерации, является профессиональным учёным – выпускник исторического отделения философского факультета Белградского университета, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств, в течение пятнадцати лет (с 1987 по 2002 г.) возглавлявший Институт истории этой Академии, автор более двухсот научных работ на сербском, русском, английском, французском и немецком языках, член Сербского литературного общества (с 2001 по 2005 г. был его председателем).

Как видим, С. Терзич – не профессиональный политик (и слава Богу, ибо нам хорошо известны примеры “приступов литературного вдохновения” у профессиональных политиков), а профессиональный учёный, что объясняет академичность изложения материала и человеческое неравнодушие к судьбе Родины, ставшее, очевидно, побудительным мотивом к написанию этой книги. По собственным ощущениям можем признать, что своё неравнодушие и смелость к познанию автор умело передаёт читателю своего произведения.

Книга достаточно объёмная – почти пятьсот страниц с иллюстрациями и документальными приложениями, написанная к тому же не по привычному для наших научных изданий линейному принципу (хронологическому) а по более развитому в европейских странах концентрическому принципу – каждая глава представляет собой самостоятельную тему, хронологически развитую до наших дней. Таким образом, каждая глава сама по себе могла бы пред-

ставлять собой отдельное издание. Тем не менее, несмотря на концентрический принцип расположения материала, работа по завершении прочтения создаёт ощущение цельного, законченного и слаженного произведения.

Старая Сербия – это историческое название земель Рашики, Косово, Метохии и Скопско-Тетовского района, – колыбели Сербской государственности и родины сербского национального-освободительного подъёма. Именно понятие “Старая Сербия” использовалось политиками, историками, географами и публицистами вплоть до XIX века, пока не было вытеснено из массового сознания другим понятием “Княжество Сербия” – образованным на севере Сербии центром сербского национально-освободительного движения (в то время как Старая Сербия продолжала оставаться в составе Османской империи вплоть до 1912 г.). А далее была Югославия. Однако всё по порядку.

В начале книги автор подробно останавливается на вопросах терминологии и географии Старой Сербии. Здесь перед нами проходит целая череда сербских учёных, общественных и церковных деятелей, стремившихся закрепить историческое понятие “Старая Сербия” в документообороте и прежде всего в картографии. Одновременно с этим, как указывает автор, многими европейскими авторами (но не всеми!) достаточно небрежно определялись границы Старой Сербии (находящейся под османским владычеством).

Переходя к значению Старой Сербии для сербского национального самосознания, автор отмечает, что “Старая Сербия – это очень важная и интересная тема с точки зрения цивилизационных исследований: редко на таком малом географическом пространстве встречаются три крупнейшие мировые религии – восточное и западное

---

¹ Терзич С. Старая Сербия. Драма европейской цивилизации. М., Фонд исторической перспективы; Издательство “Вече”, 2015. 480 с.

христианство и ислам со всеми внутренними разделениями, а также элементы иудаизма..." (с. 43).

Пространство, в свою очередь, способствовало развитию сербской культуры: "Плодородные и благоприятные равнины Косово, а особенно Метохии, с умеренным климатом и обилием воды, отгороженные от Албании высокими горными массивами Шар, Кораба, Паштрика и Проклетия, являлись Богом данной естественной средой, что обеспечило развитие высоких творческих возможностей сербов в Средние века" (с. 45).

До вторжения османов здесь было построено несколько сотен церквей и десятки храмов, возведен комплекс дворцовых резиденций. Монастыри и церкви, кстати, были крупнейшими землевладельцами, что и отразилось в названии области Метохия (от греческого "Метох" – церковная собственность). Долгое время здесь располагалась резиденция сербского митрополита.

Автор убежден и стремится донести до своих читателей (прежде всего европейских) мысль: "Если исходить из западной модели национальной идентичности и нации в понимании культурного сообщества, члены которого объединили и гомогенизовали общие исторические воспоминания, мифы, символы и традицию, в этом случае, бесспорно, Косово является центральной скрепой сербской идентичности" (с. 51).

И, конечно, переломным моментом в развитии и процветании края становится турецкое вторжение и подчинение Старой Сербии в XV веке. Сербский эпос хранит память о кровопролитной битве на Косовском поле в 1389 г. христианского сербского войска под предводительством князя Лазаря и исламского турецкого войска султана Мурата (оба сложили головы на поле боя) как о символе жертвенности во имя свободы. Окончательно территория Старой Сербии была завоевана турками в 1459 г.

Турецкие притеснения сербов, выразившиеся в разорении их хозяйств, с одной стороны, и поражении в правах – с другой, а также неудачная попытка австрийского императора переподчинить Балканы привели к объявлению турецкими правителями джихада. Результатом такого решения в 1690 г. стал Великий исход сербов в Воеводину, владение австрийского императора. Согласно имеющимся сведениям, свою ис-

торическую родину были вынуждены покинуть 185 000 человек, на место которых в их дома и поместья сразу же хлынул поток турок и албанцев.

Вместе с турками в Старую Сербию приходит не только оккупация, не только унижение и упадок культуры. Вместе с турками приходят албанцы. Закладываются первые камни в фундамент косовского сепаратизма...

Только спустя три с половиной века серия сербских восстаний привела к созданию ограниченной сербской автономии в Османской империи в 1817 г. Еще полвека спустя восстания сербов, боснийцев и болгар привели к так называемому "восточному кризису" и русско-турецкой войне, результатом которой стала долгожданная свобода и независимость Сербского княжества.

Из приведенных автором книги материалов мы узнаем, в частности, что албанцы-мусульмане на протяжении всего восточного кризиса были рьяными сторонниками турецкого владычества. Цитируя хорватского историка Б. Стулли, автор показывает, что именно албанские роты в турецкой армии были "главной ударной силой, традиционно используемой против других народов Турецкого царства" и что эти "нерегулярные роты", состоящие в основном из албанцев, особенно часто чинили насилия и грабежи" (с. 100).

По-своему албанцы-мусульмане восприняли и результаты войны. Автор уделяет особое внимание созданию Призренской лиги (по названию местечка Призрен в Косово) – албанского националистического объединения, появившегося в 1878 г. как реакция на решения Берлинского конгресса.

В 1912 г. вспыхивает так называемая первая балканская война. По её итогам в 1913 г. Османская империя теряет практически все свои европейские владения. Свершилось! Старая Сербия воссоединяется с Сербским княжеством. Начинается период (увы, короткий, только до начала Второй мировой войны), когда Сербия является единой и неделимой, как мы бы сказали.

Из приведенных в книге данных видим, что к моменту освобождения от османского владычества численность населения Старой Сербии была следующей: из 980 000 человек всего населения 447 000 были славяне – православные и мусульмане, 430 000 – албанцы, остальные – турки, евреи и пр. (с.

274). То есть сербов была примерно половина (только!). К тому же вторая половина населения Старой Сербии уже была заражена зернами национализма.

Освободившаяся от османского владычества Старая Сербия сразу стала объектом геополитических претензий соседних держав – Албании, Болгарии и в первую очередь Австро-Венгрии.

Австро-Венгрия представляла собой двуединую монархию со значительной частью неавстрийского и невенгерского населения – славян, которые предъявляли всё больше прав на равноправное представительство и превращение империи в триединую австро-венгерско-славянскую. На роль славянского центра претендовали и чехи, и словаки, и русины, и... сербы, проживавшие в Воеводине и Боснии. Венский кабинет опасался, что стремление сербов жить в одном государстве в перспективе может лишить Австро-Венгрию её населённых сербами земель и подать плохой пример другим народам империи. Были, правда, и такие деятели, которые полагали, что стремление сербов объединиться в одном государстве родит их с немцами и итальянцами и что надо помочь им в этом – под патронатом Австро-Венгрии и заполучить себе, таким образом, верного союзника (с. 201). Однако в Вене предпочли как минимум ослабить и расчленить Сербию, как максимум – включить Сербию в состав Австро-Венгрии. Вскоре, такие амбиции привели Австро-Венгрию и всю Европу к Первой мировой войне.

Автор книги иллюстративно показывает, что во время войны австро-венгерские оккупационные власти “полностью опирались на албанских аг и беков на территории Старой Сербии” (с. 193). Вообще же, желание заполучить Старую Сербию быстро привело к политическим столкновениям между союзниками по четверенному союзу – австро-венграми, болгарами и турками.

Завершение Первой мировой войны и поражение в ней стран четвёрного союза вернули прежнее положение дел. Старая Сербия вновь оказалась нераздельной частью Сербии, которая, в свою очередь, стала составной частью нового Королевства сербов, хорватов и словенцев – Югославии.

Здесь, казалось бы, можно было и порадоваться за сербов, если бы одновременно с

созданием государства Югославия не была бы создана Коммунистическая партия Югославии (КПЮ). Переняв от вышестоящего Коминтерна убеждения в “праве наций на самоопределение вплоть до отделения”, КПЮ допустила “присоединение областей к своему национальному государству” (с. 215). Более пятнадцати лет, как пишет с горечью о своих соотечественниках автор, коммунисты, следуя своей антинациональной доктрине, добивались подрыва и развала “буржуазной” Югославии – по их убеждению “версальского и великосербского творения”.

С ними “конкурировали” мусульманские националисты. Из книги мы подробно узнаём, как в марте 1941 г. в Сараево формируется движение “Молодые мусульмане” с заимствованной у младотуров идеей “панисламизма”. Активным участником движения становится Алия Изетбекович, вскоре проявивший себя как пособник эсэсовских подразделений (Мир ещё узнает о нём позже, в девяностых, когда он станет одним из разжигателей гражданской войны в бывшей Югославии и по совместительству – первым президентом Боснии. В 1994 г. этот “борец за свободу” встретится в Сараево с другим таким же “борцом” – Усамой бен Ладеном.).

При том – и на это нам стоит обратить особое внимание – несмотря на этнические притеснения и вынужденное изгнание со своих земель во время турецкой оккупации и Первой Мировой войны – сербы не ответили тем же. Никто не выселял албанцев, никто не ограничивал их в правах.

Начавшаяся Вторая мировая война принесла Югославии раздор и оккупацию. Старая Сербия была разорвана и оккупирована “Независимым государством Хорватия” и “Великой Албанией” – пособниками Гитлера.

Героическая борьба югославского народа за свободу и независимость снискала ему славу народа-победителя во Второй мировой войне. Ушли в небытие все “великие” и “независимые” марионетки Гитлера. Югославия была очищена от оккупантов, восстановлена в границах, власть в стране перешла к Коммунистической партии.

Несмотря на то что именно сербский народ понёс наибольшие потери в войне, несмотря на то что именно сербы не рвались создавать дивизии СС, несмотря на то что именно сербы составили костяк и осно-

ву партизанского движения в Югославии – несмотря на всё это отношение коммунистов к национальному вопросу не изменилось. Автор, в частности, приводит высказывание представителя британской военной миссии на юге Сербии Д.Х. Мейджора, сделанное им ещё в 1944 г.: “Я верю заявлению Тито, что его не интересует будущее Косово, которое он готов отдать албанцам, если они того пожелают” (с. 219). Слова эти вскоре стали подтверждаться делами.

Казалось бы, по завершении всех ужасов войны, после победы над врагом изгнанные из Косово сербы смогут вернуться домой... Но неожиданно новая югославская власть во главе с И.Б. Тито принимает решение “О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания” (под “колонистами” подразумеваются старожилы сербы!) – “Впредь воспрещается возвращение колонистов в места их прежнего проживания, и пусть все останутся на своих местах” (с. 220). Каково?! Изгнанные со своей земли сербы остаются в изгнании, а занявшие их дома албанцы остаются на месте!

Более того, Старая Сербия выделяется из самой Сербии в автономный край “Косово и Метохию”. Автор подчёркивает, что большинство албанцев, совершивших военные преступления, не были привлечены к суду в рамках кампании “интернационализации”, а большая часть всех судебных и административных органов власти в новоявленной автономии “Косово и Метохия” была сформирована албанцами (с. 225).

И здесь мы хотели бы обратить внимание на два момента, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для понимания трагедии Старой Сербии.

Первое. Албанское население Старой Сербии, будучи некоренным, переселённым на земли изгнанных сербов, само никогда сербами не притеснялось и не изгонялось. Переселившись в Старую Сербию, оно там закрепилось (постепенно разрастаясь), в XIX веке вооружилось идеей “Великой Албании”, а в XX веке впервые в истории получило свои границы – границы автономного края. Таким образом, к середине XX века было население, не желающее жить вместе с сербами, было националистическое движение, способное повести албанцев по пути отделения, и были границы, по которым можно было отделяться. Был даже свой

краевой парламент. А по конституции 1974 г. Косовская автономия вообще становилась субъектом Федерации. Чего ещё не хватало для сепаратизма?

Второе. Само по себе албанское население никогда не занималось сепаратизмом, только при наличии мощной внешней силы – Османской империи, Австро-Венгрии, гитлеровской Германии (а в будущем – НАТО). Только при наличии внешней поддержки албанские сепаратисты чувствовали себя уверенно. И здесь мы должны по-новому взглянуть на Компартию Югославии, которая, будучи по определению государствообразующей партией, поступила с сербами и албанцами так, как и не мечтали поступить иностранные оккупанты.

Кстати, в этом отношении совсем в неожиданном для большинства наших читателей свете предстаёт образ И.Б. Тито. Автор даже приводит данное в последнее время маршалу Тито прозвище – “последний Габсбург на Балканах”. “Внутренние административные границы между республиками не имели ни исторических, ни этнических, ни географических оснований, народу не была дана возможность свободно выражить свою демократическую волю – в каких границах он желает жить. Их утверждали несколько ведущих югославских коммунистов во главе с Тито, с ясной политической целью навязать с помощью этих границ концепцию маргинализации сербского фактора в новом государстве – оправдываясь борьбой против “великосербской гегемонии” (с. 41).

Парадокс, но в результате создания Иосипом Броз Тито небольших национальных обособленных образований сербский народ везде, кроме “центральной Сербии”, стал национальным меньшинством, хотя реально таковым не являлся ни юридически, ни численно.

Далее автор утверждает: “Масштабная этническая чистка сербов в старой исторической сербской области старой Сербии происходила на глазах сербской, югославской и мировой общественности от 1945 до начала 90-х гг. XX века”. И далее он приводит грустную статистику: в ходе Второй мировой войны в рамках “Великой Албании” из Старой Сербии было изгнано 100.000 сербов и заселено (в их дома) столько же албанцев. А после 1945 г. из Старой Сербии было выселено (а правиль-

нее было бы сказать – вытеснено) ещё 250.000 сербов (с. 33).

Югославская конституция 1974 г. предоставляла Косовскому (наименование “Косово и Метохия” было предусмотрительно сокращено, а “Старая Сербия” вообще не употреблялось) краю элементы государственности: право самостоятельно регулировать свои отношения, парламенту края – самостоятельно принимать решения об изменении своей конституции (!) и давать согласие или несогласие на изменения в конституции Югославии (!!). У Косово были даже собственные Верховный и Конституционный суды. Строго говоря, Тито превратил Югославию в шаткую конфедерацию, держащуюся воедино только его волей и силой. Что было дальше, мы хорошо помним, ещё не забыли. Сначала не стало Тито, затем федеративной Югославии, затем – единой Сербии. И всё после смерти “гениального” Тито разрывалось, что называется, по живому – с кровью, болью и беженцами...

По прочтении книги понимаешь феномен Старой Сербии – в ней как в капле воды отразилась “вся совокупность сербской истории”. Добавим - и её трагедия. В предисловии к книге автор пишет о тщетности предостережения сербского учёного и государственного деятеля Стояна Новаковича о неизбежности последствий крупных политических, этнических и демографических изменений и забвении Старой Сербии при увлечении построением нового сербского государства, основанного на других территориях и другой geopolитической мысли. Автор с горечью признаёт: “Дальновидность Новаковича подтвердили драматические изменения, произошедшие в течение XX века” (с. 15).

Пожалуй, нам – русским читателям – как никому другому близки и понятны переживания автора по этому поводу. Нам хорошо известно, как великодержавное, а затем общесоюзное пренебрежение исторической значимостью Киева – матери городов русских и вынесение его на периферию geopolитического пространства, превратило сначала Киев в украинский город, а затем и всю южную Русь в государство русофобское и антироссийское, и урок этот для нашей памяти до сих пор свеж...

Также в завершении хотелось бы отметить и некоторые недостатки издания – как

известно, безупречных изданий не бывает. Нам кажется, что русскому изданию не помешало бы иметь в конце книги хронологию событий (которыми насыщено издание) и именной указатель (то же самое). Это облегчило бы задачу работы с изданием специалистам, да и просто любителям.

Ещё хочется сказать, что своим примером Славенко Терзич доказывает старую истину: когда историк становится дипломатом, самой дипломатии это идёт на пользу (из отечественных доказательств этой истины – пример историка В.М. Фалина бывшего послом СССР в ФРГ).

Однако Славенко Терзич, на наш взгляд, является собой пример не просто историка. Просто историк не стал бы организатором серии международных исторических конференций “Встреча цивилизаций на Балканах”; просто историк не стал бы организовывать работу академической комиссии по сотрудничеству с российскими учёными; просто историк не стал бы тратить своё время, а стало быть, часть жизни, на написание фундаментального исследования, заставляющего по-новому взглянуть на, казалось бы, всем понятную и очевидную косовскую проблему. Всё дело в том, как нам кажется, что Славенко Терзич не просто историк, он просветитель в самом классическом понимании этого слова. И свет истины он несёт с достоинством учёного и гражданина своей Родины.

И в завершение хотелось бы в ответ на признание автора о том, что “для сербов характерны некоторая спутанность к собственной истории и пошатнувшаяся вера в себя” (с. 20) сделать ответное признание, что в гораздо большей степени эти слова подходят для нас, русских. И чем быстрее мы искореним своё историческое невежество, тем проще нам будет поверить в собственное будущее и настоящее.

А для начала прочтите книгу “Старая Сербия”.

Александров-Деркаченко П.П.,
председатель Московского общества
истории и древностей российских, дей-
ствительный член Российского историче-
ского общества и Российского военно-
исторического общества, статс-
секретарь Русского исторического обще-
ства заграницей.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал “Современная Европа” статьи следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также в соответствии с правилами международных баз данных цитирования периодических и непериодических изданий (Scopus, Web of Science etc.):

- объем рукописи не должен превышать 1 а.л. (35 тыс. знаков, включая пробелы, 25 тыс. знаков для соискателей и аспирантов), для разделов “Рецензии”, “Научная жизнь” – не более 3 страниц (около 10 тысяч знаков). Объем аннотации должен быть не менее 150 знаков.
  - статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала (кегль 14) в электронном виде и при сланы по электронной почте: sov_europe@mail.ru.
  - все источники следует снабдить библиографическими ссылками и **пристатейным списком литературы в русском варианте (Список литературы)** и **английском (References)**. Ссылки оформляются по системе Harvard. Список литературы и References составляется без нумерации и в алфавитном порядке (не более 20 наименований).
    - Каждой статье в журнале присваивается DOI. Просьба также указывать DOI публикаций в списках литературы.
    - Необходимо указать код статьи по УДК (автор самостоятельно определяет код статьи, см.: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://www.udcc.org/udcsummary/php/index.php>).
    - Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редакции и редакций.
    - Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
    - Статья принимается к публикации на основании порядка **рецензирования и правил редакционной этики**, принятых в журнале “Современная Европа”, которые отражены на сайте журнала www.sov-europe.ru.

Пример оформления статьи для журнала:

ФИО автора, должность, место работы (в именительном падеже), эл. почта. Адрес места работы.

Код статьи по УДК.

Название статьи.

Текст статьи (в тексте статьи при ссылке на источник необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора, год издания и страницу).

Список литературы (в русском варианте, должны быть все ссылки, в том числе на англоязычные издания).

References (с англоязычными ссылками и русскоязычными в транслитерации, оформленными в соответствии с Harvard style).

ФИО автора, должность, место работы (на английском языке), эл. почта, адрес места работы (на английском языке).

Название статьи на английском языке.

Аннотация (на русском и английском языках, 200-300 слов).

Ключевые слова (на русском и английском языках, 5-10 слов).

Более подробно о содержании вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте <http://www.sov-europe.ru>.

English version: <http://www.sov-europe.ru/english/index.htm>

С полной версией журнала в открытом бесплатном доступе также можно ознакомиться в каталоге “Научной электронной библиотеки”: <http://www.eLibrary.ru>

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope>

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями,
рецензировать и возвращать незаказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3.

Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 629-92-96.

E-mail: sov_europe@mail.ru , ieras@mail.ru

Internet: <http://www.sov-europe.ru>

Технический редактор Т.Н. Степашина

**Индекс журнала “Современная Европа”
в каталоге “Роспечать” — 79701 и
в объединённом каталоге “Пресса России” — 14492**

Подписано в печать 30.06.16 г.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Объём 10 п.л. Тираж 700 экз. Заказ .

Типография ООО Издательско-полиграфический центр “Маска”.